

Павел Санаев

Нулевой километр

A_Ch

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158563

Санаев П. Нулевой километр: Астрель, АСТ; М.; 2007

ISBN 978-5-17-048649-6, 978-5-271-18766-7

Аннотация

Нулевой километр – это начало всех дорог. Он есть в каждом городе, но самый легендарный, как известно, находится в Москве. Добравшись до него, каждый получит шанс воплотить свои мечты в реальность. Костя собирается стать известным клипмейкером. Олег мечтает о больших деньгах и высоком статусе. Артур стремится выгодно жениться. Алина просто хочет быть счастливой. Но за все приходится платить.

Предать или простить предательство, добиться главного в жизни шанса или принести этот шанс в жертву любви?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	64
Глава 8	76
Глава 9	81
Глава 10	89
Глава 11	95
Глава 12	121
Глава 13	131
Глава 14	140
Глава 15	147
Глава 16	157
Глава 17	174
Глава 18	185
Глава 19	195
Глава 20	208
Глава 21	231
Глава 22	243
Глава 23	250

Глава 24	261
Глава 25	271
Эпилог	276

Павел Санаев

Нулевой километр

Глава 1

Запах железной дороги, витавший над потрескавшимся асфальтом, раскаленными рельсами и россыпями пробившихся через гравий ромашек, приятно и многообещающе будоражил. Он насыщал душу густой взвесью самых разнообразных надежд – и не призрачных и неясных, а таких же зримых и основательных, как убегающие вдаль рельсы. И хотя Олег, торопливо шагающий по платформе, знал, что это всего-навсего запах креозота, которым обрабатывают шпалы, он с удовольствием дышал полной грудью и ощущал себя на пороге великих перемен. Как же здорово в двадцать с небольшим лет, когда все только начинается, вырваться из серости родного Мурманска и устремиться навстречу новой жизни, которая в грезах Олега походила на праздничный фейерверк.

Олег шел и радостно улыбался собственным мыслям. Он молодой, энергичный, предприимчивый, знает, что почем, нравится девушкам, и самое главное – у него классно подвешен язык. Незаменимое качество для современного бизнеса, который Геннадий Иванович назвал... Как же он его назвал?

А, «владычеством двойных стандартов»! Геннадий Иванович сразу смекнул, чего стоит Олег, который запросто убеждал людей поступать вопреки собственным желаниям. Если бы не Олег, обули бы в турецком Кемере крутого Геннадия Ивановича псковские гопники – и «Картье» бы сняли, и бумажник с кредитками увели. И не то чтобы проходившему мимо Олегу очень хотелось выручать мужика, просто какой-то бес или ангел толкнул его в очередной раз испытать свои силы. Навешал Олег гопникам лапшу, что Геннадий Иванович – брат псковского авторитета Сухого, и наплел таких подробностей, что сам Геннадий Иванович поверил, что похож на этого мифического брата, как две капли воды. А когда понял, что к чему, хлопнул Олега по плечу и сказал:

– Нельзя, парень, с таким талантом пропадать. Приезжай в Москву, возьму к себе продавцом-консультантом.

И рассказал, что владеет крупной розничной сетью, торгующей бытовой техникой.

Теперь, спустя месяц после того случая, Олег торопливо, почти бегом, шел по платформе. Он добрался наконец до шестнадцатого вагона и протянул билет медоточивой тетке-проводнице, когда за спиной раздался громкий крик:

– Олег!

Он растерянно обернулся. Вдоль состава бежала худенькая девушка со свертком в руках. Она изо всех сил старалась показать, что не бежит, а просто идет таким же стремительным шагом, каким только что пронесся мимо вереницы ваго-

нов Олег, но выбившиеся пряди светлых волос и взмокший лоб выдавали, что девушка бежала через платформы сломя голову, чтобы не дай бог не опоздать.

Олег досадливо сделал навстречу девушке пару шагов.

– Суслик, ну какого... Я же просил не провожать!

Девушка со странным прозвищем заискивающе улыбнулась, неловко поправила растрепанные волосы и подошла чуть ближе.

– Но я не могу так...

– Суслик, я же объяснил – взять я тебя не могу, приезжать не буду. Я тебе сказал: это все!

Суслик продолжала смотреть на Олега с той же кроткой улыбкой. В бесповоротность расставания она не верила.

– Ты перед армией тоже говорил «все».

И не только перед армией! Олег уже раз пять говорил «все», а потом возвращался. Да и теперь вряд ли ускользнет навсегда. Она понимает – далекая Москва будет его новой блажью, а потом он перебесится и все равно вернется к ней; главное – только твердо верить и все перетерпеть. А уж сил и выдержки у нее хватит.

Олег нетерпеливо топтался на месте и переводил взгляд с Суслика на ожидавший его вагон, гостеприимно распахнувший выкрашенную синей краской дверцу. Суслик перевела дыхание и протянула Олегу сверток:

– На, возьми с собой.

– Что это? Курица?

– Кролик. Запекла в микроволновке.

Олег взял продолговатый сверток. Запеченный кролик был запеленут в несколько слоев пергаментной бумаги, поверх которой был натянут целлофановый пакет с бордовой надписью: «Хлеб отрубной. Дата изготовления: см. на зажиме. Срок реализации: 48 часов». Этот трогательный кролик, замаскировавшийся под отрубной хлеб, должен был стать последним атрибутом той пресной жизни, которая через несколько минут, махнув тополиной веткой окнам двинувшегося вагона, навсегда останется позади. Сгинет в прошлое вместе с Сусликом, а также школой, горкой во дворе, катком в парке, облупившимся кинотеатром «Космос»

и сквериком у автобусной остановки, где стоит деревянная скамейка, на которой была выкурена первая сигарета и распита первая бутылка водки. И Суслик думает, что ее вечная кротость и запеченные кролики удержат его в этом болоте? Олег вдохнул поглубже и решительно выпалил:

– Суслик, не души меня арканом. Найди себе другого мустанга. Очень тебя прошу, пожалуйста!

Ему хотелось произнести эту тираду со снисходительной лаской Джеймса Бонда, бросающего очередную красотку. Получилось надрывное хамство виноватого человека. Суслик хотела еще что-то ответить, но Олег круто развернулся, раздраженно махнул девушке рукой и скрылся в вагоне. Со стороны это выглядело так, словно он отмахнулся от назойливой мухи.

В пятом купе шестнадцатого вагона обосновался пока только один пассажир – хмурый, серьезный и не улыбающийся. Из-за этого он казался старше Олега, хотя наверняка был его ровесником. Если круглолицый Олег выглядел беспечным неунывающим мальчишкой, то этот худощавый парень с большими светло-серыми глазами, делающими его немного похожим на сову, производил впечатление человека основательного, имеющего за плечами некоторый жизненный опыт и привыкшего держать свои мысли при себе. Определения «душа нараспашку» и «свой в доску», идеально подходившие Олегу, годились этому парню с точностью до наоборот. Про таких, скорее, говорят: «Чужая душа – потемки».

На столике перед парнем лежала видеокамера, на мониторе которой мелькали кадры самопального видеоклипа. Девушка-певичка пела незатейливую песенку про «любовь огромную – глаза бездонные», и до профессионального клипа этой подделке было так же далеко, как очередному российскому блокбастеру до своего голливудского прототипа. Впрочем, смонтирована подделка была неплохо, и ее несовершенство объяснялось не столько непрофессионализмом автора, сколько полным отсутствием бюджета.

– Салют.

На пороге купе появился Олег. Парень поднял голову и, не говоря ни слова, торопливо выключил камеру. Олег плюхнулся на полку напротив и иронично хмыкнул:

– Порнушку смотрел – шугаешься?

Парень представил человека, который смотрит в купе порнушку на мониторе камеры и не смог сдержать улыбку. Олег улыбнулся в ответ еще шире и протянул руку:

– Олег.

Парень пожал протянутую ему руку:

– Костя.

«Молния» новенькой, купленной специально для Москвы сумки залихватски взвизгнула, и Олег поставил на стол бутылку «Гжелки».

– Ну чего сидишь, как мышь пленная? Раздавим? Через пять минут, когда верхние полки купе заняли два мужика в удушливо-грязных носках, было решено переместиться в тамбур. Разумеется, с бутылкой и двумя чайными стаканами. В качестве закуски на ура шли маленькие яблочки, которыми оказались битком набиты карманы Костиной спортивной куртки. Олег, перекрикивая стук колес звонким тенорком, рассказывал про свои планы, а оживившийся Костя, на скулах которого заиграл хмельной румянец, понимающе кивал и откусывал сразу по пол-яблока.

– Какие-то лохи в Турции бухого мужика обували. Жалко стало, решил, что он терпила конченный. Отбазарил его, короче, а он не терпилой, а мини-олигархом оказался. Электроникой торгует. Говорит: «Языку тебя подвешен. Хочешь в Москву – продавцом возьму». В Мурманске статус не светит – я сумку собрал и на поезд.

– Что не светит? – хрипловато переспросил Костя.

– Анекдот. «Папа, что такое статус? – Статус, сынок, это «Бумер», особняк и жена-модель. А нет статуса – «жигуль», пятиэтажка и твоя мама».

Костя мрачно хрустнул яблоком, даже не подумав улыбнуться.

– Ну, я живу в пятиэтажке, у меня мама врач. В чем анекдот?

Олег примирительно мотнул головой:

– Старик, без обид, я сам из пятиэтажки. И у тебя, и у меня статус – ноль. Поднимать едем!

Костя посмотрел в грязное окно, мимо которого неслась зелень всех существующих оттенков.

– Не, у меня другая тема.

Низкое пунцовое солнце, то прячась за верхушками сосен, то внезапно выныривая, мчалось вдогонку за грохочущим поездом. Бутылка была почти допита, яблоки съедены. Приятели переместились в коридор вагона, и разомлевший от водки Олег без особого энтузиазма смотрел в монитор включенной камеры, где длинноволосая блондинка снова пела про бездонные глаза. Костя терпеливо ждал реакции своего попутчика. Когда клип закончился и по экрану монитора побежала черно-белая рябь, Олег пожал плечами и сказал с той долей снисходительности, с которой взрослые объясняют детям, почему им не стать космонавтами:

– Ну, похоже на клип... И ты надеешься, что тебя с этим

самопалом в серьезный бизнес пуస్తят?

Костя начал излагать четкий план:

– У нас в Мурманске я снимал свадьбы. Брал по двести баксов. В Москве это стоит пятьсот.

– А тебя в Москве знают, да? Рекламные объявления на столбах будешь развешивать?

– Зачем на столбах? У меня сайт в Интернете есть. Уже получил в Москве три заказа.

Олег уважительно хмыкнул – похоже, его новый знакомый не такой уж наивный мечтатель.

– Поработаю на свадьбах, скоплю пару штук. Возьму технику в аренду – кран, тележку. В Интернете смотрел, в Москве это есть. Найду начинающую группу, сниму хороший клип. Потом найду Бондарчука, покажу ему – он скажет, что дальше делать.

Олег язвительно фыркнул:

– Почему Бондарчука?

– Ну, я больше никого не знаю, а он вроде нормальный чувак, не пошлет.

– Ага, он ждет с подсказками! Сидит на мягком кресле и ждет.

Костя слегка набычился:

– Ладно... У тебя более реальный план?

– У меня нет плана. Знаю только, что в магазине долго корячиться не буду. Я в Турции продавца видел: прогулочные круизы впаривал. Зазывает в свою будку – не отобьешься:

прекрасный теплоход, отличная команда, туалеты для мужчин и для женщин, чудесный обедом на прекрасные скалы... Гарантирую, что увидите дельфинов! А главное: у всех двухчасовой круиз, а у нас пятичасовой за те же деньги!

– И что?

– Покупали у него, разумеется. Дельфины – приплыли-уплыли, обед – дерьмо, качка дикая... Половина народа проблевалась, последние три часа ждали, когда это «удовольствие» кончится... Развел мужик, но суть не в этом, а в том, что продавал он этих круизов в пять раз больше других. Вот это – мое! Я впарить могу что угодно. Начну с электроники, а там видно будет. Может, в автосалон устроюсь, может, в недвижимость – туда, где комиссионных побольше. Знаешь, мой папашка двадцать лет как выходные под «жигуленком» проводит. Нравится ему эту железку ржавую чинить каждую неделю – он другой жизни не знает и знать не хочет. Он так живет, его друзья так живут... Я таким лузером быть не хочу!

И не буду. Это ясная цель. А у тебя... Свадьбы, Бондарчук...

Костя забрал у Олега камеру, помолчал и посмотрел на него взглядом, в котором читалась непоколебимая верность придуманному плану:

– Знаешь, я в школе фанател автоклубом. Из-за раллийного кубка завалил экзамены в институт. Думал, отец убьет, а он сказал: «Каждая цель – шестеренка. Не добился – кру-

тишься вхолостую. Добился – молодец, за что-нибудь зацепится, приведет к чему-то нужному. Была у тебя цель – кубок, ты добился – значит, это важнее экзаменов. Потом пригодится».

– Ну, и как тебе кубок пригодился? За какую шестеренку зацепил?

– Я с кубком выиграл «девятку» новую...

Олег удивленно раскрыл глаза и почувствовал, как под сердце тихонько уколола зависть – ничего себе, этот парень уже приобрел собственный автомобиль! Но Костя продолжал говорить, и зависть сменялась недоумением.

– «Девятку» продал, купил камеру, комп... Снял этот клип. Девчонка знакомая пела – на ней потренировался.

– Знаешь, Костян... Ты уникал!

Олег разлил по стаканчикам остатки водки:

– Давай за Москву. Зацепятся твои шестеренки – будешь снимать клипы победителям «Фабрики звезд». А не зацепятся...

– Вернусь домой снимать свадьбы, – вздохнул Костя.

И они от души чокнулись звонкими стаканчиками.

Глава 2

В Москве начинался день. Он обещал быть душным, пыльным, напоенным выхлопными газами и приторно-масляными ароматами дешевой выпечки. Но пока солнце неспешно поднималось над имперской сталинской высоткой, в столице еще можно было свободно дышать и даже ощущать едва уловимый запах сирени.

На площади трех вокзалов кипела жизнь. Граждане деловито волокли свои сумки и тележки, как трудолюбивые муравьи, получившие задание закончить строительство муравейника до наступления холода. Пожилые тетеньки в панamaх и стоптанных кедах спешили на пригородные электрички, помятые мужики вскрывали первую на сегодня бутылку пива, дети то слезно требовали мороженого и чипсов, то отчаянно просились в туалет. Посреди огромной толпы, растерянно хлопая глазами, стояли Костя и Олег – две крошечные фигурки в безбрежном океане торопливых, равнодушных друг к другу людей.

Костя pokrutil головой, увидел на жестяном колпаке уличного фонаря двух растрепанных голубей и, отметив про себя, что они с Олегом похожи сейчас на этих пернатых, подытожил:

– Приехали!

Утренняя пробка на Третьем транспортном кольце подав-

ляла грандиозностью, как египетская пирамида. Сотни машин злобно урчали, нетерпеливо ожидая свободы. В среднем ряду пыхтел на холостом ходу старенький пикап «Вольво». Расположившийся на заднем сиденье Костя дозванивался риелтору Максиму, у которого заказал через Интернет недорогую однокомнатную квартиру. Костя очень боялся, что опоздает из-за пробки на встречу и выгодная квартира достанется кому-то другому. Олег, которому его «мини-олигарх» Геннадий Иванович обещал «комнату со спортзал», был за себя спокоен и наслаждался первыми минутами новой жизни. Даже в автомобильной пробке он видел не препятствие, а приметку кипучей жизни.

– У вас в Москве всегда такое движение? – спросил Олег у водителя-кавказца, чтобы подкрепить первые впечатления о городе какой-нибудь дополнительной информацией.

– Тхвижэние у нас в Баку. В Масквэ нэт тхвижэния, – угрюмо ответил водитель, прикидывая, сколько бензина сожжет в этой пробке и сколько времени потеряет зря, доставляя малоплатежных пацанов на другой конец города. Почему он сразу не сказал им свое коронное: «Нэт, я туда нэ еду».

Олег усмехнулся, трактуя ответ по-своему. В Москве нет движения? Все движение как раз в Москве! Только для таких, как Олег. А для таких, как этот урюк, точно «нэт тхвижэния» – крути себе баранку да молчи в тряпочку.

– Алло, Максим? Это Костя, который однушку через Ин-

тернет заказывал! – закричал Костя в трубку. – Мы в пробке застряли, на час позже будем.

– Хорошая квартира за пятьсот баксов? – недоверчиво уточнил Олег. – Нарочно съезжу с тобой посмотрю.

Разумеется, Олегом двигало не одно любопытство. Нужно было заводить связи, нащупывать нужных людей, заводить знакомства – в общем, с чего-то начинать. Почему бы не познакомиться с этим риелтором Максимом – единственным пока что реальным человеком из мира «больших комиссионных»?

Костя махнул на Олега рукой и заткнул ухо ладонью:

– Да хорошо, постараюсь успеть.

Стоявший рядом цементовоз, тяжело тронувшись, фыркнул выхлопом, и пикап наполнился клубами удушливого дыма. Костя сморщился и торопливо завертел ручку стеклоподъемника, закрывая окно. Поток машин начал потихоньку двигаться.

...Лестничная клетка последнего этажа блочного дома была далека от респектабельности: исписанные безграмотными, но выразительными надписями стены гармонично сочетались с кафельным полом, усыпанным окурками и политым всеми возможными видами дешевого алкоголя. На дверце чердачного люка болтался сломанный замок, а ведущую к люку ржавую лесенку какой-то неизвестный удалец в порыве алкогольного богатейства перекрутил спиралью. Впрочем, недостаток респектабельности с лихвой ком-

пенсировал моложавый риелтор Максим, гардероб которого от бордового вельветового пиджака до черных остроносых туфель был тщательно подобран деталь к детали и являлся бы воплощением шика, не будь он целиком приобретен в подвальном бутике возле метро «Медведково». Там же была куплена и кожаная папка «Кензо», которую Максим деловито зажимал под мышкой и которая произвела на Олега наибольшее впечатление.

Увидев подъезд, Костя заметно приуныл, но Максим поспешил его ободрить:

– На подъезд не смотрите! Квартира хорошая, чистая. Дворец реально! Район по экологии лучший. Зелень видели?

Костя с Олегом переглянулись. Несколько чахлых кустов у подъезда и смазанный зеленой краской ствол, бывший когда-то тополем, с которого в интересах жильцов-аллергиков спилили всю крону, не были похожи на оазис.

Риелтор отпер дверь квартиры и пропустил Костю с Олегом вперед. Пройдя через маленькую прихожую, они вошли в единственную комнату, обклеенную ярко-вишневыми обоями с золотыми цветами. В углу стояли два бордовых с золотом румынских кресла в стиле «барокко», а полку орехового буфета украшали бронзовые часы и два канделябра. Увидев этот «Людовик XIV в хрущевке», Костя и Олег опешили – квартира резко контрастировала с обстановкой подъезда и в самом деле была достойной.

– Фигасе, – выдавил Олег.

– Круто, – добавил Костя, бережно опуская на пол коробку с компьютерным монитором диагональю семнадцать дюймов.

Смахнув с буфета несуществующую пыль, риелтор ласково сообщил:

– Предоплата за два месяца, депозит – и она ваша.

Костя захлопал глазами.

– Депозит? Максим, вы писали – пятьсот в месяц...

Максим развел руками:

– Конечно, пятьсот! Но с предоплатой плюс депозит за телефон, мебель. Вдруг вы кресла порвете или во Владивосток звонить будете. Съедете – вам вернут.

Костя растерянно поглядел на Олега. Тот пожал плечами и скорчил гримасу, смысл которой был предельно ясен: «А что, есть варианты?» Вариантов не было. Пока Костя, с трудом подавляя горестные вздохи, отсчитывал для Максима полторы тысячи долларов, составлявших весь его капитал, Олег вежливо попросил у риелтора визитку и, получив картонный прямоугольник со стильными золотыми буквами, бросил на Костю торжествующий взгляд: видал, уже есть первый контакт! Интересно, какие у этого Максима комиссионные?..

Размер комиссионных выяснился очень скоро. Когда услужливый и респектабельный Максим пожелал ребятам удачи в Москве и закрыл за собой входную дверь, из подъехавшего лифта вышли двое: усатый громила, похожий на

Брюса Уиллиса, и его изможденная беременная жена. Увидев их, Максим расплылся в улыбке:

– А вот и вы! Я проверял, чтоб все чисто было. Проходите! Квартира – дворец.

И риелтор юркнул в кабину лифта.

– А ключи? – крикнул мужчина в закрывающиеся двери.

– Там открыто, – донесся голос из отъезжающей кабины.

Переглянувшись с женой, мужчина направился к приоткрытой двери квартиры, в недрах которой Костя распаковывал вещи.

– Да, ничего квартирка! – протянул Олег, плюхаясь в барочное кресло и с наслаждением вытягивая ноги.

– Слушай, – смущенно сказал Костя, – тысячу рублей одолжишь хотя бы?

Ему было неловко просить деньги у случайного попутчика, еще не перешедшего в статус друга, но финансовая ситуация была критической – после расчета с риелтором в бумажнике осталась мятая пятидесятирублевка, полученная в поезде в сдаче за белье.

Потянувшись к бумажнику, Олег хихикнул.

– На макароны? Радуйся! В Москве за пятьсот такую хату хрен снимешь!

– Интернет – сила.

В этот момент усатый громила и его супруга перешагнули порог комнаты и удивленно воззрились на расположившихся в креслах парней, которые, в свою очередь, не менее удив-

ленно уставились на вошедших. Первым опомнился Олег.

– Здравсьте, – выдавил он настолько вежливо, насколько позволяло состояние шока.

– Здравсьте, – эхом отозвалась женщина из-за плеча своего супруга.

– Вы кто? – сдавленно спросил Костя. Мужчина недобро повел крутыми плечами:

– А вы кто?

Ситуация прояснилась через пять минут, а еще через десять Костя и Олег со своими сумками и коробкой, в которую был наспех запихан монитор диагональю семнадцать дюймов, тащились по автомобильной эстакаде. Костю кинули так легко и незатейливо, как кидают только непуганых лохов. Впрочем, вторично сдать снятую другими жильцами квартиру – не самая грандиозная афера. В позапрошлом веке в Москве орудовал мошенник, продавший трем купцам особняк городской гостиницы. Максим мелко плавал, и бутик около станции «Медведково»

был пределом его уровня. Впрочем, Косте от этого было не легче.

– Сволочь! Гнида поганая! На ровном месте попасть! Чмо болотное! – полыхал он злобой.

– Да топор ему в очко! – поддерживал друга Олег, бросая под колеса машин визитку риелтора с телефоном 123-45-67. – Проехали! Мой олигарх комнату со спортзал обещал. Вдвоем поместимся.

Костя вскинул коробку с монитором:

– Слушай, я тебя точно не напрягу?

– Не парься.

Олег сразу предложил новому приятелю разделить с ним обещанный Геннадием Ивановичем кров. Столица к чужакам строга – вдвоем выплывать надежнее.

Костя в очередной раз поднял руку, и около ребят остановился раздолбанный «жигуль», напоминавший автомобиль, на котором Волк в одной из серий «Ну, погоди!» мчался за Зайцем, теряя по ходу погони колеса, дверцы, болты и гайки. В такую машину было страшно даже садиться, а когда водитель втопил сто двадцать по левому ряду и навстречу полетели грузовики и джипы, Олег чуть не зажмурился.

«Так вот кончится сейчас все, не начавшись, – думал он, – как же глупо будет!»

Но все обошлось, и, подарив ребятам за триста рублей веселый аттракцион «полчаса страха – и вы на месте», водитель доставил их к мрачной бетонной стене какого-то завода. Выкарабкавшись из рыдвана, Олег поправил пропотевшие джинсы и извлек из заднего кармана бумажный листок.

– Во двор за подстанцию и налево. Дом три строение два.

Здание за трансформаторной подстанцией оказалось приземистым одноэтажным баракom с зарешеченными окнами. Внутри двигались какие-то массивные фигуры. Слышался лязг железа. Олег заглянул внутрь и увидел, что это дворовая качалка. Около самого окна натужно поднимал к подбо-

родку тяжеленную штангу такой раскаченный монстр, каких до этого Олег видел только на снимках в журналах.

– Пацаны, – хотел сказать Олег как можно небрежнее, но от вида перекатывающихся перед ним мускулов в горле у него что-то сжалось и голос предательски дрогнул.

– ... вы это... ребята... простите... Дом три строение два точно здесь?

– Ну, – выдохнул качок, снова поднимая штангу.

– А мне Витя нужен, – обреченно сказал Олег, догадываясь, что «комната со спортзал» – это не совсем то, что он думал.

Штанга с грохотом упала на подставку, и качок развернулся к окну всем корпусом:

– Я Витя. А ты Олег? Заходи.

Ведущий в зал коридор оказался таким узким, что нагруженным вещами Косте с Олегом пришлось двигаться боком. Провожавший их Витя шел прямо, и его широченные плечи то и дело шуршали по стенам, соскребая с них известку.

– Геннадий Иваныч велел тебя одного поселить, – добродушно информировал Витя, – но второе место найдем. Вдвоем перекантуетесь. Раскладушки, музыка, умывальник – все есть. Компьютер найдете куда поставить. Со точку баксов подгоните? На аминокислоты.

Олег безостановочно кивал и поддакивал. Костя с ужасом смотрел на качавшуюся в зале девицу, бугристые бицепсы которой превосходили его собственные минимум втрое. На-

конец они добрались до места: Витя указал им на отгороженный фанерной стенкой закуток в дальней части спортзала. В углу закутка стояли две сложенные раскладушки. На подоконнике примостилась почерневшая электроплитка. Стены были обклеены листами из спортивных журналов двадцатилетней давности. Осмелевший Олег позволил себе критически оглядеться.

– Ну и что это за... – он замялся, подбирая наиболее выразительное слово, – лепрозорий?

Витя дружески хлопнул Олега по плечу так, что тот присел.

– Заработаете – снимете лучше. Магазин через дорогу. Геннадий Иванович ждет.

Когда Витя оставил их наедине, Костя насмешливо хлопнул Олега по другому плечу:

– Ну что, тебя хоть не накололи. Комната со спортзал.

Глава 3

По Болотной набережной в сторону фонтанов двигалась веселая и шумная свадебная процессия. Хлопали бутылки шампанского. Пьяные мужчины горланили что-то не вполне пристойное и сыпали плоскими шутками, над которыми хохотали еще более пьяные женщины.

Возглавлял процессию Костя – в отличие от участников процессии серьезный и сосредоточенный. Он медленно шел спиной вперед, словно дирижер не очень трезвого оркестра, и снимал все происходящее на видеокамеру. Друг жениха, похожий на взъерошенного гамадрила, то и дело вплотную приближал лицо к объективу и напористо выкрикивал:

– Я Велюров! Я Велюров!

Костя вспомнил, что на днях по телику опять крутили «Покровские ворота», и образ, созданный Леонидом Броневым, видимо, произвел на гамадрила неизгладимое впечатление.

Когда добрались до горбатого мостика, жених взял невесту на руки. Кто-то из гостей крикнул:

– Бросай сейчас! Потом поздно будет.

– Я ему брошу! – не растерялась невеста и сунула жениху под нос худенький кулачок.

Все заржали и заулюлюкали. Около фонтанов толпа притормозила: жених с невестой стали целоваться, а гости хло-

пать в ладоши и хором скандировать:

– Раз! Два! Три!

Камера бесстрастно фиксировала происходящее – Костя честно делал свое дело, хотя к третьей за неделю свадебной пьянке это «самое счастливое в жизни событие» стало вызывать у него отвращение. Но за свадьбы платили деньги, и надо было отрабатывать свой хлеб.

– Одиннадцать! – надрывались воодушевленные гости. – Двенадцать!

Нацеловавшись, жених и невеста полезли в подоспевший лимузин. Костя двинулся за ними, но свидетель с лентой через плечо оттащил его чуть ли не за шиворот и негромко бросил:

– Лимузин снимал уже, топай в «девятку».

Костя подчинился молча и безропотно: назвался груздем – полезай в кузов, для этих людей он был всего лишь наемной услугой. Проглотив унижение, Костя побежал было к потрепанной «девятке», в которую садились несколько гостей, но в этот момент невеста, возившаяся около лимузина с подолом платья, вытянула руку и закричала:

– Смотрите!

Костя моментально среагировал – развернулся и захватил в объектив спускавшийся с моста тягач, на котором располагалась изящная моторная лодка, перевязанная подарочной шелковой лентой с огромным бантом. Гости восхищенно загалдели.

– Ничего себе подарочек! – завистливо протянула свидетельница.

– Да уж, не фиониты, – добавил кто-то.

– Вадим, – закапризничала невеста, склоняясь к скрывшемуся в машине жениху, – я такую же хочу!

– Абрамовича ловить надо было... – внушительно изрек кто-то из гостей.

– Садись! Хорош пялиться! – рявкнул из лимузина раздраженный жених. Сопоставлять подаренное им невесте фионитовое кольцо с моторной лодкой и себя с Абрамовичем было для него верным способом испортить себе праздничное настроение.

Вечером следующего дня Костя сидел перед компьютером, установленным на старой гладильной доске, и монтировал вчерашнюю гулянку.

– Я Велюров! – снова орал друг жениха с экрана монитора, так наседая на камеру, что при желании можно было оценить состояние его зубов. – Я Велюров!

Костя методично орудовал компьютерной мышкой, переставляя кадры в нужной последовательности. Пьяные вопли гостей вылетали из колонок компьютера и разлетались по пустому спортивному залу, на другом конце которого Олег с ожесточением долбил боксерскую грушу. Войдя во вкус, Костя подмонтировал к заснувшему на прогулочном теплоходе «Велюрову» смеющихся жениха и невесту. Смеялись они на самом деле над анекдотом, а получилось, что над «Ве-

люровым». Больше всего в своей работе Костя любил волшебство монтажа: соединяешь одно с другим – и получается нечто третье, чего никогда не было. Это называлось «Эффектом Кулешова» – Костя совсем недавно прочитал книгу про великого кинорежиссера-экспериментатора Льва Кулешова и многое из этой книги взял на вооружение. Она и сейчас была под рукой в стопке других настольных книг: «Основы видеомонтажа», «Теория режиссуры» и «Монтаж на Adobe Premiere» – книги были потрепанные и заложённые во многих местах закладками.

Косте оставалось согнать смонтированную свадьбу на диск, когда Олег нанес последний удар по груше и громко осведомился:

– Костян, тебе долго еще?

– Все. Сейчас приедут, заберут.

Олег подошел к умывальнику, ополоснул вспотевшее лицо и осторожно поинтересовался:

– И пятыхатку подгонят?

Костя с любопытством повернулся к Олегу:

– Тебе чего, тоже на аминокислоты?

Вытерев лицо вафельным полотенцем, Олег швырнул его на раскладушку, вытащил из сумки бинокль – подарок Суслика на двадцать третье февраля – и поднес к глазам.

– Да ну, блин! Сидим тут вторую неделю, как тараканы травленные! На мужиков смотрим. Костян... Может, по бабам? На охоту?

Заражаясь от Олега азартом, Костя плутовато усмехнулся.

– Та-ра-ра-рам, та-рам! – добавил азарта Олег и изобразил биноклем перископ подводной лодки.

«Перископ» вынырнул в Камергерском переулке. Теплый июньский вечер выгнал на эту пешеходную улицу толпы красивых и не очень красивых девушек, и Костя с Олегом были уверены, что таким симпатичным парням, как они, достаточно высмотреть в бинокль пару подходящих объектов, сказать несколько остроумных фраз, и можно будет вести добычу в ближайшее кафе, чтобы потом, как сказал Олег, «неспешно освежаться у себя в логове». Костя и Олег сидели на лавочке, спиной к Центральному телеграфу, как зрители в театральной ложе. На Олеге была надета его лучшая рубашка с коротким рукавом и погончиками. Костя украсил себя серым трикотажным свитером – эта вещь была самой красивой в его гардеробе, но слишком теплой для этого времени года, поэтому свитер пришлось набросить на плечи. Поводя биноклем по сторонам, Олег сообщал Косте результаты своих наблюдений:

– Это мелкие совсем... Эти шуганые какие-то... Фигасе ноги пошли!

Олег передал Косте бинокль, дав ему возможность полюбоваться ногами шикарной девицы в мини-юбке, которая вышагивала, словно на подиуме, царственной походкой «от бедра». Когда умопомрачительные ноги скрылись в толпе,

Костя вздохнул, направил бинокль в сторону расположенной неподалеку пиццерии и сразу увидел двух красивых девушек.

– О, вот клевые.

– Где?

Олег выхватил у Кости бинокль и тоже направил его на пиццерию, где за столиком, помахивая крылышками ресниц, щебетали кукольные блондинка и брюнетка.

– А вон вообще супер! – сказал Костя, увидев безо всякого бинокля еще двух стильных девушек – немного постарше, но классом куда как выше.

Олег перевел бинокль на новый объект и усмехнулся:

– Не, эти не по статусу – бортанут.

Костя протестующе пихнул его в бок:

– Достал своим статусом! Проедем по ушам, что нужны модели для съемок клипа, возьмем шампанского...

К столику со стильными девицами приблизились двое молодых мужчин в приталенных пиджаках и о чем-то заговорили. Девушки всем своим видом выражали приветливую благосклонность.

– Ага... – протянул Олег, снова передавая бинокль Косте. – Ты сначала поднимись, как те двое, потом будешь телкам по ушам ездить.

В этот момент сзади раздался звучный удар, вслед за которым заверещала автосигнализация. Джип, стоящий за спиной Олега и Кости, замигал оранжевыми огоньками поворот-

ников. Костя повернул голову: рядом с ушибленным джипом пытался припарковаться старенький «Фольксваген-гольф» странного апельсинового цвета – видимо, машину обновляли на дешевом сервисе и покрасили чем было. За рулем сидела девушка, столь разительно отличавшаяся от всех виденных до этого особей женского пола, что дух захватывало. Ни косметики, ни украшений. Нежная, незагорелая кожа, как у Белоснежки. Светло-русые выющиеся волосы, спускающиеся роскошными волнами чуть ли не до пояса. Большие серые глаза, по-оленьи робкие и озорные одновременно. Чуть вздернутый тонкий носик. Костя положил бинокль на скамейку, поднялся и, как лунатик, пошел к машине, не вполне осознавая свои действия. Дойдя до «Фольксвагена», он склонился к лобовому стеклу и сказал первое, что пришло в голову:

– Девушка, я так рад, что вам нравится бить мой джип.

– Ой, это ваш? – испугалась Белоснежка, выпорхнув из автомобиля. – Простите! Не поцарапала?

– Поцарапали, и очень сильно.

– Где? – испугалась Белоснежка еще сильнее и стала внимательно разглядывать джип, который никак не мог успокоиться после удара и продолжал надрывно звать хозяина.

– Вот здесь, – пояснил Костя, прикладывая руку к сердцу.

Девушка засмеялась, откинула копну пушистых волос и захлопнула дверцу автомобиля.

– А машина – ерунда! – проникновенно продолжал Костя,

ощущая прилив вдохновения. – Любой даст разбить свой джип, чтобы полюбоваться на такую девушку. Как зовут блестящий образец природного совершенства?

– Алина, – весело ответила девушка, не раздумывая.

– А меня Костя.

Олег неодобрительно покосился на флиртующего приятеля, подобрал бинокль и резвым шагом направился на перехват кукольных блондинки и брюнетки – девушки поднялись из-за стола, недовольно скривились и пошли по улице, критикуя слишком медленное обслуживание в пиццерии и в очередной раз соглашаясь друг с другом, что ужинать можно только в кафе Аркадия Новикова. Олег прокручивал в голове варианты знакомства. Эти столичные штучки – не привычные мурманские простушки – девчонки хоть куда... Ладно, он тоже «парень хоть кого» – что-нибудь придумает. Олег стремительно догонял девушек, лаская взглядом обтянутые тонким шелком платьев округлости. Эта игра стоит свеч! Не то что Костина добыча из «Фольксвагена»... Помесь рыбы с пастилой. Сто пудов – динамистка!

Костя тем временем провожал Алину по переулку.

– Слушай, Алина, с джипом тебе повезло, но вообще с таким вождением далеко не уедешь, – говорил он, интуитивно чувствуя, что вызывает у девушки интерес. – А у меня кубок по ралли. За десять улыбок в час могу дать тебе профессиональный урок.

– Я подумую, – засмеялась Алина дружелюбно, но все же

сохраняя дистанцию.

– Тогда я пишу телефон? – напористо спросил Костя, доставая из кармана мобильник.

Алина замялась. Создавалось впечатление, что развитие знакомства ей мешают какие-то обстоятельства, не будь которых, она была бы вовсе не прочь. Но обстоятельства были, и Алина виновато пробормотала:

– Костя, если честно... мне сейчас не до знакомств. Извини.

Еще раз бросив на разочарованного Костю виноватый взгляд, Алина развернулась, быстро направилась в сторону небольшого зеленого здания и скрылась за тяжелой дубовой дверью. «Московский театр оперетты. Служебный вход» – было написано на медной табличке. Костя вспомнил, что Алина говорила про какую-то репетицию, но гадать, певица она или танцовщица, ему помешал лихой призывный свист. Костя обернулся. Посреди переулка стоял надутый от гордости Олег в компании блондинки и брюнетки.

Глава 4

Красотки Карина и Соня, блондинка и брюнетка соответственно, приняли предложение ребят «выпить по коктейлю в каком-нибудь баре», но вели себя холодно – поглядывали на часы, все время отходили кому-то звонить, и Олег догадывался, что на знакомство они согласились лишь потому, что хотели скоротать время до более приятной тусовки. Это было неприятно, но зато у девушек можно было выведать координаты самых центральных мест, чтобы на следующей «охоте» приглашать «добычу» не в «какой-нибудь бар», что выглядело явным лоховством, а в один из лучших.

– Ну вот, «Пирамида» – неплохое место, – сказала Карина, имея в виду бар, где они сидели, – раньше было тусовочным, сейчас умерло, но мне все равно нравится.

– Но только так, как «препати», – сразу спохватилась Соня, – выпить по коктейлю и ехать дальше по-нормальному.

– Типа «пыжа забить»? – вставил Костя.

Девушки посмотрели на него с нескрываемым сочувствием, а Олег с едва скрытым раздражением – солдафонские приколы в этом стильном хай-тек-баре с серебристой головой сфинкса над диджейским пультом звучали на его слух так же неуместно, как обсуждение шампанского «Кристалл» в стройбатовской казарме. Если этот бар, где за пару коктейлей и два чая придется выложить почти всю выделенную

на сегодняшнюю «охоту» сумму, достоин только «препати», как же выглядят места, где тусуются «по-нормальному»?! Этот вопрос Олег постарался задать как можно более непринужденно, но предатель-голос дрогнул, как при виде громадного культуриста в качалке.

– По-нормальному – это в нормальном месте, куда пускают нормальных людей, – исчерпывающе объяснила Карина, – мы сегодня собирались в «Дягилев», поехали, посмотрите на нормальный клуб. – Да не пускают их туда, даже не думай, – отрезала Соня.

– Ну если Артур встретит, я думаю, прорвемся.

Поездка в клуб, где можно сойти за нормального только при помощи какого-то Артура, не вызвала энтузиазма у Кости, и по дороге он настойчиво предлагал ехать вместо «Дягилева» в парк Горького, пить шампанское и кататься на аттракционах.

– Ага, будешь так свой клип отмечать, – хохотали девчонки, которым Костя, искренне рассчитывая на восхищение, сразу рассказал про свои планы, – там как раз вчера Бондарчук на горках катался!

– Остановите здесь! – требовательно хлопнула шофера по плечу Карина.

Водитель послушно остановился, и девушки вышли из машины, даже не оглянувшись на ребят – то, что платить за такси будут они, подразумевалось само собой.

– И где клуб? – спросил Олег, недоуменно покрутив головой и не видя ничего, кроме машин, в изобилии мчащихся по Садовому кольцу даже в столь поздний час.

– За углом. Чего светиться, что на помойке приехали? – пояснила Карина и достала мобильник, чтобы набрать эсэм-эску.

– Не пустят их даже с Артуром, – снова сказала Соня.

– Если его нет, сами будем два часа ломиться, – вздохнула Карина, целясь длинными ногтями в маленькие кнопки раздвижного мобильного.

Компания завернула за угол, и перед глазами Кости с Олегом развернулось зрелище, от которого их охватила оторопь. Узкая улица была запружена такими роскошными автомобилями, что в первую секунду столпотворение можно было принять за автошоу. То, что машины не выставочные, Костя сообразил, лишь увидев, как их паркуют на тротуаре облаченные в катафотные жилеты парковщики.

– Это же «Бентли»! – вырвалось у Олега, когда между вальяжным представительским «Мерседесом» и хищно прищурившимся «БМВ» затесался мускулистый автомобиль, неуловимо похожий на истребитель.

Девушки посмотрели на Олега как на дурачка, и через несколько шагов он понял свою оплошность – «Бентли» среди припаркованных машин было столько, что поставь им на крышу плафон с шашечками, они органично воспринимались бы как такси. А вот коллекционный «Шевроле Корветт»

выделялся из этой автомобильной толпы сразу. И, показывая на него рукой, Карина радостно закричала:

– Артур здесь! Вон его тачка!

– Где? – оживилась Соня.

– Ну вон, эмблема крестом.

– «Неотложка», что ли? – снова решил сострить Костя, но шутка потонула в тягучем безразличии: над чьими шутками смеяться, а чьи игнорировать – девушки знали уже лет с тринадцати, а Олег учился у них этому на ходу. Костя представил, как крутой Артур приезжает в клуб на белом пикапе с красным крестом, и посмеялся над своей шуткой в одиночестве.

– В козырное место приехали... – промычал Олег, но это было только начало.

Около неприметного оранжевого навеса в саду «Эрмитаж» бурлила пестрая толпа. Первое, что бросалось в глаза, – огромное количество умопомрачительных девушек, рядом с которыми «столичные штучки» Соня с Кариной смотрелись подающими надежды старлетками среди кинозвезд. Этих девушек проводили сквозь толпу уверенные молодые люди, на лицах которых было начертано выражение такого превосходства над окружающими, что людей в толпе словно расталкивало невидимым силовым полем. На высоченных шпильках прошагали две фурии в мини-юбках и ажурных чулках. На плечах одной из них колыхалось розовое боа.

– Трансухам-пидарасам дайте пройти, блядь! – послы-

шался манерный голос, и толпа покорно расступилась по велению жеста облаченного в лимонно-желтую рубашку фейс-контрольщика. Олег уже понял, что именно Паша-фейсконтрольщик, которого все время окликали из толпы по имени, решает, кого пропустить в клуб сразу, кого оставить томиться в длительном ожидании, а кому сразу дать от ворот поворот. Не понимал он только критериев отбора. Неужели, чтобы Паша повелел толпе расступиться, надо напялить на себя розовое боа? Олег не знал, что «трансухи-пидарасы» – не рядовые посетители, а фрики из ежевечернего клубного шоу, и ошеломленно посмотрел на Костю. Тот пожал плечами и сдержанно хмыкнул:

– Нормальные люди.

Прямо к входу подрулил сине-серебряный автомобиль, похожий на космоплан Люка Скайуокера. Помня неуместность своего щенячего восторга по поводу «Бентли», Олег напустил на себя всю возможную невозмутимость, но сдержать изумление было выше его сил – не каждый день видишь, как возле тебя останавливается «Бугатти Вейрон», стоимостью миллион долларов. Олег ожидал, что из «Бугатти» выйдет какой-нибудь невероятный денди-мачо, но оттуда с трудом выбрался пухленький мужичок лет сорока пяти, одетый в смешную майку с олимпийским мишкой. Выбравшись, растолкал толпу и скрылся внутри клуба, по ходу пожав руку улыбнувшемуся Паше и обняв кинувшуюся ему с порога на шею блондинку, похожую на Джессику Альбу. Да уж,

когда выходишь из «Бугатти», надень хоть мешок с дырками – все равно будешь на вершине стиля и на пике обожания! А кто, интересно, появится из «Майбаха», который подкатывает следом за «Бугатти» в сопровождении двух джипов? Первый шок прошел, и Олег начинал осваиваться. Из джипов, в глубине которых отчетливо блеснули в свете фонаря стволы автоматов, вышли шестеро крепких парней в одинаковых серых костюмах. Они быстро организовали в толпе коридор, и из «Майбаха» вынырнула молодая девушка в изящном коктейльном платье.

«Все-то...» – подумал Олег, но тут из кожано-ореховых недр лимузина появился невысокий мужчина с приятными чертами лица, и шок нокаутировал сознание Олега окончательно. Лицо этого мужчины не раз появлялось на обложках журналов «Деньги» и «Власть», и он был ни много ни мало президентом крупнейшей нефтяной компании. В «нормальное» место привезли их девчонки, ничего не скажешь!

Соня и Карина курили в ожидании ответной эсэмэски от Артура, Костя равнодушно вертел головой по сторонам, а Олег... Олег, можно сказать, впервые в жизни молился.

«Только бы войти! Господи, только бы войти!» – на полном серьезе твердил он про себя.

В отличие от не врубающегося в ситуацию Кости он уже понял, что за неприметным фасадом клуба кроется не просто дискотека со светомузыкой и танцовщицами гоу-гоу. За порогом, тщательно охраняемым улыбчивым, но непреклон-

ным Пашей, скрывался УСПЕХ. Собираясь в Москву, Олег не очень хорошо представлял, к чему он стремится. Анекдот про «статус» в виде «Бумера», особняка и жены-модели отражал его устремления лишь отчасти, и Олег сам посмеялся бы над человеком, ограничивающим представления об успехе этим примитивным тройным набором. Но представить этот самый вожаденный успех шире у Олега не получалось. Он твердо знал, что не хочет по выходным копать в старом автомобиле, ходить в облупившийся кинотеатр «Космос» и пить с друзьями пиво на скамейке в сквере, но когда пытался представить, что можно делать вместо этого, упирался в тупик. Фантазии ограничивались мельканием перед глазами ярких, словно вырезанных из голливудского фильма картинок, которые сливались в бессюжетную мельтешню и не давали простого понятного ответа – ради чего КОНКРЕТНО стоит бросить все и отправиться в чужой город. Теперь благодаря равнодушным, но сослужившим полезную службу девушкам Олег увидел свою цель воочию, и его словно накачали углекислотой – по телу разливались бодрящие, щеко-чущие пузырьки.

Он понял, что хочет подъезжать к этому клубу на своей машине, пусть не к самым дверям и пусть не на «Бугатти» и не на «Бентли», но подъезжать, зная, что свободно пройдет через толпу, здороваясь за руку с фейсконтрольщиком и ощущая спиной завистливые взгляды. Понял, что хочет быть на равных с уверенными ребятами в хороших костюмах, ко-

торых будто бы окружает силовое поле. Понял, что хочет вести за собой одну из умопомрачительных девушек... А девушка будет смотреть на него с обожанием, как смотрела на мужика в майке с олимпийским мишкой похожая на Джессику Альбу блондинка, а не безразлично, как смотрят на него сейчас Соня с Кариной. Впрочем, как им еще смотреть на лоха в рубашке с погончиками?

«Господи, только бы войти!»

Олег не строил иллюзий, что стоит ему прорваться за порог «Дягилева», и его жизнь как-то изменится. Больше того, он был почти уверен, что из клуба выйдет злым и подавленным. Успех, который излучали те, кого пускали внутрь, ощущался как мощная энергия. «Эта энергия заполняет там все пространство. В ней хочется купаться, пропускать ее через себя, но для этого надо излучать ее точно так же, иначе она просто раздавит – пережжет, как высоковольтное напряжение тонкий телефонный провод», думал Олег, удивляясь, откуда пришла в голову такая метафора. «Ну и пусть пережжет! Пусть на несколько дней настроение будет испорчено осознанием отделяющей его от всех этих людей бездны, но он должен войти и увидеть свою мечту. Точно увериться, что стремиться надо именно к этому. А потом можно и потерпеть. Хоть пять лет мыкаться по подвалам ради того, чтобы этого добиться».

– Только бы войти!

– Артур! Мы здесь! – крикнула Карина и замахала рукой

высокому кудрявому парню, появившемуся на пороге клуба. Олег окинул Артура оценивающим взглядом – молодой, чуть старше, чем они с Костей. Очень стильный – небрежно повязанный под воротником шелковой рубашки шейный платок украшал его покруче какой-нибудь золотой цепи. Но самое главное – абсолютно свободный. Сразу было видно, что Артур в этой тусовке чувствует себя как рыба в воде.

«Барашек кудрявый, – зло подумал Олег, – что он, интересно, в жизни сделал? Сын какого-нибудь олигарха?»

Но показать неприязнь – значило наверняка не попасть в клуб, и Олег, напустив на себя всю возможную расположенность, поспешил за Кариной и Соней на прорыв толпы. Следом поплелся Костя. У него, в отличие от Олега, не бурлили в крови никакие газированные эмоции. Интуитивно он сразу почувствовал, что им с Олегом в этом клубе не место и ломиться в закрытые двери, чтобы потом ощущать себя чужим, ему не хотелось. В конце концов, что там внутри такого? Наоми Кэмпбелл массаж делает? Как там «Банд Эрос» поют: «Наоми, Наоми, Наоми я бы Кэмпбелл!» Костя бы, конечно, не отказался, но это все равно из области нереальных фантазий. А вот Алина была совершенно реальная и до сих пор стояла перед глазами. И предложи ему сейчас кто-нибудь выбирать между возможностью прогуляться с ней еще раз по переулку и возможностью ходить каждый день в этот клуб, Костя, не задумываясь, выбрал бы первое. Даже если бы к посещению клуба реально приложили массаж в испол-

нении Наоми Кэмпбелл. И что в этой Алине притягательно-го? Озорной взгляд, нежная кожа, длинные волосы... Нет. Просто это была ТА девушка – девушка, которую ждешь всю жизнь и в какой-то момент встречаешь. Неужели придется смириться, что он больше не увидит ее? Кто сказал? Костя видел, как она вошла в здание Театра оперетты, значит, можно попробовать ее найти...

Карина и Соня прорубались сквозь толпу, орудуя локтями, словно мачете.

– Куда прешь по шпилькам?! – возмутилась рослая девица в белой ковбойской шляпе.

– Хавало закрой, лошара! – парировала Соня.

Олег и Костя с трудом поспевали следом. Когда они прорвались к металлическому ограждению и уперлись в бочкообразную грудь охранника, Карина привстала на цыпочки и отчаянно замахала рукой, чтобы стоявший на пороге клуба Артур ее видел. Артур подошел к Паше, показал на Карину и просто сказал:

– Эту с подругой пусти.

Паша сделал охраннику едва заметный жест, и тот отодвинул металлическую загородку в сторону. Путь был свободен. Карина и Соня расправили плечи и гордо пошли по деревянному настилу к ожидавшему их Артуру. Охранник сразу же начал ставить загородку на место, но Олег, крикнув «Мы с ними!», успел прошмыгнуть за девушками и протащить за собой Костю. Гордо пройти по настилу у него не получилось.

Мало того что на открытом месте все могли видеть его уродскую рубашку с погончиками, так еще бинокль, который он взял на «охоту», до сих пор болтался на шее. Много дураков приходит в самый крутой клуб Москвы, надевая на шею бинокль? Олег стыдливо убрал подарок Суслика в карман брюк и прошел по настилу торопливо, словно голый.

Карина и Соня обнимались и целовались с Артуром как с любимым братом, вернувшимся из кругосветного плавания. Девушки работали на публику – чем надежнее Паша-фейсконтрольщик запомнит, что они с Артуром ближайшие друзья, тем больше шансов, что в следующий раз у них получится пройти в клуб самостоятельно. Артур прекрасно знал цену столь горячей привязанности и реагировал на поцелуи девушек так, словно его щек касался пролетающий тополинный пух. Гораздо больше его волновал зазвонивший пятый раз в течение получаса мобильник.

– Вика, я уже еду, буду дома через полчаса, – бросил он в трубку, даже не сказав «Алло». – Ну не в клубе я, в машине радио... Не создавай проблем. Давай...

И, коротко попрощавшись с Кариной и Соней, Артур поспешил к автостоянке. Девушки остались один на один с фейсконтрольщиком Пашей. Олег и Костя топтались у них за спиной. Паша окинул ребят беглым взглядом, повернулся к девушкам и уточнил: «Эти двое с вами?» Олег хотел улыбнуться, подтверждая, что они вместе, но по тону Паши сразу понял, что это ничего не изменит. В клуб они все равно

не войдут, а если будут настаивать, что имеют к девушкам отношение, то не войдут и Карина с Соней. Осознав это в долю секунды, Олег даже не обиделся, когда Соня и Карина торопливо ответили:

– Нет, это так...

– Мы вдвоем!

Паша поднял заградительную цепочку, пропуская двух девушек, и опустил ее перед Олегом и Костей.

– По клубным картам, ребята, вход, – спокойно сказал он и отвернулся с таким непроницаемым видом, что подвешенный язык Олега даже не шевельнулся его уговаривать.

– Эй, девчонки! – безнадежно крикнул Олег вслед обтянутым шелком округлостям. – А говорили, что мы на нормальный клуб посмотрим!

Девушки уже прошагали половину пути по ведущему внутрь клуба коридору, но услышали Олега и обернулись.

– Так вы на него и посмотрели! – крикнула в ответ Карина.

Девушки искренне от души рассмеялись и зашагали дальше, больше не оборачиваясь. Костя мрачно покосился на подавленного Олега:

– К черту этот праздник. Пошли отсюда!

Глава 5

Ребята не стали дожидаться выхода первого Костиного клипа, чтобы отметить его в парке Горького, – они оказались там той же ночью. После облома с девушками необходимо было развеяться, и Костя даже «тряхнул мошной», разменяв еще сотню долларов из полученной накануне пятихатки. Парни с воплями скатились по водяному желобу аттракциона «Ниагара», вдоволь погоняли на картингах, а под конец зачем-то покрутились на карусели, бешеное вращение которой доставило им не больше удовольствия, чем космонавту тренировка на центрифуге. Потом, взяв по бутылке пива, они побрели по празднично освещенному парку в сторону Пушкинской набережной. Разгоряченный аттракционами, Олег был настроен воинственно: он начал терзать Костю разговорами про «статус», едва отойдя от дверей «Дягилева», и теперь снова оседлал любимого конька.

– Все равно, Костян, в девяностых шанс был реальнее.

– Чем реальнее?

– Всем! Мой мини-олигарх бабос на паленой водке сделал. А теперь у него сеть магазинов, бренд года... Я буду корячиться – телики впаривать, а сам на колесо его «мерина» не заработаю!

Проходя мимо лотка с китайскими фейерверками, Олег яростно метнул пустую бутылку в урну, и скучающий прода-

вещ немедленно среагировал на движение:

– Подарите себе праздник – фейерверк-проказник! Подходим, покупаем!

Парни прошли мимо. Дойдя до набережной, Олег спустился к воде и уселся на ступеньки. Костя продолжал крутить в руках пивную бутылку:

– Ты своим «статусом» мозги проел уже!

– А ты этого «барашка» в клубе видел? Такой же пацан, как мы. И в каком шоколаде!

– В чем шоколад? – спросил Костя, отпивая из горлышка очередной глоток. – Провел двух шлюх в сарай с лампочками?

Олег вскинулся:

– Костян, ты под знаком тупого быка родился или прикидываешься? Ты тусовку видел вообще? Понимаешь, где они и где мы?

Олег раздраженно отвернулся к воде. Сколько лет придется положить, чтобы тоже подкатить к дорогому клубу на коллекционном «Корвете» и небрежно принимать поцелуи холеных красоток? Десять? Пятнадцать? Над головой Олега мерно раскачивалась исполинская лодка корабля-качелей. Олег спиной ощущал качание этого гигантского маятника, и ему вдруг показалось, что он отсчитывает его жизнь – качнется миллион раз, отсчитает Олегу сороковник, и какие тогда клубы с «Корветами»? Полысеешь, располнеешь, станешь, как папа, валяться у телевизора. Нет, все это нужно

сейчас!

Костя не знал, какая буря бушует в душе Олега, но по опущенным плечам друга понял, что тому нужна поддержка. Станный он, в самом деле. Ногу ему, что ли, отрезали – не пустили в клуб? Он ведь даже не знает, что там! Может, лохотрон – ломаются все в эти выкрашенные дешевой оранжевой краской двери, а там реальный сарай: на полу играет бумбокс, и все пляшут вокруг него, как папуасы, счастливые оттого, что их пропустили. Подумав про папуасов, Костя усмехнулся, швырнул бутылку в воду, плюхнулся рядом с Олегом и примирительно сказал:

– Знаешь, я передачу по каналу «Дискавери» смотрел. Про папуасов. Бегают голые, смешные такие... А на прибор между ног конус из коры надевают – называется «катека».

– К чему эта лекция?

– У них это «статус». Чем круче воин – тем длинней катека. Будем, как папуасы, со всеми катеками меряться?

– Там тебе ее другие замерили, – желчно заметил Олег, отворачиваясь.

Костя безропотно проглотил колкость:

– Плевать, что замерили. Найди себе дело в кайф и не парься.

– Тебе в кайф свадьбы снимать?

– Свадьбы – нет. Клипы...

– А знаешь, в чем разница? В том, что Бондарчуку не скажут: «Лимузин снял, иди в «девятку»!» Ты говорил, это не

очень в кайф было.

Эти язвительные слова задели Костю по-настоящему. Глядя на черную речную рябь, он несколько секунд молчал, подбирая слова, и продолжил диалог, только выстроив в голове убедительную, подкрепленную примером мысль:

– Знаешь, я на флоте служил. Ночью в Севастополе на рейде бухали водку, играли в карты – мичман застукал, сказал: все пойдем на галюн. А утром позвонили с берега, спросили, кто сечет в тачках. Помнишь, ты спрашивал, что мне раллийный клуб дал? Так вот, все на галюн пошли, а я на белом катере в адмиральский дом чинить «Форд». Никогда не знаешь, какой случай выпадет. Зацепятся шестеренки – сами в лимузине поедем.

– А ты мозги проел своими шестеренками! – взвился Олег. – Пока зацепятся, сто раз дерьма наешься.

Он сплюнул с такой злостью, словно в самом деле ощутил на зубах не самый приятный вкус.

– Ракету бы засадил в этот «Дягилев»!

– Подарите себе праздник, фейерверк-проказник! – снова донеслось издалека.

В светлых глазах Кости вдруг заплясали черти. Он заговорщицки толкнул Олега в бок.

– Пошли!

– Куда?

– На маневры!

Через десять минут Костя и Олег подбежали к пластмас-

совой будке сортира, затаившегося среди деревьев, окружавших пруд Нескучного сада. Давясь от смеха, Костя прилепил жвачкой к задней стенке будки картонку и, вооружившись куском угля из потухшего возле грузинского кафе мангала, вывел на ней большими корявыми буквами слово «Дягилев».

– Костян, – восхищенно спросил Олег, прижимая к груди огромную батарею «фейерверка-проказника» с убедительным названием «Апокалипсис», – ты всегда так прикалываешься?

Костя кивнул и рысью понесся к пруду. Олег мчался за ним.

– Самый кайф на флоте – ракетные стрельбы, – едва переводя дыхание, сообщал Костя на бегу. – Сейчас сам оценишь! Дай бинокль, я капитан!

Друзья запрыгнули на маленький катамаран, качавшийся у причала, и завертели педали, приводя в движение расположенные между поплавками лопасти.

– Курс двести! – завопил Костя, наводя бинокль на сортир, олицетворявший теперь ненавистный Олегу клуб. – Полный вперед!

– Есть полный вперед!

Вооруженный батареей «Апокалипсиса» катамаран поплыл к середине пруда, словно маленький ракетный крейсер, а на Пушкинскую набережную медленно выехал тем временем черный джип «Хаммер». Он подъехал к горбатуму мо-

стику и остановился... прямо за пластмассовым сортиром, увенчанным картонкой с надписью. За рулем «Хаммера» сидел холеный, идеально причесанный мужчина лет тридцати двух, похожий на классического положительного героя из старых советских фильмов. Он с успехом мог бы сыграть и секретаря комсомольской организации крупного северного завода, и передового комбайнера кубанского колхоза, добивающегося любви молодой доярки. Мужчина нервничал – разговор, который он собирался завести, мучил его, как давняя зубная боль. И вот сейчас этот больной зуб предстояло или залечить, или вырвать. Повернувшись к соседнему сиденью, мужчина неуверенно улыбнулся. Напротив него через широкий тоннель самолетной кабины «Хаммера» сидела Алина. Ее роскошные волосы были собраны сзади, а расквашивающиеся серьги-снежинки дополняли сходство с Белоснежкой.

– Леша, ну и зачем ты меня сюда привез? – устало спросила девушка.

– Помнишь, познакомились... Пили здесь шампанское. Повторим?

Мужчина улыбнулся еще раз и движением фокусника достал с заднего сиденья бутылку шампанского и пару бокалов. Алина вздохнула.

- Хочешь романтический трепет вызвать? Не получится.
- Можешь хотя бы объяснить, что случилось?
- Трудно объяснить... Просто кончился завод и пружинка

встала.

– А просто пользоваться залом, жить в квартире не встала пружинка? – раздраженно спросил мужчина.

Алина вскинула на него оленьи глаза:

– Я думала, мы остаемся друзьями. Хочешь, завтра съеду с квартиры, сниму комнату? Репетировать буду на улице?

– Извини... Не хотел попрекать.

Мужчина тяжело вздохнул и снова положил руки на руль, словно могучий «Хаммер» мог поделиться с ним силой. Похоже, большой зуб придется все-таки вырвать. В машине стало как будто душно. Алина открыла дверцу, выбралась из автомобиля и направилась к мостику. Чуть помедлив, мужчина подхватил шампанское и бокалы и двинулся за ней.

Со стороны пруда донеслись хриплые вопли:..

– Вижу цель! Удаление сто! Цель береговая, неподвижная! Боевой разворот! Лево руля!

– Есть лево руля!

Алина облокотилась на перила мостика и стала смотреть на красиво подсвеченное колесо обозрения. Мужчина открыл шампанское, наполнил оба бокала и осторожно дотронулся до локтя девушки. Алина молча приняла бокал и вопросительно посмотрела – за что пьем?

– Артур с Викой приглашают на свадьбу.

– Я сказала им, что мы расстались.

Алина подняла бокал и чокнулась – получилось, что пили за расставание. Мужчина дернулся, словно у него в самом

деле начали медленно вырывать зуб, но продолжил на той же ноте – вкрадчиво и терпеливо:

– Алина... Артур потратил много сил на твое выступление. Он не только мой друг, но и твой тоже. И он получил из Лондона подтверждение – если твой номер понравится Смолвуду, тебя возьмут в труппу.

– Леша, это здорово... Но что теперь, идти с тобой для вида, болтаться целый вечер с чужими людьми? Изображать, что мы вместе?

– Можешь не изображать, но прийти надо, – жестко отрезал мужчина.

Катамаран застыл в центре пруда. Костя смотрел в бинокль на сортир с картонкой и отдавал последние указания:

– Горизонт сорок. Отклонение ноль. Ракетная батарея товсь!

Раскрасневшийся Олег торопливо установил на задней площадке катамарана «ракетную батарею», подложив под нее предусмотрительно подобранную на берегу корягу. Ракеты нацелились на сортир.

– Батарея готова!

Опустив бинокль, Костя махнул рукой:

– Залп!

Чиркнув зажигалкой, Олег поднес к фитилю язычок пламени. Шнур зашипел, отпуская ребятам несколько секунд, чтобы спрятаться за сиденьями катамарана и накрыть руками головы. А потом началось... «Фейерверк-проказник» не

подкачал: ракеты свистели, завывали, чертили в ночном небе пылающие дорожки и обрушивались на берег огненным дождем, разрываясь вокруг сортира с оглушительным грохотом и осыпая его разноцветными искрами.

Алина испуганно закричала – огненный апокалипсис начался прямо у нее за спиной. Мужчина схватил ее за плечи, пригнул к земле и закрыл собой. Снаряды летели не хуже настоящих «катюш» – дикий фейерверк бушевал на площади в несколько квадратных метров, оглушая и ослепляя. Алина, заткнув уши, жалобно вскрикивала. Мужчина стоически обнимал ее и с ужасом оборачивался на свой автомобиль, оказавшийся в эпицентре бомбардировки.

Наконец все закончилось. Канонада стихла, на закопченной двери туалета догорала картонка с надписью «Дягилев». Костя оценил результаты обстрела в бинокль, довольно хохотнул и передал бинокль Олегу. То, что вместе с туалетом ракеты изувечили точечными подпалинами левый бок чужого «Хаммера», ребята не видели. А вот Алексей Шепилов, хозяин «Хаммера», видел это очень хорошо. Он помог подняться Алине, удостоверился, что с ней все в порядке, и достал из кармана мобильник. Через несколько секунд к синему «БМВ», припаркованному в километре от парка Горького возле теплохода «Валерий Брюсов», спешили двое крепких мужчин.

– Все, Леха, я понял, понял! – говорил один из них в трубку. – Мы с Юрцом рядом, сейчас будем.

«БМВ» сорвался с места и полетел в сторону парка.

Когда Костя и Олег, горланя «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», причалили к пристани, «БМВ» уже проносился мимо опустевших аттракционов.

– За удачное выполнение боевой задачи экипажу объявляется благодарность! – торжественно провозгласил Костя, выбираясь на берег.

Олег захохотал:

– Костян, ты реальный капитан!

Ребята ударили друг друга ладонью в ладонь, и хлопок их рук слился с хлопками дверей подъехавшего автомобиля. Двое мужчин выскочили на пристань и направились к ребятам так стремительно и целенаправленно, что их намерения не вызывали сомнений.

– Че такое, мужики?! – предупредительно завопил Олег.

– Благодарность примите! – коротко ответил один из «мужиков», и в следующую секунду Олега снесло с места размашистым, хорошо поставленным хуком. Костя замахнулся в ответ, но рухнул на доски пристани от жесткого и острого, как наконечник снаряда, удара под дых. На этом дело не кончилось. «Мужики» продолжали избивание методично и со знанием дела – каждый удар попадал в цель, доставляя максимальную боль, но не оставляя следов. В считанные секунды Костя и Олег потеряли способность соображать и покорно позволили затолкать себя на заднее сиденье «БМВ».

– Макаронами шевели, баклан! – рявкнул один из напа-

давших, пнув Костю по ногам, чтобы тот поживее перекинул их через порожек. Еще раз хлопнули дверцы. «БМВ» стремительно развернулся и понесся к выходу из парка.

Глава 6

В глухом дворике рядом с обшарпанным отделением милиции дремали несколько серых «бобиков». Прилегавший к зданию узкий газончик был перерыт и обтянут по периметру широкими красно-белыми лентами. Рядом валялись извлеченные из земли гигантские трубы, по виду не уступавшие в дряхлости экспонатам палеонтологического музея. В окрестных пятиэтажках не светилось ни одно окно – местные обыватели видели уже десятый сон.

Осторожно лавируя между конусами вырытой земли, к отделению подъехали синий «БМВ» и черный «Хаммер» с изуродованным боком. Повернувшись к Алине, Шепилов участливо спросил:

– Посидишь, подождешь?

Алина, то ли не оправившаяся после обстрела, то ли погруженная в свои мысли, отреагировала не сразу:

– М-м? А, да. Посижу, конечно.

– Будем задерживаться – я тебе такси вызову, – пообещал Шепилов и легко погладил Алину по локтю. Она не отняла руку – только вздохнула.

– Что же это за идиоты такие?

– Сейчас разберемся, – многообещающе ответил Алексей, вышел из машины и двинулся к подъезду дежурной части. В этот момент его помощники, поджарый проворный Игорь

и накаченный бритоголовый Юрец, начали выволакивать из «БМВ» скованных наручниками Костю и Олега. Олег молчал – казалось, он лихорадочно соображает, как вывернуться из сложившейся ситуации с наименьшими потерями. Костя вырывался и, вертя головой, отчаянно убеждал сразу обоих оппонентов:

– Ребята, ну где мне сразу такие бабки взять?! Почку продать, что ли? Я оператор, по пятихатке свадьбы снимаю. Давайте за год отдам!

Юрец недобро усмехнулся:

– Похоже, отснялся!

Придерживая ребят с двух сторон, Юрец и Игорь подволокли их к двери в милицию и затолкали внутрь.

– Леша!!

Шепилов, уже перешагнувший порог дежурной части, обернулся. Алина подалась вперед и странным образом ожилилась:

– Леша, машина ведь застрахована! Отпустите этих придурков.

Пару секунд Шепилов размышлял, чем вызван такой неожиданный перепад в ее настроении. Ведь по дороге сюда она была настроена отнюдь не столь миролюбиво по отношению к «этим придуркам». Неужели узнала в ком-то из этих помойных парней своего знакомого? Маловероятно... Приступ женской жалости? Шепилов снисходительно улыбнулся и сказал, пресекая любое сочувствие на корню:

– Музыка послушай.

Перед окошком дежурной части сидел одутловатый капитан милиции. Держа в руках напичканный электронными играми мобильник, капитан старался побить свой личный рекорд и в который раз вел звездолет по бескрайней галактике, усердно отстреливаясь от встречных пришельцев и уворачиваясь от метеоритов. Других способов убивать время в самой спокойной дежурной части города просто не было.

Подошедший Игорь вытащил из нагрудного кармана красную книжечку удостоверения и энергично постучал ею в стекло. Капитан поставил игру на паузу и неспешно поднял глаза:

– В чем дело?

– Капитан, «капэзешка» свободна? Поработать надо.

Капитан посмотрел на Игоря с неприязнью и мотнул головой в сторону входа:

– А там чего написано – «гостиница»?

Игорь усмехнулся:

– Распоряжение Вэ Эс Бондарева. Звонить-будить будем?

– А, в этом смысле... – сразу подобрался капитан и начал торопливо доставать из ящика ключи. Фамилия одного из самых полномочных генералов МВД действовала на простых ментов как заговор подчинения, но Игорь произвел на всякий случай еще одно магическое действие – протянул капитану в окошко сложенную пополам стодолларовую купюру и убедительно пообещал:

– Задержимся – добавлю.

– Задерживайтесь, – радушно закивал капитан, протягивая через то же окошко ключи от «обезьянника»...

В душном полутемном «обезьяннике» воняло мочой и сырой известкой. Подавленный Костя молча подпирал стену и угрюмо изучал грязный пол, на котором неизвестный страдалец нацарапал не предвещающую ничего хорошего надпись: «здесь есть пятый угол». Олег прижимался лицом к прутьям и изо всех сил пытался пробить угрожающую невозмутимость Юрца и Игоря, стоявших по другую сторону решетки. Шепилов поручил помощникам «поработать» с парнями до логического конца и отправился проведать Алину, чтобы ей не было скучно одной в темном милицейском дворе.

– Ну, мужики, ну честно, мы случайно! – убеждал Олег.

– За случайно передачи носят с чаем, – отозвался Юрец и зыркнул взглядом человека, получавшего эти передачи не раз и не два.

Олег осекся.

– Значит так, – веско сказал молчавший до этого Игорь, – один остается – второй приносит четыре штуки. Времени два дня.

Сказано было предельно жестко, и становилось понятно, что умолять этих бездушных громил о прощении все равно что умолять открыться бронированный сейф. Олег глубоко вздохнул. Главное – не впадать в панику. Языку него подвешен, он подберет ключик даже к Терминатору. С Па-

шей-«фейсконтролем» не вышло, но он даже не пытался. А здесь – вопрос жизни и смерти, Надо взять себя в руки и представить, что они в магазине Геннадия Ивановича, а он продает громилам какую-нибудь электронику. Вроде того монструозного домашнего кинотеатра, который никто не брал и который Олег впарил гостю столицы из глубинки, объяснив, что ужасающие габариты устройства объясняются сложностью начинки, гарантирующей неповторимое качество звучания.

– Мужики... – начал Олег.

– Мужики на зоне лес валят! – откликнулся Юрец очередной блатной поговоркой и снова зыркнул на Олега, проверяя, какой он производит эффект. Эффекта не было. Олег смотрел уверенным взглядом, и Юрец поймал себя на мысли, что парня имеет смысл выслушать.

– Хорош нас кошмарить, – заговорил Олег так бойко и дружелюбно, словно в самом деле стоял перед Игорем и Юрцом в белой рубашке с фирменным беджиком магазина на нагрудном кармане. – Мы хоть в штаны наложим, бабос от этого за два дня у нас не появится. Вы ребята подментованные, перепишите паспорта – никуда мы от вас не денемся. Хотите реально получить с нас бабки – слушайте как. У меня тема есть.

Сбитый с толку Юрец бросил взгляд в сторону Игоря – в ситуациях, требующих работы более двух извилин, он всегда полагался на него.

– Говори, – сдержанно сказал Игорь, в холодных глазах которого мелькнул вдруг проблеск заинтересованности.

Когда Шепилов зашел в КПЗ убедиться, что насмерть запуганные лохи клянутся через пару часов принести четыре тысячи долларов, требуемые для полной покраски «Хаммера», он не поверил своим глазам. Парни свободно стояли возле открытой клетки «обезьянника», и тот, что пониже, оживленно предлагал что-то Юрцу и Игорю.

– Я вам сделаю плазменные телики по закупочной цене плюс отдам с каждого свою комиссию. Получается... – Олег осекся, увидев вошедшего Шепилова.

– Парни, я не понял, что происходит-то? – изумленно поинтересовался Шепилов.

– погоди, Лех, послушай. – Игорь поощрительно кивнул Олегу. – Так, и что у нас получается?

Олег приободрился:

– Два телика получаются на полторы штуки дешевле. И пятихатку с полочки добыю.

– А чего, нормальная тема, я себе хотел плазму брать, – пожал плечами Юрец и кивнул в сторону Кости: – Ас этого что?

Олег затараторил еще бойче:

– У него видеокамера крутая. Я ее через наш магазин толкну косаря за два как новую!

Повернувшись вполоборота к возмущенному Косте, он продолжил, не переводя дыхание, с тем же напором:

– Не трепыхайся, тебе оформим у нас такую же камеру в кредит – будешь снимать, по двести в месяц выплачивать.

Шепилов слушал весь этот бред, в очередной раз удивлялся тупости Юрца, проглотившего такую наживку, и недоумевал, почему так серьезно и внимательно изучает Олега Игорь. Когда Олег перевел дух и, ожидая реакции на свою тираду, спросил: «Ну, чего?» – точно такой же вопрос вертелся на языке Шепилова.

– Лепишь складно, вот чего, – ответил Игорь, потер хрящеватый нос и многозначительно посмотрел на Шепилова: – Лех, покажем его Борисычу?

Глава 7

– Костян, подъем! – заорал Олег, стаскивая с Кости одеяло.

Костя, осунувшийся после бурной ночи, открыл глаза и сел на раскладушке. Солнечные лучи били в окна качалки, отражались от многочисленных зеркал и разбегались по стенам десятками зайчиков, некоторые из которых нагло плясали на гладильной доске, где располагался компьютерный монитор. Ощупав ноющие от полученных ночью ударов бока, Костя сонно оглядел свеженького и бодрого Олега, который торопливо начищал ботинки.

– Чего тебе?

– Хорош дрыхнуть, вот чего. Мобильник твой два раза звонил. Может, тебя Федя Бондарчук разыскивает, бабки одолжить хочет.

Олег радостно хохотнул над собственной шуткой. Костя потянулся и снова откинулся на подушку:

– Сколько времени?

– Четверть первого. Все, я пошел. Мне на час с этим Сергеем Борисычем встречу назначили.

– Слушай, будь другом, отодвинь монитор – ему солнечный свет вреден.

– Зато тебе полезен – рожа зеленая, как у крокодила Генны, – сдохмил Олег, выполняя его просьбу. – Ладно, пока.

Вечером пересечемся, решим с твоей камерой.

– Удачи, – отозвался Костя, не поднимая головы.

Вот черт, дернуло же его влипнуть в такую дурацкую историю. Ракетные стрельбы, блин! Олег – везунчик: простили ему две штуки, пригласили на встречу с каким-то крутым Борисычем, а Косте свою долю придется отдавать, как ни крути. Предложенный Олегом вариант продать камеру и купить такую же в кредит был единственным выходом, но решая одну проблему, тут же ставил перед другой. Сегодня вечером Косте предстояло встретиться с менеджером перспективной рок-группы, и был шанс получить, наконец, первый заказ на клип. А без камеры под рукой все могло сорваться. Начинать дело с осечки – хуже некуда. Зацепился – мотайся, отцепился – валяйся... Костин мобильник требовательно запиликал, и на его дисплее в третий раз высветился незнакомый номер. Костя вздохнул и взял трубку:

– Алло.

– Привет, – мягко и мелодично сказала трубка, – это Алина. Та, которой ты обещал урок вождения за десять улыбок в час. Помнишь?

– Ну конечно! – Костя так стремительно уселся, что раскладушка описала на натертом полу дугу. – Рад слышать. Откуда у тебя... Как ты меня нашла?

– Машина, которую вы так метко обстреляли вчера ночью, принадлежит моему знакомому. Вот уж кому вчера джип поцарапали, так поцарапали.

– Алина, прости ради бога! Мы не заметили...

– Не важно. В общем, я видела, как вас потащили в милицию. И взяла сегодня у Лешиных ребят, Юры и Игоря, твой телефон. Мне возле милиции послышалось или ты действительно снимаешь свадьбы?

В просторном офисе за столом перед компьютером сидел тот самый кучерявый Артур, который вчера ночью проводил в «Дягилев» Соню с Кариной. Видимо, этот парень не расставался с шейными платками. Только если ночью у «Дягилева» этот атрибут его гардероба был сочно-васильковым – под цвет темно-синему бархатному пиджаку, то теперь шею Артура украшал лоскут шелковой ткани в пастельных тонах, идеально подходящий к светло-песочному элегантному костюму.

Офис Артура, расположенный на последнем этаже одного из столичных бизнес-центров, удивлял неожиданным аскетизмом – здесь не было ничего лишнего: ровные полки для бумаг, столы с компьютерами, простые функциональные кресла. На работе Артур сознательно стремился оградить себя от стильных вещиц, которые любил в повседневной жизни. Жизнь – это жизнь, работа – это работа. Фирма Артура занималась гастролями российских артистов по городам и весям и в последнее время добилась больших успехов. Пару лет назад Артур носился как угорелый, устраивая турне для полузабытых героев дискотек 90-х, а сегодня благодаря при-

обретенным за последние полгода связям мог похвастаться десятками концертов самых известных коллективов. Четверо сотрудников корпели теперь за компьютерами, связываясь через Интернет с десятками концертных площадок по всей стране. Самому Артуру оставалось царствовать в офисе, решая стратегические вопросы, или заниматься самыми лакомыми гастролями не столько для денег, сколько для собственного удовольствия и престижа компании.

«Золотой мальчик» прижимал к уху телефонную трубку, крутил в руках простую шариковую ручку и задумчиво смотрел на монитор компьютера, на котором светилась таблица расходов на проведение гастролей «Modern Ballet of London». В столбике «аренда зала» мигала цифра – 10.000 USD.

– Леха, слушай, у меня на выбор четыре зала по трешке. Аренда «Новой оперы» – десятка. Смолвуд удавится... – убеждал Артур своего приятеля Шепилова.

– А ты объясни Смолвуду, что его долбаный Лондонский балет не «Металлика», и если они будут выступать не в центровом месте, то их вообще не заметят! – долетел из трубки раздраженный голос. – «Новая опера» – это статус! Забудь про рентабельность, считай, что это моя личная просьба.

Артур постучал ручкой по клавиатуре:

– Ладно. Если я выжму из Смолвуда пятерку, ты еще пятерку добьешь?

Из трубки послышались возмущенные возгласы.

– Смолвуд больше пятерки не даст. Я за статус выступления твоей Алины свои деньги платить не буду. Лех, я и так делаю для тебя больше, чем можно. Двоих сотрудников на эти гастроли прикрепил.

Из трубки донеслась еще пара возгласов.

– Значит, договорились, – подытожил Артур, положил трубку и перебил 10.000 в графе «аренда зала» на 5.000.

Дверь приоткрылась, в офис вопросительно заглянула Алина. Оторвавшись от компьютера, Артур набросил на лицо самую приветливую улыбку, встал и двинулся девушке навстречу:

– Заходи, Алинчик, заходи! Рад видеть. За приглашением?

– Да, Вика сказала, взять у тебя.

Артур распахнул дверцу офисного шкафа, на одной из полок которого лежала стопка небольших белых конвертов. Доставая один из них, Артур снова улыбнулся Алине и заговорщицки сообщил:

– А я только что говорил с Лешей про зал. Пробиваю для тебя такое место – страшно сказать.

– Спасибо, Артур, – приветливо отозвалась Алина.

– Спасибо скажешь в Лондоне. И я хочу, чтобы ты знала: как бы у вас с Лешей ни сложилось, я организую твоё выступление все равно. Это уже мой бизнес. Личные отношения ни при чем.

Продолжая улыбаться, Артур протянул Алине конверт:

– Держи. Празднуем в яхт-клубе узким кругом. Как ехать, написано в приглашении.

– Спасибо еще раз. – Алина чуть замялась, словно собираясь сказать что-то важное. – Слушай, Артур, а ты собираешься снимать свою свадьбу на видео?

Настенные часы в кабинете Артура показывали без пяти два. На экране погрузившегося в спячку компьютера взрывался и снова соединялся воедино переливающийся всеми цветами радуги октаэдр. Хозяин кабинета отсутствовал – он переместился вниз, в холл бизнесцентра, где давали отличный кофе, и миловидная девушка за белым роялем вдохновляла офисных тружеников этюдами Шопена. Артур занял место за прозрачным журнальным столиком. Напротив него сидела оживленная Алина, рядом – немного зажатый, но изо всех сил старающийся казаться солидным Костя.

– Алина, зачем это нам? Мы и сами можем все на видео снять, – колебался Артур.

– Артур, это будет не домашнее видео, а настоящий фильм, – убеждала Алина, перегибаясь через столик. – Костя – профи, настоящий оператор. Снимет, смонтирует... Костя, где твой диск?

Костя вытащил из кармана компьютерный диск и протянул Артуру.

– Здесь записана прошлая свадьба.

Артур смерил Костю взглядом, в котором сквозило явное

сомнение, но диск принял.

– Хорошо... Если понравится – сколько ты стоишь?

– Я бесценен, – ответил Костя в тон ему. – А за свадьбу беру пятьсот...

Алина под столом с силой наступила Косте на ногу.

– ...Если свадьба скромная, – моментально сориентировался Костя, – а если большая, то две штуки.

– Артур, у вас ведь большая свадьба? – подхватила Алина.

Артур был достаточно проницателен. Для него было очевидно, что Алина хочет помочь этому парню заработать, но выставять себя лохом Артуру не хотелось даже ради приятелей. А вот побыть меценатом, оказать помощь, не выходящую за рамки допустимых трат, – почему нет? Кто знает, какую помощь окажет тебе завтра человек, которому ты помог сегодня.

– Свадьба у нас будет большая, но скромная, – с улыбкой сказал Артур и, выдержав паузу, добавил: – Дам штуку.

Стрелки настенных часов в другом офисе, оформленном с претензией на артистизм, показывали ровно два. Красивый черноволосый мужчина лет сорока с пронзительно голубыми глазами плеснул в широкий стакан напиток чайного цвета и протянул стакан Олегу, примостившемуся на краешке кожаного дивана. Рядом с Олегом расположился Шепилов. «Герой советского кино» был совсем в ином, нежели вчера, расположении духа. Он подбадривал Олега, улыбался и всем

своим видом выражал готовность радостно смеяться, если голубоглазому шефу вздумается пошутить.

Дверь в соседнюю комнату была открыта – там Игорь и Юрец с шутками и прибаутками играли в шахматы.

– С ладьей попрощался? – доносилось оттуда.

– А мы коником-скакони́ком!

Обстановка в офисе была настолько доброжелательной, что вчерашние события казались Олегу невероятными – неужели вчера ночью эти симпатичные ребята били его по почкам на пристани? Олег поднес стакан к носу, думая, что ему налили коньяк, но не ощутил коньячного запаха. Это было что-то другое.

– Это виски, – хрипло пояснил голубоглазый красавец, цепко следя за действиями Олега. – Не пробовал? Тебе понравится.

Вздернув брючины, он сел на диван с другой стороны от Олега. Тот, невольно ежась от направленного на него льдистого взгляда, отпил глоток. Понравилось не очень, но виду Олег не подал.

– «Хаммер», «Хаммер»... – добродушно пробормотал мужчина. – Устроили войну из-за куска железа. Ладно... Благодаря случаю хорошего парня нашли. Ребята говорят, у тебя язык хорошо подвешен?

– Технику продаю, – сдержанно, но достойно ответил Олег.

– Скромничает, Сергей Борисыч! – хмыкнул Шепилов.

– Шах! – донесся из-за двери возбужденный голос Юрца.
– Закрылся, – спокойно ответил Игорь.

Почтительно дожидаясь, когда Сергей Борисович объяснит, наконец, зачем его сюда пригласили, Олег обвел взглядом офис. Фисташкового цвета стены украшали стильные репродукции архитектурных фотографий пятидесятих годов. Знаменитые столичные здания величественно смотрели на Олега с каждой стены. Неужели недвижимость?! Сергей Борисович откинулся на спинку дивана, закинул ногу на ногу и спокойно заговорил:

– Перейдем к делу. Наша фирма называется «Хрустальный дом». Красивое название и говорящее... Мы занимаемся вторичным жилфондом – «хрущевками», «сталинками». Покупаем, продаем, сдаем в аренду... Что с тобой?

– Виски крепкий, – ответил Олег, хотя поперхнулся он не от крепости напитка, а от ощущения свалившегося на голову лотерейного билета с выигрышем в миллион.

– Не спеши, маленькими глотками, – отечески сказал Сергей Борисович и продолжил более деловым тоном: – Мне нужен менеджер по работе с клиентами. У нас есть направление – договор содержания. Схема простая – платим старикам хорошую пенсию, наследуем со временем их квартиру. Хорошая тема, только исполняется плохо. Представляешь, приходят к старикам Игорь или вот Леша...

– Мы полные отморозки, да? – шутливо спросил Шепилов, однако в его голосе прозвенели нотки подлинного недо-

вольства.

– Да, Лешенька, да, – ласково отозвался Сергей Борисович. – Что вы ночью из-за машины устроили? Решили вопрос, кстати?

– Сейчас мат нарисую и красить еду, – немедленно пробасил из соседней комнаты Юрец.

– Ну и хорошо. «Хаммер» застрахован, про деньги можете с другом забыть, – ровно продолжал Сергей Борисович, вновь обращаясь к Олегу.

– С-спасибо, – закивал Олег, представляя, как обрадуется Костя. – Но я все-таки не пойму: вы платите пенсию и ждете, пока человек умрет?

– Мы ничего не ждем, – ответил Шепилов, делая ударение на слове «мы». – На каждую квартиру уже есть клиент. Он платит аванс, и он ждет, а мы из аванса платим пенсию.

– Жилье дорожает, – подхватил Сергей Борисович, – а мы заключаем договор на фиксированную стоимость. Стоила квартира пять лет назад триста тысяч, и еще через пять лет достанется клиенту за те же триста, хотя стоит будет уже восемьсот. И он получит ее на пол лимона дешевле только потому, что заплатил нам в свое время шестьдесят тысяч аванс. Ну а мы...

– Получите двести сорок только за то, что десять лет назад договорились с бабушкой? – воскликнул потрясенный простотой схемы Олег.

– Вот!.. – Сергей Борисович наставительно поднял указа-

тельный палец. – «Просто договориться с бабушкой» – совсем не просто. Поэтому ты здесь и сидишь.

– Мат! – донесся из соседней комнаты торжествующий голос Юрца, и через пару секунд он уже торопливо покидал офис. Проигравший Игорь, лицо которого не выражало ни малейшего огорчения по поводу отданной партии, подошел к Шепилову, сел на подлокотник его кресла и показал Олегу красную корочку милицейского удостоверения.

– Исаев Игорь Анатольевич. Майор. Отдел по борьбе с экономическими преступлениями... – быстро прочитал Олег. – Фигасе!

– Олег, знаешь, сколько в Москве уродов, которые могут выкинуть этих стариков из квартир? – спросил Игорь, убирая удостоверение в карман серого пиджака. – Не пересажать! Старики боятся – и правильно делают.

– И собирают бутылки, потому что у нас нет человека, способного их убедить, – подхватил Сергей Борисович. – Договор содержания и наша пенсия для многих – единственный шанс достойно дожить.

Олег все понял. Эти ребята хотят, чтобы он предлагал старикам и старушкам заключать с «Хрустальным домом» договор содержания. Что ж, для него это не сложнее, чем продавать технику, вот только... Не хочется быть шестеркой и приносить этим дебрям сотни тысяч за гроши «с барского стола». Олег отпил еще один глоток из стакана, думая, как не продешевить.

– И сколько... – начал он, но испугался упустить свой шанс, и спросил совсем другое: – Пенсия сколько?

– Пенсия пятьсот долларов, – спокойно ответил Сергей Борисович. – Тебе – три процента от стоимости квартиры по факту заключения договора.

Снова поперхнувшись виски, Олег натужно закашлялся.

Глава 8

Центр, как всегда, был полон спешащих людей, и только в старых кривых московских переулках, заставленных автомобилями, народу почти не было. Костя и Алина шли по Георгиевскому переулку в сторону Тверской. Слева над ними возвышалось гигантское серое здание Госдумы, бывший Госплан, и как когда-то, так и сейчас закрывающее собой полнеба.

– Ты даже не представляешь, как помогла. Спасибо тебе огромное еще раз! – повторял Костя, не уставая снова и снова благодарить Алину, не столько за предоставленную возможность заработать, сколько за то, что она снова появилась в его жизни.

– Не могла не помочь. – Алина осторожно перешагнула глубокую выбоину в асфальте, оперевшись на Костину руку. – Вы, конечно, свинтусы, но не такие, чтобы сдирать с вас три шкуры. Надеюсь, ты нас на свадьбе не взорвешь?

Оба засмеялись.

– Ну прости, Алина, такая случайность глупая! Хотя знаешь... Я в тот вечер видел этого Артура. Около ночного клуба. Может, это все не случайность?

– А что?

– Не знаю... Какое-нибудь приключение закручивается... Выпьем по коктейлю, подумаем?

Из-за угла донесся нарастающий грохот – словно с горы катились тысячи камней.

– Давай без приключений! – попросила Алина. Она первой вышла на залитую солнцем Тверскую, и ее чуть не сшибла огромная толпа летящих вниз по улице роллеров. Костя едва успел схватить девушку за плечи и прижать ее к стене дома. Роллеры смерчем пронеслись мимо.

– Видишь, – пробормотал Костя, продолжая прижимать Алину к стене, хотя опасность уже миновала, – без приключений не получается...

Большие полосатые зонтики, раскинувшиеся над столиками уютного открытого кафе, давали приятную тень, и если бы не вездесущий запах выхлопных газов, то в этом кафе можно было с легкостью представить себя на курорте. Настроение у Кости было именно такое – приподнятое, беззаботное, курортное. Он забыл все проблемы, и каждый взгляд на Алину был для него как глоток пьянящего шампанского. Согласись еще Алина выпить с ним в кафе настоящего шампанского или вина – настроение вовсе улетело бы в небеса, как неуправляемая ракета, но у девушки вечером была репетиция, и она выбрала молочный коктейль. Костя из солидарности взял такой же, но растягивать удовольствие, смакуя напиток со вкусом растаявшего мороженого, не видел смысла. Усевшись напротив Алины, он выцедил свою порцию за несколько секунд и скосил глаза, наблюдая, как остатки мо-

лочного коктейля уносятся со дна стакана вверх по соломинке. Алина расхохоталась.

– Что? – недоуменно спросил Костя, выпуская соломинку.

Взяв салфетку, Алина стала вытирать Косте нос, испачканный густой молочной пеной. Смущенный Костя отстранился и, отняв у Алины салфетку, сам привел свой нос в порядок. Алина посмотрела на него, держа над глазами ладонь «козырьком», и сказала:

– Для парня с такими целями ты слишком быстро пьешь.

– В смысле? – не понял Костя.

Алина пожалала плечами и несколько секунд неторопливо цедила свой коктейль – глоток за глотком. Потом снова подняла глаза на Костю:

– Когда думаешь стать крутым клипмейкером?

– Через год.

Алина иронически хмыкнула.

– Думаешь, невозможно? – ершисто поинтересовался Костя, ощущая то ли досаду, то ли Вздохнув, Алина отодвинула стакан в сторону.

– Ну почему же... Если веришь – возможно все. Только не через год. Я в пять лет увидела «Щелкунчика» – решила стать балериной. В девятнадцать станцевала на выпускном «Лебединое»... А сейчас двадцать два – я никто и звать никак. Все зависит от выступления в октябре.

Костя пожевал соломинку, совершая нехитрые арифметические подсчеты. У Алины ушло четырнадцать лет, чтобы

стать танцовщицей, и еще три, чтобы получить свой первый большой шанс... Что ж это получается?..

– Получается, что крутым клипмейкером я стану... в сорок?

– Лучше, чем никогда, – успокоила Алина, вставая. – Пошли. Покажу тебе место, где загадывают любые желания.

Около «новодельных» Иверских ворот, ведущих на Красную площадь, топтались усталые, но довольные люди. В основном это были приезжие, которые успели уже ознакомиться с красотами Кремля, посетили Александровский сад и собирались теперь спуститься в огромный торговый комплекс под Манежем, чтобы провести там остаток дня и впитать в себя ощущение изобилия, как впитывали во время пляжных отпусков бледными телами жаркое солнце. Алина протянула руку, указывая на вбитую в булыжник бронзовую окружность, в центре которой был большой квадратный медальон из такого же металла.

– Смотри. Это Нулевой километр. Отсюда считаются все расстояния. Если у тебя есть цель – встань в центр лицом к ангелу, брось через плечо монету и загадай желание.

Алина достала из сумочки пятирублевую монетку и протянула Косте.

– А ты? – спросил Костя.

– Я уже бросала... Давай загадывай.

Подкидывая монету на ладони, Костя смотрел на Алину, и

ему казалось, что сейчас она как никогда соответствует определению «блестящий образец природного совершенства».

– Давай загадывай! Мне на репетицию пора! – поторопила Алина.

Костя улыбнулся и не глядя бросил монетку через левое плечо. Пятирублевка подлетела в воздух, закрутилась, наматывая на себя простое и понятное желание, и громко звякнула об булыжник, сообщая о нем позолоченному ангелу, венчающему вход в небольшую часовню. Алина подхватила Костю за руку, и они поспешили к метро.

Глава 9

Во дворе сталинской высотки на Котельнической набережной – вершины и торжества имперского архитектурного стиля – стоял темно-синий «БМВ». В машине сидели двое – Шепилов и Олег. Шепилов бросил взгляд на часы.

– Шестой час... Борисыч решил тебя проверить на самой упертой бабке. Профессор университета. Книгу пишет. Я два раза к ней приходил – оба раза лекция про Бальзака, ни слова про договор. Про ремонт не забудь. Квартиру клиентам показывать – ремонт одно из условий.

Олег выглянул в окно и посмотрел на взмывающие в небо надменные и такие дорогие стены. Такой шанс нельзя упустить.

– Тысячу рублей дашь? – спросил Олег, немного подумав.

Через десять минут Олег с роскошным букетом в руках нажимал на кнопку звонка квартиры номер 144. В номере было что-то знакомое... Первые три цифры домашнего мурманского телефона – вспомнил Олег и решил, что это хороший знак. Из-за двери послышался хорошо поставленный женский голос:

– Кто там?

Бодрый и приветливый ответ должен был вызвать безоговорочное доверие:

– Ольга Сергеевна, добрый день. Это Олег. Ваш студент.

Щелкнул замок, дверь со скрипом отворилась, и Олег увидел пожилую невысокую женщину с удивительными глазами. Любая старушка ассоциировалась в представлении Олега с мутным, ничего не выражающим и чаще всего злым взглядом. Эти же глаза были ясными, живыми и необыкновенно глубокими, словно из давно минувших времен, когда женщин называли сударынями и галантно целовали им руки. Олег весь подобрался, глубоко вздохнул и... протянул букет стоящей перед ним даме.

Еще через минуту он прохаживался вдоль стены обветшалой гостиной, любясь старинными фотографиями с видами Парижа позапрошлого века. Около письменного стола он остановился, осмотрел кипы бумаг, исписанных бисерным почерком, и красную пишущую машинку «Traveller De Luxe». Затем его внимание привлекло дряхлое пианино, на котором стояла изящная деревянная пирамидка, украшенная позеленевшим от времени бронзовым вензелем. Под вензелем чернилами было выведено: «Любимому ученику Сереже Орловскому от строгого учителя – Карла Францевича Кройнерта. Февраль 1911 года». Олег хмыкнул и восхищенно покачал головой.

– Удивительно, Олег, я вас совершенно не помню, – слышался голос.

Олег обернулся: Ольга Сергеевна вошла в комнату, неся в руках большую стеклянную вазу, в которой красовался его букет.

– Стыдно, Ольга Сергеевна, прогуливал. А тут ехал в поезде, открыл полистать Бальзака... «Гомсек»...

– «Гобсек»! – наставительно отчеканила Ольга Сергеевна, ставя вазу на комод.

Олег комически похлопал себя по губам:

– Ну да, «Гобсек»... Потрясло! Решил вас найти, спросить, что еще почитать.

– Все расскажу, – пообещала Ольга Сергеевна и тепло улыбнулась.

– Ольга Сергеевна, что это такое? – Олег указал на деревянную пирамидку.

– Метроном, Олежек, обычный метроном. Вы музыкой в детстве не занимались? Он помогает держать ритм. Смотрите...

Она откинула переднюю стенку пирамидки, оказавшуюся съемной, и Олег увидел стальной стержень с прикрепленным грузиком. Ольга Сергеевна освободила стержень от фиксирующего зажима, и тот закачался вправо-влево, ритмично отбивая удары звучными щелчками.

– Здорово... Вещи почти сто лет, и она все еще работает!

– Да, работает... – Ольга Сергеевна со вздохом остановила стальной маятник и снова закрыла пирамидку крышкой. – Ив отличие от меня проработает еще сто. Этот метроном подарили моему отцу – он замечательно играл. Очень любил Рахманинова... И Свиридова.

Чувствуя, что для сближения достаточно обменяться еще

парой реплик, Олег пошарил глазами по стенам, кивнул на большую фотографию Эйфелевой башни и восхищенно уточнил:

– Париж?

– Да, – снова вздохнула Ольга Сергеевна, – несбыточная мечта жизни... Вы садитесь, Олег, к столу... Там у окна, здесь бумаги... Сейчас я сделаю чай.

Ольга Сергеевна вышла из комнаты и зазвенела на кухне чашками. Олег прошел к маленькому столику у окна и с интересом посмотрел на старинные часы, стоящие на комодке рядом с вазой. На белом циферблате чернела надпись «Павел Буре».

«Фигасе... – потрясенно подумал Олег. – Бабуля с хоккеистами дружбу водит... За фигом ей только Павел Буре свои часы подарил?»

Шепилов терпеливо ждал Олега в машине. Был уже восьмой час, и если бы не указание шефа Сергея Борисовича – ждать парня до упора, он давно бы уже уехал. Не нравился ему этот Олег – «юноша бледный со взором горящим», мечтающий получить все и сразу. Шепилов работал с Борисычем восемь лет, создавал с ним компанию с нуля, вел всю юридическую базу, но три процента от сделки начал получать только год назад. А этому выскочке обещан такой шоколад за пару часов сладкого трепача? Впрочем... против фактов не попрешь: и Шепилов, и Игорь действительно получали от стариков отказ за отказом, и последний договор содер-

жания фирма «Хрустальный дом» заключила еще зимой. Если Олег действительно сможет уболтать эту профессоршу, они, во-первых, получают солидный куш, во-вторых – отличные перспективы. Адресов у них в базе данных десятки – только чеши. Шепилов вздохнул, набираясь терпения, и стал шарить в эфире FM-станций, стараясь найти хорошую музыку и все время натываясь на бесконечную болтовню ведущих, уверенных отчего-то, что их тупые приколы – вершина остроумия.

За окнами сгущались сумерки. В квартире Ольги Сергеевны горели светильники с древними, как метроном Карла Францевича Кройнерта, матерчатыми абажурами. Ольга Сергеевна наливала Олегу третью чашку ароматного, но некрепкого чая и продолжала воодушевленно рассказывать про свою монографию:

– Студенты до сих пор повторяют по советским учебникам: «Бальзак обличал пороки буржуазии...» А ведь это про сегодняшний день! Эжен де Растиньяк и Люсьен де Любампре – герои нашего времени! Вам после «Гобсека» обязательно надо прочесть «Отец Горио» и «Блеск и нищета куртизанок». Весь цикл «Человеческой комедии» необходимо прочесть, но у кого сегодня хватит времени? В этом и смысл моей монографии – вся «Человеческая комедия» в одной книге, спроецированная на современность. Это же учебник жизни!

– Я бы такой учебник купил первым! – восторженно откликнулся Олег. – Долго еще писать?

Ольга Сергеевна вздохнула:

– Долго, Олежек, конечно, долго. Приходится брать переводы... На три тысячи разве можно прожить? Работаю урывками... А как издаваться буду – вообще не знаю...

Олег поставил чашку на стол. Пора было переходить в наступление. Нужно сделать все, вывернуться наизнанку, чтобы выцарапать из словоохотливой профессорши согласие на договор! Он должен доказать «Хрустальному дому», что лучшего клиент-менеджера им не найти. И он это сделает! Будет убеждать Ольгу Сергеевну так, словно от нее зависит, уступят ли ему последнее место в спасательной шлюпке тонущего корабля. А это недалеко от истины. Другого такого шанса может никогда больше не представиться.

И Олег заговорил... О достойной осени жизни, которая выстрадана и заслужена десятками лет почти бесплатного труда. О единственной реальной возможности воплотить желаемое в действительное. О приятных сюрпризах, которые, кроме денег, принесет с собой новая жизнь – жизнь после подписания договора с фирмой «Хрустальный дом».

– Ольга Сергеевна, компьютер с Интернетом – необходимость номер один. Пишущая машинка – это даже не вчерашний день, это средневековье какое-то... Мы все подключим, мой друг научит вас пользоваться. Любой архив будет у вас под рукой.

– Я никогда это не освою, – безнадежно протянула Ольга Сергеевна, поглаживая клавишу верной пишущей машинки.

– Освоите, поверьте! Это не сложнее телефона. И в Интернете вашу книгу можно будет выложить безо всяких издательств. Читать ее смогут хоть в Мурманске.

Ясные глаза Ольги Сергеевны загорелись:

– Вот это интересно!

– Тогда вы понимаете, как вам поможет такой договор?

Блеск вспыхнувших было глаз снова угас:

– Так оно так, Олежек, но я не хочу, чтобы кто-то ждал моей смерти.

– Не думайте про смерть! – патетически воскликнул Олег, взмахнув руками. – Думайте про жизнь! Насколько дольше вы проживете, если не будете надрываться переводами, и сколько успеете сделать!

Ольга Сергеевна задумчиво постучала по клавише – каретка машинки сделала несколько шажков влево.

– Я не знаю...

Олег подошел к Ольге Сергеевне почти вплотную и склонился над ней:

– И я не знаю, когда вы поймете, что это лучший вариант. Думаю, что сейчас. Потому что сейчас я скажу главное.

...Двор высотки давно погрузился в темноту. Одинокий «БМВ» стоял на том же месте, и раздраженный Шепилов яростно выяснял у телефона:

– Борисыч, скажи, я теперь водитель, что ли? Мне его до

ночи в машине ждать?! Потом помыть машину, в девять утра за ним заехать, да? Мне больше заняться нечем?! О, погоди, вот он идет...

Из подъезда выскочил Олег – подлетел к машине и безо всяких объяснений возбужденно спросил:

– Слушай, нам для ремонта надо ее куда-то отправить, да?

– Ну да, – растерянно ответил Шепилов, не вполне понимая, что скрывается за этим странным вопросом. – В пансионат недели на три.

– А в Париж можно?

Глава 10

На сцене полутемного подвального рок-клуба андеграундная группа – нечто среднее между «Круизом» образца 1988 года и «KISS» начала семидесятых – старательно выдавала приличный тяжелый рок. У микрофона извивалась разукрашенная готическим гримом девушка в коротких шортах, длинных латексных сапогах и латексном топе. Два гитариста в таком же гриме слаженно наяривали на гитарах, потея в лохматых меховых шубах, составлявших главную фишку сценического образа. Барабанщика в группе не было, и ритм-секция шла фонограммой, что, по мнению участников коллектива, было главной причиной затянувшейся неизвестности. Но если взять барабанщика, скромные гонорары от клубных выступлений приходилось бы делить на четверых, и получались бы сущие копейки.

На балкончике клуба, изредка поглядывая на сцену, сидели за столиком Костя и менеджер группы – щекастый кучерявый толстяк, похожий на подавшегося в шоу-бизнес Винни-Пуха в «косухе» с заклепками. Грохочущая музыка мешала нормально разговаривать, поэтому толстяк темпераментно орал, перегибаясь через стол к Косте:

– Запомни: один год, один год, и эти ребята – звезды! Я звукорежиссеру не доплатил триста баксов, знаешь почему? Его вставила песня, которую он им писал! Он даже себе в

мобильник ее загнал. Сегодня они никто, они лохи. Завтра выпускаем альбом, снимаем клип, чешем тур, собираем стадионы! Пальцы сотрем, когда бабки считать будем!

Как всегда сдержанный Костя еще раз посмотрел на вокалистку, похожую на персонаж из готического фильма ужасов, и спросил:

– Стае, а у вас на клип есть бюджет какой-то?

– Саша, какой бюджет? – завопил толстяк, растопырив пальцы, унизанные серебряными перстнями с черепами и драконами.

– Я Костя.

– Да мне по фигу, понимаешь! Ты снимешь пару свадеб – вот у тебя в кармане бюджет. Тебе нужна группа – считай, ты нашел звезд. Ты на нас себе имя сделаешь! Это еще я должен решать, подходишь ты нам или нет!

Толстяк схватил за абажур подвесную лампу, висевшую над столиком, и осветил Косте в лицо, картинно проверяя, годится ли он на кандидатуру клипмейкера. Костя заслонился от яркого света рукой. Толстяк отпустил лампу, подпрыгнул на стуле от переизбытка эмоций и сложил пальцы рамочкой, изображая видеоискатель.

– Давай рассказывай, как ты себе все представляешь.

Костя пустился в долгие объяснения. Когда он закончил, толстяк так лучился счастьем, что, казалось, освещал столик не хуже подвесной лампочки.

– Это гениально, старик! Знаешь почему? Потому что

просто. Строгие индустриальные конструкции. Трубы, крыши, алюминий. Это вставляет! Я ждал человека, который это предложит. Мы с тобой одной группы крови. Дай пять!

Костя протянул руку. Толстяк схватил его ладонь и прижал ее тыльной стороной к столу.

– Армреслинг! Ты проиграл. С тебя бюджет!

Громко заржав, толстяк забарабанил по столу.

– Давай, старик, заказывай технику. Мы станем звездами, ты – клипмейкером номер один. Я это вижу. На всех обложках.

Костя, улыбаясь, поднялся из-за стола:

– Значит, договорились? Я позвоню?

– Здесь телефон не берет – бывшее бомбоубежище, бетон глушит. Приезжай так, я здесь каждый день. Все будет, парень! Мы друг друга нашли!

В это самое время в офисе «Хрустального дома» стояла торжественная тишина. Сергей Борисович вынул из сейфа в своем кабинете тонкую пачку хрустящих столдолларовых купюр и протянул подпирающему косяк Игорю.

– Передашь парню деньги, проведешь все по бухгалтерии, грамотно. Остальные дашь, когда подпишем бумаги.

– Я говорил – парень стоящий, – отозвался Игорь, принимая деньги.

– Без лирики. – Сергей Борисович принялся запирать сейф.

Сидящий в кресле Шепилов ядовито поинтересовался:

– А в Париж теперь всех отправлять будем?

– За Париж вычтем... Давайте ему всю информацию, пусть работает как хочет. Захочет нарядиться Снегурочкой – достанете ему костюм Снегурочки. К слову, о костюме...

Сергей Борисович отсчитал из собственного кармана еще пару тысяч и передал деньги Шепилову:

– Возьми над парнем шефство. Посмотри, как ты одет и как он. Свободны.

Время близилось к полуночи, когда Костя закончил рисовать эскизы к будущему клипу и решил немного размяться. В подвальном жилище был один несомненный плюс – в любой момент можно было взять какую-нибудь железку и сделать несколько упражнений, не затрачивая на это много времени. Костя выбрал сгибания рук на скамье и начал сосредоточенно поднимать и опускать приличного веса гантели. Все-таки армейские тренировки не прошли даром – мышцы радостно отзывались на привычную нагрузку.

Хлопнула дверь, послышались торопливые шаги, и прямо над Костей навис сияющий Олег. Костя окинул его взглядом, и гантели сами собой брякнулись на покрытый толстой резиной пол. Олег был одет в роскошный черный в тонкую полосу костюм. Из-под пиджака выглядывала щегольская розовая рубашка. В руках новоявленный модник держал штук шесть бутиковых пакетов, и весь его вид не просто говорил,

а выкрикивал одно слово: «Видал?!»

– Ты чего, нефть нашел? – спросил потрясенный Костя.

Олег швырнул пакеты на столик в углу. Он был так наэлектризован, что от него чуть ли не летели искры.

– Костян, не случайно мы машину ту взорвали! Шестеренки так зацепились – у меня аж крышу рвет. Видал?!

Олег сунул Косте под нос запястье, на котором красовались дорогие часы.

– «Кар-тьер»... – по слогам прочел Костя и обалдел окончательно. Он не слишком разбирался в часах, но знал, что часы «Картье» стоят столько, сколько ни он, ни Олег в его представлении просто не могли заработать. И вдруг – на тебе!

Олег, сполна насладившись Костиной реакцией, потащил друга к столику, на котором разложил новоприобретенные богатства. О том, что «Картье» были «лучшей бельгийской копией с настоящим швейцарским механизмом», купленной за триста долларов в Интернет-магазине, он, разумеется, умолчал.

– Пробыл я эту контору через Интернет... – излагал Олег, лихорадочно копаясь в бутиковых пакетах, чтобы найти нечто конкретное. – «Хрустальный дом» входит в двадчатку лучших риелторов. Бабло за машину тебе тоже простили.

– Здорово! – обрадовался Костя.

– Да... Леха по магазинам провез. Держи – это тебе.

Обнаружив, наконец, на дне одного из пакетов красивую модную куртку, Олег достал ее и протянул Косте. Тот смущенно отступил:

– Олег, ты чего?

– Нормально! – Олег продолжал держать куртку в вытянутых руках. – У тебя шестеренки зацепятся – ты мне подаришь.

– Спасибо...

Костя принял куртку, надел ее прямо поверх спортивной майки и подошел к зеркалу.

– О, другое дело! – оценил Олег. – Столичный пацан!

Костя потянул вверх «молнию» и, чтобы не выглядеть в глазах друга безнадежно отставшим лузером, как бы невзначай сообщил:

– У меня, кстати, тоже кое-что зацепилось...

Глава 11

К выходным погода испортилась. Сильно похолодало, зарядили мелкие дожди. Костю, впрочем, это не огорчило – при таком пусть не ярком, но равномерном освещении снимать было куда выгоднее, чем при солнечном свете с его вечными резкими тенями. «Скромная» свадьба Артура проходила в фешенебельном яхт-клубе на берегу Пироговского водохранилища. Молодые люди с кислым видом разгуливали по берегу, ежась под морозящим дождем; девушки, недовольно морщась, выдергивали шпильки из размякшей земли, а потом украдкой разглядывали пострадавшие от капризов природы дорогие туфли. Мерз даже йоркширский терьер подруги невесты: он подрагивал и поскуливал от холода, хотя на нем был надет красный бархатный комбинезончик.

Под навесом, где стояли накрытые столы, играл струнный квартет; вышколенный официант обносил гостей шампанским. Порой он выходил из-под навеса и неспешно направлялся с подносом к гостям, которые прохаживались вдоль берега.

Новоиспеченная супруга Артура – жгучая брюнетка Вика с затейливой прической – не отличалась красотой: черты ее лица были резки и грубоваты. Она крепко держала мужа под руку и поглядывала на приглашенных подруг так ревниво, словно опасалась, что красавца-мужа могут увести

прямо с фуршета. Артур, стараясь сохранять достоинство и внешнюю независимость, покорно таскался за благоверной по обширной территории яхт-клуба, то и дело поправлял галстук-бабочку и чуть принужденно улыбался всем подряд – знакомых и друзей Вики было приглашено раза в три больше, чем его собственных. Кто-то из замерзших гостей бросил ему, проходя мимо:

– По погоде не могли место выбрать?

– Вика хотела на природе, – ответил Артур и с улыбкой посмотрел на жену. Видимо, он желал, чтобы в этот момент его взгляд лучился любовью, но беспристрастная камера Кости зафиксировала другое: взгляд честолюбца, сумевшего поймать за хвост жар-птицу и при этом почти не обжечь пальцы.

Да уж, Вика была жар-птицей так жар-птицей! Благодаря ей, а точнее ее отцу, генералу милиции Виктору Семеновичу Бондареву, Артур получил связи, о которых не мечтал, и возможность решать телефонным звонком вопросы, на которые раньше требовались месяцы обивания порогов и многотысячные взятки. Да что говорить – даже дом, в котором ему с Викой предстояло жить, был для него недостижимой мечтой – четыре этажа на Рублевке в районе Барвихи! И ерунда, что приходится жить под одной крышей с тестем, который отводит Артуру роль не главы семьи, а еще одного сына. Кто обращает внимание на такие мелочи? Одна проблема... Вика не красавица, и просыпаясь с ней утром в одной постели, Артур частенько задавал себе вопрос – насколько еще хватит

у него силы воли покрывать отталкивающее лицо подружки любящими поцелуями? Впрочем, красавицы тоже надоедают, а для удовольствия всегда есть «Амазония»... Воспоминания о последнем походе в «Амазонию» осветили лицо Артура вдохновенной улыбкой, которую неосведомленная Вика приняла на свой счет.

Издалека донесся зычный мужской голос:

– Вика!

Молодые супруги синхронно повернулись на властный зов.

– Викуся, доча, идите сюда! За вас выпить хотят.

Около самой воды на площадке стоял с бокалом вина в руке отец новобрачной – генерал Вэ Эс Бондарев: широкоплечий лысоватый мужчина с властными чертами лица и статью молотобойца. Рядом опирался на перила столь же представительный мужчина. Вика помахала отцу рукой:

– Сейчас, папа, только друзей встретим!

– Пойдем – они нас сами найдут, – настоял Артур, подталкивая Вику.

Возможностей настаивать на своем у него было не так уж много, но склоняя Вику к послушанию перед отцом, он всегда становился похож на реального главу семьи. Повернувшись к Косте, Артур добавил:

– Иди на парковку. Сейчас еще люди приедут – снимешь.

Костя поспешил на автостоянку. Очередная группа гостей была на подходе: черноволосый красавец с льдистыми го-

лубыми глазами (Сергей Борисович собственной персоной) и его тоненькая супруга выгружали из серебристого джипа двоих близнецов с роскошными рыжими локонами. Взломаченные рыжие одуванчики слаженно скулили:

– Не хотим за дурацким столом сидеть! Не хотим!

– Не будете вы сидеть за столом, – отбивалась юная мамаша, выглядящая не по годам утомленной. – Папа вас на катере покатает.

– Папа покатает на катере! – хрипло подтвердил Сергей Борисович, доставая из багажника огромный букет и коробку в подарочной обертке. Близнецы развеселились и безропотно последовали за родителями к навесу, из-под которого по-прежнему доносились скрипично-виолончельные трели.

Когда Костя провожал удаляющееся семейство камерой, сзади послышался задорный автомобильный сигнал. Он обернулся. На парковку въезжал знакомый апельсиновый «Фольксваген». Костя просиял и чуть ли не вприпрыжку побежал к остановившемуся автомобилю.

Выйдя из машины, Алина одарила объектив камеры голливудской улыбкой и, как на школьном утреннике, «с выражением» произнесла:

– Артур, Вика, я вас поздравляю! Желаю счастья и долгих-долгих лет совместной жизни! А это мой подарок... – Она подняла дверцу багажника, вытащила из салона большую картину в аквамариновых тонах и приблизила ее к камере. – Повесите над кроватью! Стоп, снято.

Алина поставила картину на землю. Костя опустил камеру. Они стояли друг напротив друга и молчали, подбирая более теплые, чем простой «привет», слова.

– Ну вот, – вымолвил наконец Костя, – ты испортила мне съемку.

– Почему? – засмеялась Алина, глядя ему в глаза.

– Никого не хочется снимать, кроме тебя.

Алина засмеялась еще звонче и сделала к Косте маленький шаг. Костя автоматически шагнул навстречу. Несколько дней назад, когда он прижал Алину к нагретой солнцем стене дома, спасая от летящих по Тверской роллеров, все было точно так же. Они стояли друг напротив друга, и казалось, рискни он преодолеть оставшийся сантиметр, их губы сольются. Он не рискнул. И теперь снова не смел сделать короткий шаг, ожидая, что все сложится само собой. Не сложились. С мощным размеренным ревом на парковку вполз черный свежеразкрашенный монстр «Хаммер». Джип подъехал вплотную, стекло опустилось, идеально причесанный Шепилов подозрительно оглядел их обоих. Он вспомнил ночь около милиции, когда Алина вдруг потребовала отпустить «этих придурков». Неужели его Алину, умную, артистичную, прелестную Алину, что-то связывает с этим долговязым тормозным парнем, который, в отличие от своего шустрого приятеля, не может связать двух слов? Шепилов с трудом набрал в сдавленную ревностью грудь побольше воздуха, с усилием улыбнулся и просто спросил:

– Все-таки приехала?

– Сам говорил, не приехать нельзя, – напряженно ответила Алина.

– Сказала бы мне, поехали бы вместе... – Шепилов выдержал паузу, но ответа не последовало. Он мотнул головой в сторону Кости: – А этот что здесь делает?

– Его Артур пригласил, – поспешила объяснить Алина.

Костя смерил Шепилова бестрепетным взглядом и, предъявив камеру, пояснил:

– Свадьбу снимаю. Тот покивал:

– Ну давай, Спилберг...

Стекло поднялось, «Хаммер» отъехал. Но спонтанный романтический настрой был сбит на взлете, к тому же Костя с Алиной вдруг остро ощутили, что на этом мероприятии их места по разную сторону праздничного стола. Ее – среди приглашенных гостей, его – среди оплаченной obsługi. Алина потопталась на месте, подняла прислоненную к бамперу «Фольксвагена» картину и пристыженно взглянула на Костю:

– Ну... Я пойду... поздравлять. Догоняй.

Она неуверенно улыбнулась и направилась к навесу, под которым продолжал трудиться струнный квартет. Приглушенные расстоянием звуки танго из «Запаха женщины» смешивались с гулом десятков голосов, взрывами смеха, звоном бокалов и потявкиванием замерзшей собачки в красном комбинезончике. Костя подождал, пока Алина отойдет

на пару десятков шагов, закрыл крышкой объектив камеры и поплелся следом.

Рассекая острым носом буро-зеленые волны водохранилища, в сторону яхт-клуба мчался скоростной катер со смешным названием «Нахухоль». По легенде, этот катер был когда-то первой лодкой самого Романа Абрамовича. Потом лодки Романа Аркадьевича выросли пропорционально размеру его состояния, а скромный белый «Seagay» со светло-бежевыми сиденьями и маленькой каюткой в носовой части многократно менял владельцев, пока не стал «Нахухолем» в коллекции остряка-бизнесмена, прикупившего его в пару к своей большой лодке под названием «Похухоль».

Игорь и Юрец арендовали «Нахухоля» на пару часов для Сергея Борисовича и хотя давно уже могли доставить катер к причалу яхт-клуба, не отказали себе в удовольствии промчатся с ветерком из конца в конец водохранилища и почувствовать себя «немножечко Абрамовичами». Игорь, облачившийся по случаю свадьбы в светло-серый костюм, азартно закладывал виражи и давил в пол ручку газа. Бритоголовый Юрец топтался рядом, ломал в кулаке найденные в носовой каюте баранки и зябко прикрывал горло поднятым лацканом пиджака.

– Борисыч на своих спиногрызах помешан... Дался ему катер в такой дубак, – посетовал он, прикидывая, сколько стопок водки придется выпить, чтобы согреться.

– Позвони ему, скажи, сейчас на причале будем, – ото-

звался Игорь.

Юрец проглотил остатки баранки, вытащил из кармана мобильник и набрал номер Сергея Борисовича.

– Возьми трубку! Возьми трубку, кому говорю! Кому говорят, возьми трубку! – во все полифоническое горло закричал мобильник Сергея Борисовича голосом мерзкого гнома. Гости, стоявшие в непосредственной близости от голубоглазого красавца, поморщились, как от неприятного запаха.

– Дети поставили, – пояснил Сергей Борисович, торопливо доставая телефон и проклиная свой «технологический кретинизм». Этот ужасный звонок ему в самом деле поставили дети, а он до сих пор не мог разобраться в сложном меню телефона и поменять его на что-нибудь более пристойное – песню «Виагры», в конце концов!

– Возьмешь ты, наконец, трубку или нет?! Возьми тру...

Сергей Борисович нажал кнопку с зеленой телефонной трубкой, выслушал короткое донесение Юрца и протянул к детям руки:

– Все, катер приехал. Давайте лапы, пошли кататься!

– Ура! Катер! – загалдели дети.

– И поменяйте мне звонок! Или выкину вас за борт на середине озера.

Малыши засмеялись, вложили папе в руки замерзшие ладошки и потащились за ним к пристани.

– Я возьму для них пледы в ресторане, – заволновалась мамаша.

Увидев, что Сергей Борисович уходит, генерал Бондарев торопливо дожевал песочную корзинку с красной икрой и негромко окликнул:

– Сереженька, на минутку. Нам надо поговорить.

– Да, Виктор Семенович, конечно, – по-военному отчеканил «Сереженька» и передал близнецов на руки подоспевшей с плечами супруге.

Бондарев молча прошелся по дощатым мосткам пристани, прикидывая расстояние, на которое нужно отойти, чтобы до нежелательных слушателей не долетело ни слова. Сергей Борисович проследовал за ним. Наконец Бондарев остановился. Сергей Борисович остановился тоже и развернулся к нему, как унтер-офицер перед «его высокоблагородием». Генерал заговорил негромко, но внушительно:

– Сереженька, дела у нас идут нормально, но я меняю счета. Вот реквизиты...

Достав из внутреннего кармана пиджака небольшой конверт, Бондарев протянул его Сергею Борисовичу:

– С первого числа переводы все по-новому.

– Хорошо, Виктор Семенович. Бондарев отечески похлопал Сергея Борисовича по плечу:

– Ну давай, догоняй детей.

Под навесом продолжалось броуновское движение: гости выпивали, закусывали и общались. Со стороны это походило то ли на презентацию очередного глянцевого журнала, то ли на массовую сцену в театре, когда на сцене толпится сразу

несколько десятков статистов, удерживающих «нужное» выражение лица. Вика нежно целовалась с Алиной, принимая у нее аквамаринovou картину, причем обе девушки старались не касаться друг друга губами, чтобы не испортить макияж. Артур в другом углу импровизированного зала принимал поздравления от известного столичного ресторатора, в баре которого не раз набирался куража перед походами в «Амазонию».

– Артур, – каркающим голосом говорил ресторатор, – у тебя жена, достойная президента, и я тебе желаю со временем стать достойным такой жены. Намек понял?

– Не очень...

– За твое будущее президентство, чудило! – рассмеялся ресторатор, заключая Артура в объятия. – Чего президентство – не важно. Хочу получить от тебя через десять лет визитку с подписью «президент». Понял меня?

Артур смеялся, обнимался с ресторатором, настолько похожим на известного актера Гошу Куценко, что у него иногда просили по ошибке автограф, и клятвенно обещал стать президентом чего-нибудь уже через пять лет, чтобы поскорее стать достойным своей жены. Они чокнулись рюмками и собирались за это выпить, когда послышался звонкий стук ножом по бокалу, и Шепилов, перекрывая гомон десятков голосов, громко провозгласил:

– Друзья! Попрошу внимания! Артур, тебя это касается в первую очередь! Я приглашаю всех на презентацию моего

экстремального подарка. Желающие могут пойти за мной.

Группа самых любопытных гостей оторвалась от закусок и выпивки и направилась за Шепиловым и молодоженами в сторону автостоянки. Алина шла рядом с Викой. Костя взял наизготовку камеру и поспешил следом – экстремальный подарок необходимо было заснять.

Шепилов вышагивал первым. Он уже успокоился и прибодрился: долговязый парень с камерой больше не приближался к Алине, да и она вроде на него не смотрела. От сердца отлегло. Проклятая ревность... Скорее всего, они даже не были знакомы, а он переживал так, словно застал их в объятиях друг друга. Толпа неспешно проследовала мимо причала, на котором Сергей Борисович по требованию взволнованной супруги облачал детишек в ярко-оранжевые спасательные жилеты. Положенные на катере пенопластовые жилеты куда-то пропали, и вместо них там лежали два надувных жилета из самолета. Сергей Борисович напряженно вспоминал свой последний перелет и стюардессу, которая показывала, как этими жилетами пользоваться. В голове ничего не осталось, кроме «достаньте из-под сиденья» и «подуйте жилет через клапан». Пришлось разбираться своим умом.

– Так... – Сергей Борисович вертел жилет на шее сынишки, пытаясь понять, как его застегивать, – сюда... нет... Елыпалы, будешь в самолете тонуть – хрен сообразишь! («Хотя кто хоть раз спасался из самолета в надувном жилете?!»

– тут же подумал он.) Ага... вот... Если вылетишь за борт, дергай эти веревки, гребь к берегу и зови маму. Мама плачет быстро. Да, мама?

И Сергей Борисович потрепал стоявшую на причале жену по ноге, быстро забравшись ладонью так высоко, насколько позволяли общественные приличия. Супруга заливисто засмеялась, но поспешно вернулась к образу сдержанной леди.

– Сережа, я тебя прошу: только не давай им руль, – предостерегла она.

– Не волнуйся, не дам.

– Я тебя очень прошу... серьезно...

– Я тебя когда-нибудь обманывал?

– Ну, Сережа...

Дальнейшего диалога Сергея Борисовича и его супруги никто из гостей уже не слышал. Причал остался позади, и гости поднимались за Шепиловым по ступенчатым террасам, покрытым коротко стриженной травой. В дальнем конце автостоянки был накрыт брезентом какой-то предмет размером с небольшого слоненка. Возле него топтались двое людей в рабочих комбинезонах с фирменным логотипом ZORB. До загадочного подарка оставалось еще метров тридцать, и гости решили развлечься игрой в «угадайку».

– Это живое существо? – задала наводящий вопрос новобрачная.

– Нет! – ответил Шепилов, охотно включаясь в игру.

– Оно круглое? – спросила пышногрудая блондинка, при-

жимавшая к своим богатствам натерпевшегося йоркширского терьера.

– Умница! – весело отозвался Шепилов. – Оно действительно круглое.

– Это мебель? – продолжила развивать свою гипотезу счастливая обладательница внушительного бюста и миниатюрной собачки.

– Круглая мебель? Дважды умница, – еще больше развеялся Шепилов.

– Леха, колись, что это? – не выдержал Артур.

Шепилов остановился возле таинственного предмета и, нагнетая напряжение, выдержал паузу. Гости выстроились перед ним в ряд. У некоторых на лицах было написано самое живое любопытство. У других – циничное равнодушие людей, которых «ничем не удивишь» – не столько, впрочем, подлинное, сколько привычно сыгранное. Шепилов потомил собравшихся еще немного и торжественно объявил:

– Друзья, наш Артур запал на эту штуку на презентации «Ауди», и я ее для него достал!

– Это «Ауди»! – восторженно воскликнула пышногрудая хозяйка терьера, но тут рабочие сдернули с подарка брезент, и ее лицо словно припечатали вантузом.

Под брезентом обнаружилась прозрачная надувная сфера, сделанная из какого-то мягкого пластика. Внутри нее на десятках тонких растяжек была закреплена еще одна сфера поменьше. С двух боков странного шара были сделаны

отверстия, через которые можно было проникнуть внутрь и закрепиться в меньшей сфере специальными ремнями. Гости удивленно переглянулись. Артур расплылся в счастливой улыбке.

– Зорб!

Довольный произведенным эффектом, Шепилов толкнул зорб, и тот с легким шорохом пружинисто вкатился в толпу. Гости загалдели и начали толкать огромный упругий шар от одного к другому. На лицах появились улыбки, и некоторые персонажи даже забыли изображать циников.

– Кегельбан! На меня толкай! Давайте с горы, ребята! Артур, внутрь... – слышались крики.

– А ну, разойдитесь-ка!

Скинув смокинг на руки супруге, Артур рыбкой нырнул внутрь зорба и бесстрашно направил его вниз по пологому влажному склону. Шар катился медленно и вальяжно, слегка подпрыгивая на уступах; Артур быстро перебирал ногами, чтобы не перевернуться вниз головой.

– Женилку не отбей, зорбист! – прокричал ему вслед Юрец.

– Зорбонавт! – поправил его Шепилов.

– Зорбанутый, – недовольно пробормотала Вика, накидывая на плечи еще теплый смокинг укатившегося супруга.

Стремительный «Нахухоль» тем временем снова вспарывал буро-зеленые волны водохранилища.

– Оу! – выкрикивал Сергей Борисович, набирая скорость.

– Оу! – вторили ему замерзшие, но донельзя счастливые малыши.

– Папа идет на разворот! – во весь голос сообщал им Сергей Борисович. – Разворачивается папа... Возвращаемся к маме!

Поймав с далекого причала беспокойный взгляд супруги, Сергей Борисович подхватил ближнего малыша и вложил ему в руки руль.

– А ну-ка порулим!

– О-о-о-о-у-у-у-у! – заверещал малыш, крепко вцепившись в руль.

– Поворачивай тихонечко... Смотри, куда едешь... – руководил Сергей Борисович, незаметно подруливая свободной рукой и направляя катер подальше от малохолных скутеристов, носившихся взад-вперед на остроносых водных байках. – Давай к причалу, закругляемся.

Катер подплыл к причалу в тот самый момент, когда Артур начал выбираться из скатившегося к кромке воды зорба. Кучка гостей, последовавших на презентацию необычного подарка, между тем рассосалась. Большинство направилось обратно к выпивке и закускам, сочтя подаренный зорб самым идиотским свадебным подарком, достойным Книги рекордов Гиннеса. Не считал так только Артур... Пока Сергей Борисович снимал с детей жилеты и оправдывался перед женой за свои выходки, он задумчиво смотрел на белую корму «Нахухоля», где лежал смотанный в бухту фал. На этом

катере время от времени катали водных лыжников, и у Артура оформилась в голове лихая мысль. Он оглянулся. Вслед за ним к воде спустились лишь его жена под ручку с Алиной и еще несколько человек. Шепилова среди них уже не было, зато был Костя, успевший снять спуск Артура с холма и ожидающий еще каких-нибудь экстремальных проделок.

– Катим зорб к катеру! – приказал Артур.

Через пару минут Игорь и Юрец под прицелом Костиной камеры уже катили зорб по причалу. Вика семенила за ними по мокрым доскам на высоких каблуках и нервно кричала:

– Артур, ты сошел с ума! Этого нельзя делать!

– Ну почему же нельзя? Просто никто не пробовал! – отмахивался Артур.

– Я тебя умоляю, Артур, не делай этого! – продолжала психовать Вика.

То, что Артур собирается совершить нечто рискованное, ей ужасно не нравилось. Бесило, что муж выходит из-под контроля в первый же день законного брака, да еще демонстративно – наверное, хочет, чтобы его перестали считать подкаблужиком. Вика могла бы закатить мегатонную сцену, проткнуть зорб каблуком или позвать папу, но что-то ее удерживало... Странное чувство, что рискованная забава Артура вызовет в ней такое восхищение, после которого она не сможет относиться к нему свысока. Это чувство обуздывало ее эмоции, как обуздывает запредельную мощь спортивной машины электронный ограничитель скорости. Вика

кричала, всем своим видом показывала, что хочет помешать этой затее, но все же... позволяла Артуру ее воплощать. Когда зорб привязали за фал к «Нахухолю» и возбужденный Артур забрался внутрь прозрачной сферы, Вика запрыгнула в катер и встала к штурвалу рядом с Игорем.

– Я тоже с вами! – воскликнула Алина, забираясь следом.

Костя был уже на борту и фиксировал отплытие на камеру – катание на зорбе должно было стать его лучшим видеоматериалом, и он даже подумывал вставить его потом в какой-нибудь клип.

– Закончите дурью маяться – подходите к столу! – крикнул на прощание Юрец, покидая пристань с остальными гостями. Игорь дал газ, и катер тронулся, набирая скорость и разгоняя по воде огромный надувной шар с разместившимся внутри Артуром.

И снова «Нахухоль» рассекал воды Пироговского водохранилища! За ним в ореоле рассыпающихся во все стороны мельчайших брызг летел привязанный зорб, похожий теперь на восхитительный хрустальный шар. Артур прыгал внутри с воплями восторга, которые заглушал мерный и мощный рев мотора. Костя водил камерой по сторонам и снимал то Игоря за штурвалом, то счастливого Артура, простодушно радующегося жизни в эластичной скорлупе, то смеющихся Алину и Вику. Вике самой понравилось кататься, щеки ее порозовели, и если она и была теперь чем-то недовольна, то лишь

тем, что пыталась мешать отличной затее.

«Да ведь это катание – единственное, что делает свадьбу запоминающейся! – думала она, кутаясь от холода в мужнин смокинг. – Не обмануло предчувствие!»

– Он у тебя как мальчишка! – засмеялась Алина, когда из шара долетел очередной торжествующий вопль.

– За то и люблю! – вдруг соткровенничала Вика, не отрывая глаз от мчащегося по волнам зорба.

Игорь заложил крутой вираж, и катер пошел на разворот. Привязанный зорб с кувыркающимся внутри Артуром тоже начал разворачиваться по широкой дуге, прочерчивая на глади воды кипящую, мгновенно исчезающую окружность. Перекладывая штурвал, Игорь оглянулся и хмыкнул:

– Видал, как освоился...

Костя повернулся к нему вместе с камерой и испуганно вскрикнул, вытянув вперед руку:

– Игорь, скутер!

Прямо навстречу катеру несся парень-скутерист в красном гидрокостюме. Только что мимо него промчалась на другом скутере стройная длинноволосая девушка, и парень, вместо того чтобы смотреть вперед, обернулся и, забыв об управлении, пялился вслед красоте. Скутер держал курс точно на катер. Обладающий молниеносной реакцией Игорь так резко выкрутил штурвал, что Вика, Алина и Костя попадали друг на друга, чуть не вылетев за борт. Костя успел только заметить, как округлились от ужаса глаза стремитель-

но приближавшегося скутериста. Парень пронесся в метре от катера, вильнул – и на полном ходу воткнулся в надвинувшийся на него зорб. Раздался оглушительный хлопок, похожий на выстрел небольшой пушки. Вика, вскочив на ноги, отчаянно завопила:

– Арту-у-у-ур!

На боку зорба зияла огромная пробоина, в которую стремительно заливалась вода. Артур барахтался, судорожно перебирая руками пластик – продырявленный зорб погружался так быстро, что на поиски выхода оставались считанные секунды. Скутерист, свалившийся в воду в миг столкновения, то ли не понимая до конца, что он наделал, то ли, напротив, ясно осознавая степень своей вины, торопливо подгреб к своему скутеру, вскарабкался на него – и, даже не оглядываясь, умчался прочь. Игорь, витиевато кроя подонка, остановил катер и стал разворачиваться, чтобы вернуться к зорбу, который с громким бульканьем стремительно уходил под воду. Барахтающегося в нем Артура уже не было видно. Вика истерически кричала:

– Скорее, Игорь! Скорее!!!

– Сейчас, я не могу так быстро!

– Он же утонет!!! Господи!

Закончив разворот, Игорь дал полный газ, но когда катер подплыл к месту столкновения, зорба на поверхности уже не было. Разорванный шар ушел под воду, унося за собой Артура, и место, где над ним сомкнулись волны, можно было

определить лишь по булькающим пузырям.

Когда Игорь заглушил мотор, прекратились и пузыри. Упав на колени, Вика перегнулась через борт и по плечи опустила руки в холодную воду – ей показалось, что под волнами белеет уходящий на дно шар и его еще можно поймать. Но это был последний запоздавший пузырь, который всплыл и булькнул под руками Вики.

– Игорь, сделай что-нибудь!.. – зарыдала Вика, осознавая, что веселье превращается в страшную, необратимую трагедию.

– Что я сделаю? – не менее истерично огрызнулся Игорь. – Я плаваю как топор!

Костя молча сунул камеру в руки одеревеневшей от ужаса Алине, снял ботинки, куртку и, набрав полную грудь воздуха, ласточкой прыгнул за борт. Алина словно очнулась:

– Костя, осторожнее!

Но Костя уже не слышал. Он быстро плыл вертикально вниз – туда, где в подводном сумраке покоился на илистом дне утонувший зорб. В окружении колышащихся водорослей он походил то ли на фантастический батискаф инопланетных пришельцев, то ли на купол гигантской медузы. Но красивый образ не скрывал страшной сути. Набрал воды, шар образовал подобие саркофага, и Артур был фактически погребен в запеленавшем его тяжелом пластике. Выбраться и вынырнуть он не мог при всем желании. Подплывая к полупрозрачному кокону, Костя больше всего боялся стать сви-

детелем ужасной гибели, но, приблизившись, разглядел, что Артур прижался губами к образовавшемуся внутри воздушному пузырю и, следовательно, у него в запасе еще несколько минут. Это давало шансы на спасение. Костя вцепился в обрывок фала и изо всех сил потащил зорб наверх – заполненный водой шар даже не двинулся с места. Шансы на спасение стремительно обнулялись. Оставалось одно – вынырнуть, добраться до берега, притащить сюда нож и попытаться разрезать пластик. Но продержится ли Артур так долго? Костя похлопал по стенке зорба, чтобы Артур увидел его и понял, что его спасают. Разглядеть выражение его лица через илистую муть было невозможно, но Костя прекрасно понимал, что сейчас Артур чувствует – всепоглощающий крошечный ужас. Он наверняка видит сквозь мутную толщу воды далекое-далекое дно катера и отчаянно желает вырваться наверх – туда, где свет, воздух, жизнь. Желает, но не может. Наверное, нет смерти более страшной, чем медленное удушье под водой... Нет, такие мысли сейчас недопустимы! Надо действовать – быстро, наверняка, с верой в удачу. Костя поплыл наверх, вынырнул около катера и, отдышавшись, сообщил:

– У него пузырь воздушный... Минут пять продержится... Но мне не поднять... Нужен нож – пластик разрезать...

Раздавленные страхом женщины, кажется, чуть-чуть успокоились. Артур жив, и Костя понятно сказал, что надо делать, чтобы его спасти. Вика повернулась к берегу, где сно-

вали крохотные фигурки гостей, остановила взгляд на стоявшем около самого берега Шепилове и во все горло закричала:

– Леша! Леша, нужен нож! Нож! Быстро!

К счастью, звуки над водой разносятся далеко, и Шепилов, обсуждавший что-то с Юрцом, сразу обернулся на крик.

– Леша, нож!!! Артур утонул в шаре!

– Ёперный театр... – пробормотал Юрец, ошеломленно взглянув на Шепилова. Тот бросил на траву бокал с вином и помчался к навесу, где официант как раз разделявал острым тесаком тушку запеченного поросенка.

Игорь быстро прикидывал, сколько времени понадобится Шепилову, чтобы доплыть с ножом до катера. Получалось минут пять... А еще нужно снова нырнуть, разрезать крепкий пластик... Не успеют... Что еще можно сделать? Игорь заметался взглядом по катеру и увидел оранжевое пятно спасательного жилета. Если надуть этот жилет под водой, получится воздушный пузырь с хорошей подъемной силой.

– Давай сюда! – крикнул Игорь и мигом надел жилет на шею приподнявшегося над бортом Кости. – Нырнешь, возьмешь эту штуку, дернешь за веревки – жилет надуется, тебя вытащит. Понял?

Костя кивнул, торопливо затянул тесемки жилета на талии и снова нырнул под воду.

Добраться до зорба второй раз оказалось проще. Артур все так же дышал, прижавшись к воздушному пузырю. Рас-

тягивая этот драгоценный запас жизни, Артур делал небольшой вдох, задерживал дыхание секунд на двадцать, и выдыхал в воду. Воздушный пузырь уменьшился уже вдвое, и Артур прикидывал, что ему осталось вдохнуть раз десять-двадцать. Может, не мучиться и сразу набрать полные легкие воды, прекратив эту агонию одним махом? В стенки зорба снова постучали снаружи – Артур увидел расплывчатое оранжевое пятно. Он с трудом различал Костю, не мог понять, что тот придумал, но оранжевый цвет прочно ассоциировался со средствами спасения, и надежда вспыхнула с новой силой.

Костя подобрал обрывок фала, за который пытался поднять зорб первый раз, обвязал его вокруг пояса и резко дернул пусковые тросики жилета. Баллоны сработали, послышалось резкое шипение, и жилет, моментально надувшись, рванул Костю вверх. В первую секунду он с ликованием подумал, что опасное приключение счастливо завершилось – сейчас он всплывет, подтянет привязанный к поясу зорб к катеру, и Игорь, Алина и Вика заташат его на борт. Но фал натянулся, и Костино всплытие оборвалось так же резко, как началось. Зорб приподнялся над поверхностью дна на несколько сантиметров, замер и медленно опустился обратно, вздымая клубы илистого тумана и опуская вниз Костю. Незадачливый спасатель завис в нескольких метрах от поверхности воды. Узел на поясе затянулся от рывка, надувшийся жилет сдавливал горло и тянул вверх, буквально от-

рывая голову, и Костя оказался в ловушке. Он то отчаянно греб, пытаясь всплыть, то вгрызался пальцами в окаменевший узел, но лишь ускорял этим таяние набранного в грудь воздуха. Положение Артура тоже усугубилось – рывок разбил воздушный пузырь на несколько маленьких пузырьков, которые разбежались в стороны, и Артуру оставалось полагаться теперь на тот единственный вдох, который он успел сделать в последний момент. Счет пошел на секунды...

Официант, разделявавший поросенка, только охнул, когда Шепилов вырвал у него из рук нож и помчался к причалу, скидывая на ходу пиджак и галстук. Со стороны могло показаться, что убийца-изувер гонится за своей жертвой. Подбежав к причалу, Шепилов сбросил обувь, прыгнул в воду, подняв целый фонтан брызг, и поплыл к катеру хорошим кролем. Нож он зажимал в правой руке, и от этого гребок на правую сторону получался куцым, недостаточным для большой скорости.

– Лешенька, быстрее! – кричала Вика, в прямом смысле слова заламывая руки.

– Не успеет... – пробормотал Игорь. По его расчетам, Шепилов должен был оказаться около катера через минуту, но Костя уже почти минуту как скрылся под водой и до сих пор не вынырнул. Что-то не так... За спиной послышался шорох. Игорь обернулся и увидел, что Алина надевает на себя второй жилет.

Костя не оставлял отчаянных попыток всплыть, но уже

понимал, что они не принесут результата. Он пропал. Левую ногу стало сводить судорогой, и от боли безумно захотелось вздохнуть. Перед глазами появился красный туман. Замычав, выпуская изо рта пузыри, Костя конвульсивно запрокинул голову и увидел, что к нему спускается какое-то расплывчатое бирюзово-оранжевое пятно. Он дернулся еще раз...

Алина – стройная, в бирюзовом платье, с распущенными волосами, скользящими за ней фантастичным шлейфом, походила теперь не на Белоснежку, а на самую настоящую русалку. Сходству мешал только спасательный жилет. Подплыв к Косте, Алина обхватила его за плечи и прижалась губами к его губам, делясь драгоценным воздухом. Невыносимое желание вздохнуть притупилось, туман перед глазами рассеялся, и Костя понял, что продержится ее несколько секунд. Если бы еще у Алины был нож... Ножа не было. Зато был второй жилет. Обняв Костю крепче, Алина дернула тросики, жилет надулся, сочетая свою подъемную силу с жилетом Кости, и оба стали медленно подниматься, увлекая за собой нехотя оторвавшийся от дна зорб.

Шепилов сам не понимал, как ему удалось так быстро доплыть до катера, ведь он фактически греб одной рукой. Подняв над водой зажатый в кулаке нож, он отфыркался и закричал:

– Вот нож! Что у вас случилось? Где Алина?

Ответ Шепилов получил незамедлительно: в метре от

него на поверхность вынырнули Алина и Костя. Они крепко держали друг друга за плечи, а их губы почти соприкасались. Ревность ослепила Шепилова как внезапная магниевая вспышка. Он настолько перестал соображать, что забыл про Артура и всерьез подумал, что Вика специально позвала его полюбоваться на любовные игры Алины и Кости. Еще секунда, и он кинулся бы на Костю с доставленным к катеру ножом, но над ухом раздался громкий крик Игоря:

– Достали? Сюда тяните! Быстрее!

Костя опустил руку под воду и с усилием подтянул натянутый фал, за который схватились Игорь и Вика. Над поверхностью показалась вершина прозрачного кокона. Шепилов понял, что сейчас не время разбираться с эмоциями, ухватился за пластик и тоже потащил его наверх. Игорь выхватил у него нож и быстро стал распарывать зорб, разводя края отверстия в стороны. Вскоре из этого отверстия высунулась голова Артура. Обезумевшие глаза, казалось, занимали половину его лица. Артур открыл рот и вдохнул воздух с таким шумом, словно пришли в действие кузнечные мехи. Несколько секунд он просто дышал, безумно озираясь по сторонам, и наконец более-менее осмысленным взглядом окинул всех присутствующих.

– Да, ребята... – сказал он с нервным смешком, – подарок у вас... дико экстремальный!

Глава 12

Первые два дня трудовой пятидневки даются на то, чтобы отойти от выходных и потихоньку втянуться в работу. Последние два дня – чтобы потихоньку отойти от работы и настроиться на предстоящие выходные. И только среду можно считать истинно рабочим днем – в среду начальники чаще всего принимают самые важные решения, а подчиненные выполняют их, выходя на максимум своей работоспособности.

Очередная среда в свою очередь перевалила за середину: в двенадцатичасовых новостях закончили говорить о политике и перешли к экономике. По Москве-реке в обе стороны тащились полупустые речные трамвайчики: население столицы, как могло, трудилось, отринув на один день мысли об отдыхе. Мимо высотки на Котельнической регулярно проезжали расписанные рекламой троллейбусы, уже вырвавшиеся из утренних пробок и еще не застрявшие в вечерних.

Олег в новеньком кремовом пиджаке, светящийся от довольства самим собой, отпер ключом квартиру Ольги Сергеевны и пригласил туда двоих странноватого вида парней – тощих, длинноволосых, паршиво одетых. Первый держал огромный моток кабеля, второй – разлохмаченную джинсовую сумку. Олег свысока – хотя он был ниже обоих почти на голову – посмотрел на «ботаников», несмело прошедших в

квартиру, и покровительственно спросил:

– Долго ваш кабель протягивать?

– За час сделаем... – не поднимая глаз, ответил тот, что держал сумку.

– Хорошо... – кивнул Олег, вздернул небрежным движением рукав пиджака и бросил взгляд на римские цифры своих «Картье». Он смотрел на часы чуть ли не каждые пять минут, и они подпитывали его самооценку не хуже тех протеиновых коктейлей, которыми его знакомые из подвальной «качалки» подпитывали свои мускулы. Жаль только, на часы нельзя было смотреть при Шепилове. Тот сразу раскусил, что это подделка, и с тех пор постоянно подкалывал Олега, то предлагая купить в подземном переходе ботинки Гуччи, то обещая подогнуть за хорошую работу поддельный китайский «мерс». А ведь сделаны часы были один в один! Парень, доставивший Олегу заказ, со смехом рассказывал, что у него регулярно берут большие партии на подарки чиновникам, и половина регионального госаппарата России гордо носит на запястьях поставляемые им «Омеги» и «Филипп Патеки», не подозревая об их настоящей цене. И Шепилов-то распознал подделку лишь потому, что знал реальный доход Олега. А «ботаники» не знают, могли бы и взглянуть разок на руку... Хотя что они в этом понимают, хорьки сетевые...

Олег поправил рукав и смерил обоим сочувствующим взглядом.

– Рабочий стол возле окна, вон туда тяните.

Заложив руки в карманы, Олег побрел в глубь квартиры, где заканчивался грандиозный ремонт. Ветхая, но уютная и самобытная квартира старой интеллигентной москвички превратилась в стандартное «еврожилище» – с выкрашенными в офисный цвет стенами, выключателями цвета слоновой кости и ослепительно белой сантехникой. Царящие здесь некогда ароматы жасминового чая, сандалового дерева и старых фотографий были вытеснены убийственными запахами краски, лака и обойного клея. Что до призраков прошлого, населявших эти комнаты, то им, видимо, пришлось укрыться где-нибудь в перекрытиях между этажами – ведь бедолагам-привидениям запрещено покидать дома, где они обитают.

Молдаване, которых в «Хрустальном доме» называли «роботами», сделали ремонт за две недели и получили в эту среду отгул, чтобы потом со свежими силами покрыть лаком пол, занести мебель и сдать квартиру к воскресенью, когда возвращалась из парижского путешествия Ольга Сергеевна. Олегу поручили провести Интернет перед самым ее приездом, но он понимал, что в выходные ему будет не до работы, и решил сделать это сейчас – тем более квартира пустая, не придется толкаться с молдаванами. Но из дальней комнаты, где располагалась спальня хозяйки, донесся неожиданный треск перфоратора – кто-то продолжал работать. Олег осторожно обогнул стоящие у стены стремянку и циклевочную машину, перешагнул гору стружек и заглянул в спаль-

ню. К своему изумлению он обнаружил там Юрца в рабочем комбинезоне, который, налегая на перфоратор всем телом, высверливал в стене на уровне груди небольшую нишу. Разнокалиберные кусочки кирпича вылетали из-под жала перфоратора и падали на кусок клеенки, которым был временно застелен отциклеванный пол.

– Юрец! – окликнул труженика Олег.

Тот не отозвался и не обернулся: перфоратор ревел так, что стены ходили ходуном. Олег хотел привалиться к дверному косяку, но вовремя вспомнил, что на нем светлый пиджак от Пола Смита, а краска на косяке могла не просохнуть. Он переместился ровно в середину дверного проема и крикнул погромче:

– Юрец!

Тот вздрогнул, выключил перфоратор и обернулся. Глаза его почему-то забегали. Гостей Юрец, кажется, не ждал и, застигнутый врасплох, выглядел почти испуганным – если, конечно, допустить, что Юрец в этой жизни может чего-то бояться.

– Ты чего, решил вместо роботов потрудиться? – весело спросил Олег, не придавая значения странной реакции Юрца.

– А ты откуда? – вопросом на вопрос ответил Юрец, приходя в себя.

– Да... – Олег мотнул головой в сторону гостиной. – Интернетчиков привел кабель тянуть. А чего долбишь?

Юрец вытер вспотевший лоб, оставив на нем красные полосы кирпичной крошки.

– Да бабка.... Тайник просила... Пенсию ныкать. Мини-сейф типа.

– Крутая бабка, – засмеялся Олег.

– Ты это... – Юрец прижал палец к губам. – Понял? Чтоб никому. И пойдите с ребятами погуляйте часок. Пока закончу.

Олег кивнул и двинулся назад. Сетевые хорьки сидели на корточках посреди комнаты и молча разматывали кабель, готовясь к работе, – вероятно, они понимали друг друга без слов.

– Ребята!

Оба посмотрели на Олега снизу.

– Тут одно дело возникло... Вы пока оставьте все как есть, и пойдём проветримся. Через час вернемся. Пошли.

Интернетчики поднялись и направились следом за Олегом в прихожую. Из глубины квартиры снова послышался треск перфоратора.

В четверг Олег получил от Шепилова подробные досье еще двух старушек и решил обработать их на следующей неделе. У одной старушки жила в Челябинске больная сестра, у другой внук пятый год занимался микробиологическими исследованиями, подрабатывая официантом. Зацепки были стопроцентные! «Ваш внук тратит половину жизни,

подавая кофе людям, которые не стоят его подметки, вместо того чтобы создавать лекарства, способные спасти тысячи других достойных людей», – убедительные речи строились в голове Олега сами собой, и он уже прикидывал, на что потратит верные комиссионные. Первым делом снимет хорошую квартиру. Костя – отличный парень, но его общество все же не настолько приятно, чтобы по-прежнему жить в качалке. Потом купит машину. Не новую, конечно, но на шестилетнюю «бэуху» хватит. Все-таки он молодец! Получил свой шанс и не упустил его. Кто еще, приехав в Москву пару месяцев назад с дыркой в кармане, уже надевает шикарный костюм, собираясь в «Дягилев»? Да, именно так! Шепилов внял настойчивым просьбам своего подопечного и пообещал ему устроить в этот клуб экскурсию. Олег ждал этого события, как Наташа Ростова первого в жизни бала.

К часу ночи около входа в «Дягилев», как обычно, собралась плотная толпа.

– Паша! Паша! – слышалось с разных сторон, и над толпой тут и там вздымались поднятые руки в тщетных попытках привлечь взгляд всевластного фейсконтрольщика. Чем-то это напоминало школьный урок, на котором прилежные ученики тянут руки, чтобы их спросили, но строгий учитель словно не замечает их, потому что сам прекрасно знает, кого ему спрашивать, а кого нет. Шепилова Паша отлично знал и, едва увидев его в толпе, сделал знак охране, чтобы того пустили.

– Это со мной, – небрежно сказал Шепилов, показав на Олега.

Они прошли по узкому коридору-тоннелю, поднялись вверх по лестнице, и энергия безудержного куража чуть не сшибла Олега с ног. Ему показалось, что люди вокруг не просто веселятся, а буквально сходят с ума, взаимозаражая друг друга стремлением превзойти в веселости окружающих. В грохоте музыки полураздетые девушки и мужчины в дорогих рубашках, расстегнутых до середины груди, орали, обнимались, чокались бокалами, целовались, прыгали, пытаясь таким образом танцевать в тесном от толпы пространстве, и все это делалось так, словно при входе в клуб им выкрутили на максимум какой-нибудь регулятор эмоций. Вспышки прожекторов и стробоскопов выхватывали из толпы сверкающие глаза, голые плечи, обнажившиеся в хохоте зубы, а над толпой на высоких стойках-подиумах извивались, соблазнительно выгибая точеные бедра, танцовщицы в золотистых купальниках и туфлях на пятнадцатисантиметровых шпильках. Дым сигарет и сигар смешивался с запахами всех возможных духов и разгоряченных ухоженных тел, образуя ароматический коктейль, который действовал через обоняние так же крепко, как действует через желудок водка или текила – ошалевший Олег почувствовал себя пьяным, еще не дойдя до барной стойки.

– Леха, круто! А я, дурак, хотел это взорвать! – только и сказал он, когда они с Шепиловым заняли, наконец, возле

бара укромное место.

Шепилов снисходительно усмехнулся:

– Пару раз со мной сходишь, фейсконтроль запомнит, потом один ходить будешь.

– Ас другом можно?

Шепилов усмехнулся еще раз – теперь чуть брезгливо:

– Сам примелькайся...

Олег снова принялся возбужденно озираться по сторонам. Девушки... Их было множество, холеных, красивых, очень красивых и совсем некрасивых, но все равно уверенных в себе и томно-сексуальных. Они были разными, но всех объединяла общая черта – холод во взгляде, делавший самые красивые глаза похожими на безразличные фотоэлементы. Олег пытался представить, что нужно сказать, чтобы зажечь в этих глазах хотя бы искру интереса, и не мог подобрать ни слова. Слева от него танцевала юная дива в обтягивающих шортах и коротком топе с белыми ангельскими крыльями на лямках, надетыми на плечи наподобие школьного ранца. Олег уже собирался представиться Бэтменом и предложить девушке полетать вместе над ночным городом, но его опередили – к диве подвалил изрядно хмельной, но от этого еще более обаятельный детина в обтягивающей майке с павлинами. Олег прошелся по нему оценивающим взглядом и с досадой признал, что шансов у детины побольше.

– Девушка, у меня подушка сваялась! Дайте пару перьев, заодно разденетесь! – проорал детина.

– Дай мне свой телефон, я тебе пришлю эм-эм-эс, где я голая. Ты пойдешь и подрочишь, – нараспев промяукала в ответ дива и развернулась к детине крыльями. Тот захохотал и исчез в толпе.

Олег усмехнулся: пропадать – так с музыкой, закадрить – так королеву! Он порыскал взглядом и выбрал для атаки самую эффектную девушку. Сногшибательная рыжеволосая красотка стояла на противоположном конце барной стойки и неспешно цедила через трубочку коктейль. Одета она была в декольтированное вечернее платье и производила впечатление настоящей леди – хоть сейчас на съемочную площадку очередной серии про Джеймса Бонда. Олег прокашлялся, расправил плечи и решительно направился на приступ. Подойдя к красавице вплотную, он сунул ей под нос запястье, на котором красовались небезызвестные часы, и залихватски прогорланил:

– Девушка, запомните это время – с него начинается наше счастливое знакомство!

На миг оторвавшись от коктейля, девица скользнула безразличным взглядом по часам, пиджаку и подбородку Олега, посмотрела ему в глаза и холодно усмехнулась:

– Хороший подкат. Пойди потренируйся на малолетках.

Олег собрался было что-нибудь ответить, но девица вновь присосалась к витой соломинке и повернулась к нему спиной. Сконфуженный Олег возвратился к Шепилову. Тот протянул ему порцию виски и насмешливо ухмыльнулся – разу-

меется, он все видел. Олег покачал в руках стакан, на край которого был насажен ломтик апельсина, сделал пару глотков и кивнул в сторону рыжеволосой красавицы:

– Слушай, Лех, такую вообще реально снять?

– Здесь нет. В «Амазонии».

– А что это? – не понял Олег.

– Тоже вроде клуба... – загадочно ответил Шепилов, пристально глядя ему в глаза. – С другом со своим поговоришь – клубную карту дам.

Глава 13

Следующий день выдался солнечным и ветреным. Около полудня Костя с Олегом стояли на крыше высотного здания возле Министерства иностранных дел. Внизу тянулась бесконечная вереница автомобилей, над головой – столь же бесконечная вереница легких перистых облаков. Казалось, крыша плывет в океане города, лавируя между скал окружающих высоток и разгоняя автомобильные косяки в разные стороны. Олег недоуменно оглядывался.

– Ну и в чем прикол?

– Не понимаешь? – поразился Костя. – Это же суперместо! Главное в клипе – смена планов. А здесь любая точка – новый кадр.

Костя подтянул Олега к себе и принялся указывать налево и направо, щурясь от яркого солнца, бликующего на стальных балках и алюминиевых листах технических конструкций.

– Там МИД. Там «Украина». Тут конструкции металлические, трубы, арматура. На том фасаде подсветка неоновая. Здесь панораму провести можно...

И Костя по-кошачьи мягко прошелся вдоль ограждения, держа в руках воображаемую камеру.

– На этой крыше можно классный клип снять... – подытожил Костя, пружинисто спрыгнув с возвышения и зашагав

дальше. – Правда, за разрешение полторашку просят, но она того стоит. Я Алине показывал, ей понравилось.

Олег шел за Костей, не скрывая скептического настроения, а, когда услышал про Алину, буквально взорвался.

– Ты и ее сюда притащил?!

Костя немного смутился. Он не хотел говорить Олегу, что развивает отношения с этой замечательной девушкой – боялся сглазить, спугнуть неожиданное счастье, подлетающее к нему медленно, как робкая бабочка. Но раз уж само вырвалось... Костя пожал плечами:

– А что такого? Не все же по кафе сидеть. Ей интересно, что я делаю.

Олег вздохнул. Неприятно влезать в личную жизнь друга, но Костя заговорил про Алину первым и сам дал ему повод выполнить просьбу шефа.

– Слушай, Костян, ты мне друг? – издалека начал Олег.

Костя насторожился:

– Друг. А что за вопрос?

– Слушай, оставь эту телку.

– Не понял... – набычился Костя. – С чего это?

Олег взял Костю за пуговицу и продолжил негромко и убедительно:

– С того, что это девушка моего шефа. Он вложил в нее бабки, делает ей карьеру. У тебя с ней все равно не получится.

– Почему? – зло поинтересовался Костя.

– Ну... что ты можешь ей дать? Снять ее свадьбу?

Костя отшатнулся, как от удара.

– А... Опять про «статус»?

Скинув руку Олега со своей пуговицы, Костя широкими шагами направился к выходу с крыши. Замечательное настроение, которое вызывали у него ветер, солнце и близость облаков, дарящая ощущение полета, мигом вытеснила глухая досада. Он привык, что все кому не лень указывают ему на его место. Но терпеть такие щелчки от Олега...

Олег заторопился за Костей. Теперь урезонивать обиженного друга приходилось почти криком:

– Костя! Это закон жизни! Думаешь проехать по встречке? Я с тобой под «КамАЗ» не хочу! Знаешь, что шеф просил тебе передать?

Остановившись на полушаге, Костя резке развернулся:

– А мне плевать на твоего шефа! Ты мой друг или его?

Несколько секунд ребята молча глядели друг другу в глаза. Потом Олег поколебался и дружески толкнул Костю кулаком в грудь:

– Ладно. Проехали...

Утренняя набережная на Речном вокзале, щедро политая дождем, была усеяна стопками старых автомобильных покрышек. В середину каждой стопки была вставлена длинная палка, на конце которой красовалась надутая резиновая перчатка ярко-оранжевого цвета. Стопки с палками были расставлены в шашечном порядке, и нетрудно было догадаться,

что эту площадку используют для обучения инструктора автошкол. Придумывая, как развивать отношения с Алиной, Костя давно заметил эту площадку и даже узнал у одного инструктора, когда она пустует. Теперь он стоял на самом краю набережной у чугунного кнехта и давал Алине обещанный урок вождения.

Прежде всего нужно было определить начальный уровень ученицы. Костя попросил Алину тихонько проехать задним ходом между двух стопок покрышек и развернуться. Девушка разнервничалась, утопила газ в пол, от испуга забыла про тормоз и напрочь снесла одну из стопок, раскидав покрышки по всей набережной. Костя схватился за голову – начальный уровень был хуже некуда. Он сел на водительское место и несколько раз проехал с Алиной по всей площадке, плавно выписывая змейки и объясняя, как правильно рулить и пользоваться педалями. Алина повторяла его движения, сидя на пассажирском месте, и понимающе кивала. Костя снова посадил ее за руль, и началось...

Машина ехала по набережной, судорожно дергаясь, выписывала неуверенные «пьяные» змейки, сбивала вешки, ускорялась, замедлялась, неуклюже виляла и наконец замирала, разбросав по набережной почти все покрышки. Терпеливый Костя собирал их в стопки, выкрикивал очередную порцию указаний, и малютка-«Фольксваген» снова трогался, чтобы все повторилось через пару минут. К удивлению Кости, Алина оказалась способной ученицей и через час проехала по

площадке почти без рывков, не задев ни одной вешки. Первое занятие можно было считать успешным, и Костя пообещал, что еще через два урока Алина почувствует машину как продолжение тела и при парковке не будет больше бить бампером соседние автомобили. Восторг от собственных успехов переполнял Алину и распространялся на Костю, на что он, собственно, и рассчитывал, придумав провести свидание именно так, а не как обычно – пригласив в кино или в театр. Чтобы сделать этот восторг запредельным, напоследок Костя показал мастер-класс. Он сел за руль, многозначительно пристегнулся, врубил задний ход и выжал газ. Мотор взревел, колеса пробуксовали по асфальту, оставив черные следы, и «Фольксваген» юлой развернулся на месте, чтобы в следующую секунду ринуться прямо на покрышки, уйти в сторону за секунду до столкновения и выписать на огромной скорости идеальную змейку. Несколько лет раллийной секции в родном Мурманке не пропали даром – Алина запрыгала от восхищения!

После урока Алина пригласила Костю зайти к ней домой – отмыть руки от грязных шин, выпить чаю, может быть, посмотреть какой-то фильм. Костя вошел к ней в квартиру, не задумываясь, как к себе домой.

– В чем эти шины были? Не отскрести! – смеялся он, показывая Алине ладони, измазанные не то мазутом, не то какой-то смолой.

– Вот ванная... – Алина подвела Костю к нужной двери

и слегка подтолкнула. – Возьми пемзу... справа на полочке, потри... Ну ты водишь! Я даже не знала, что моя машина так может!

– Ничего она не может, – весело откликнулся Костя, открывая кран. – Убитая насмерть.

– Знаешь, ты не обижай моего «тигрёнка»! Я его до октября взяла, все равно потом...

Алина осеклась на полуслове, словно поймав себя за язык. Костя обернулся, продолжая держать над раковиной намыленные руки:

– Что потом?

– Так, ничего... Сок будешь?

– Давай.

Кое-как отскоблив перепачканные ладони, Костя двинулся за Алиной, которая поспешила на кухню. По пути он осмотрелся: небольшая двухкомнатная квартира была очень стильно обставлена. Одна стена была сплошь зеркальной, и вдоль нее тянулась на высоте пояса длинная деревянная перекладина. С краю на ней болтались связанные широкой лентой пуанты. Костя потрогал один пуант – тот оказался твердым, грубым, неприятным на ощупь. Больно, наверное, вставать в такой обуви на носок и крутить бесконечные пируэты? Преисполнившись неясных чувств – смеси сострадания, нежности и желания оградить от любой боли, Костя добрал до кухни и прислонился к огромному холодильнику. Алина стояла рядом, резала пополам апельсины и выжимала

из них сок при помощи небольшой соковыжималки.

– Эти перила – балетный станок?

Продолжая расправляться с апельсинами.

Алина молча кивнула.

– Ты что, и дома репетируешь?

– С восьми утра... Не репетирую, делаю класс. Зал для репетиций дают только вечером, поэтому класс приходится делать дома. Каждый день три часа.

– Тяжело?

– Я живу так с пяти лет – привыкла. Как бы себя ни чувствовала, что бы ни болело – вставай, принимай холодный душ и к станку.

Алина стала разливать выжатый сок в два стакана. Костя еще раз осмотрелся. Кухонька была обставлена... Не по-мурмански. Кто-то в эти шкафчики с подсветкой, посудомоечную машину, тостеры-ростеры и прочие бытовые прелести прилично вложил. Костя кашлянул.

– Слушай... Что у тебя все-таки с этим парнем? С Алексеем?

Алина ответила так спокойно, будто ждала этого вопроса:

– Познакомились два года назад. Я как раз закончила Вагановское, пролетела из-за роста во все театры. Сказали: куда такую дылду брать... Я переживала ужасно. Хотя с другой стороны... Взяли бы меня в Мариинку, зажали бы, как в крепостном театре – танцуй два спектакля в месяц, и все. А станцуешь в антрепризе – снимут со всех спектаклей с вы-

говором. В Большом тоже не просто – роли распределены, успех поделен, делиться аплодисментами никто не хочет... Я в депрессию впала ужасную! Балерина без театра – бомж. Два года без сцены – и можно крест ставить. Тут появился Леша. Сказал: «Не идет классический балет – займись современным». Арендовал зал, нашел хореографа, тот поставил мне несколько номеров. Артур устроил для меня выступление. В октябре в Москву приедет «Лондон модерн балет», я буду открывать программу, как приглашенная российская прима. То что «прима» два года без театра, разумеется, никто не знает.

– Здорово.

– Да, здорово. Я подумала – если человек так много для меня делает, значит, любит. Сблизились. Леша снял нам эту квартиру. Прожили вместе три недели... Поняла, что сама не люблю. Все.

– И теперь?

– Остались друзьями. Видишь, даже на улицу не выгнал.

Держа наполненный густым соком стакан, Алина подошла к Косте. Он принял стакан из ее рук. Стакан был холодным, влажным. Руки теплыми, бархатистыми.

– Все-таки... он обалдел, когда мы тогда всплыли, – вспомнил Костя.

– Так в одном фильме воздух давали... «Добро пожаловать в рай»... – засмеялась Алина, повернулась к Косте и подняла на него глаза. Несколько секунд они смотрели друг

на друга, и от волнения у Кости перехватило горло – показалось, что он снова задыхается под водой, а к нему приближается что-то прекрасное, светлое, несущее воздух и саму жизнь.

– Мне понравилось... – пробормотал он, поставил стакан на стол и потянулся к ждущим его губам.

В тишине уютной квартиры им уже ничто не могло помешать.

Глава 14

Спустя три часа к дому Алины подъехал черный «Хаммер». Из машины выбрался бритоголовый Юрец, вооруженный узкой металлической линейкой. Озираясь по сторонам, он подошел к оранжевому «Фольксвагену» и при помощи линейки за пару секунд ловко открыл переднюю дверцу. Это было сделано на редкость профессионально – одним неуклонным движением. Дверца приоткрылась. Юрец обернулся к джипу и кивнул, давая понять, что свое дело сделал. Только теперь из «Хаммера» выбрался Шепилов. В левой руке он держал огромный букет роз, а в правой симпатичного плюшевого тигра. Резво подбежав к взломанной машине, Шепилов усадил тигра на водительское сиденье, пристегнул его ремнем безопасности и вложил зверю в лапы букет.

Юрец хмыкнул:

– Ну ты романтик... Ты бы еще бобра с бревном приволок!

Молча покосившись на него, Шепилов захлопнул дверцу и зашагал обратно к джипу. Когда оба уселись, Шепилов негромко проговорил:

– Ей скоро на репетицию... Сядет в машину – найдет.

– А мы чего, ждать будем?

– Нет, зачем. Поехали.

Шепилов завел мотор и уже собирался тронуться с места,

но в этот момент хлопнула дверь подъезда. Из дома Алины вышел сияющий Костя – сунул руки в карманы и с самым счастливым видом зашагал к станции метро. Шепилов уставился ему вслед.

– Так, я не понял... А этот что здесь делал?

– У-у-у-у... – протянул Юрец, который все понял прекрасно. Он серьезно покачал головой и повернулся к победившему Шепилову:

– Рога не мешают? Может, люк открыть?

В небольшом хореографическом зале было куда свежее, чем на улице: небольшой дисплей над дверью показывал температуру + 19°. Казалось, что эта прохлада исходит от восьми огромных зеркал, установленных по периметру зала. Алина только что закончила прогон одного из своих номеров, подошла к небольшому магнитофону, стоявшему в углу зала, и выключила фонограмму. В наступившей тишине был слышен только равномерный гул работающего кондиционера. Девушка промокнула лицо и шею полотенцем и принялась развинчивать бутылку с минеральной водой. Ей нужно было пару минут передохнуть, прокрутить в голове те элементы танца, которые до сих пор получались не слишком гладко, поработать над каждым из них и потом еще раз пройти номер полностью.

В зал осторожно заглянул Шепилов. Он улыбнулся обернувшейся к нему Алине и зашел внутрь. Алина молча смот-

рела на него, отпивая минералку маленькими глотками прямо из горлышка. Шепилов никогда еще не приходил к ней на репетицию, опасаясь вмешиваться в «священнодействие», – значит, что-то случилось.

– Не помешал? Умничка, все работаешь... Похоже, Смолвуду некуда будет деваться, придется взять тебя в труппу.

Алина оторвалась от бутылки:

– Привет.

– Привет, привет... Тигра моего нашла?

– Откуда такой романтизм?

Шепилов не ответил. Он покружил по залу, глядя в огромные холодные зеркала, потом повернулся к Алине:

– Алинчик, что у тебя делал этот парень?

Алина вздрогнула. Неприятная неожиданность. Значит, Леша видел Костю около ее дома... Впрочем, может, оно и к лучшему? Леша до сих пор не оставил надежды вернуть их отношения в любовное русло, и пора было четко обозначить свою позицию – если теперь они «просто друзья», значит, она имеет право на личную жизнь и не нужно допрашивать ее, караулить около дома и подкладывать в машину тигров с розами. Прежде этот милый сюрприз на несколько дней поднял бы ей настроение, но сейчас любые знаки внимания со стороны Шепилова только напрягали – обязывали к тому, чем она не могла ответить. Алина отпила еще пару глотков.

– Он просто зашел в гости. Принес диск, – ответила она, все еще не решаясь рубить сплеча.

Немного приблизившись, Шепилов повысил голос:

– Алечка, а все и начинается с «просто». И я не хочу, чтобы этот «просто Костя» был с тобой рядом.

Алина резко поставила бутылку на столик. Надо было решаться. Дружба – дружбой, но если Леша и дальше будет считать себя вправе распоряжаться ее личной жизнью, она потеряет Костю. А терять его после того, что произошло между ними в квартире... После того как она впервые в жизни узнала, что близость с мужчиной может быть подобна упоительному танцу... Ну уж нет! Алина с вызовом посмотрела на Шепилова:

– А если я влюбилась?

Он ответил глубоким терпеливым вздохом, как родитель на детскую глупость, и сказал спокойно и даже ласково:

– В кого, Лебеденок? Мы же взрослые люди!

Алина вспыхнула – что он хочет сказать словом «взрослые»? Что чувства для нее больше не позволительны и пора оставить их в ушедшей юности?

– А что, взрослые не влюбляются? Ну конечно, нужно быть трезвой: «Лешенька со мной возился, надо вечно быть с Лешенькой»!

Шепилов поморщился и подошел к Алине еще на пару шагов:

– Алечка, зачем ты хочешь меня обидеть? Я же не пошлый идиот. Я прекрасно понимаю, что «Костя-просто-в-гости» мог понравиться. Ну, мог! Но я не верю, что из-за этого

Спилберга-самородка ты готова слить дело, в которое вложено столько сил.

Алина вскинулась:

– Все поломаешь?!

Теперь Шепилов стоял уже совсем близко и смотрел на нее сверху вниз.

– Аля, с тобой подпишут контракт лет на пять, – терпеливо проговорил он. – В октябре ты уедешь. У тебя будет другая жизнь. Какой Костя?

Эти слова были убийственно верны. Просто убийственно... Именно поэтому она не стала знакомиться с Костей в Камергерском переулке, хотя он понравился ей с первого взгляда. Зачем строить отношения, если заранее знаешь, что через пару месяцев их разрушит бесконечно долгое расставание? Алина опустила глаза. Шепилов мягко обнял ее за плечи:

– Лебеденок... Я к тебе отношусь по-прежнему... Дело в тебе. Давай попробуем сначала. Я поеду с тобой... Куплю нам в Лондоне квартиру...

Склонившись, Шепилов осторожно поцеловал Алину в шею. Потом еще раз. Она отстранилась:

– Леша, не надо...

Но близость разгоряченной танцем возлюбленной в обтягивающем трико лишила Шепилова возможности контролировать эмоции, и он, развернув Алину к себе, принялся осыпать ее поцелуями. Задетый столик качнулся, открытая бу-

тылка минералки опрокинулась на пол, из нее полилась вода.

– Леша, перестань! Прекрати!

Руки Шепилова проникли Алине под одежду, затрещала ткань.

– Леша, оставь меня! Не смей! Не надо!

Шепилов с глухим стоном прижал девушку к зеркальной стене – по счастью, невообразимо скользкой. Алина скользнула вниз и в сторону и оттолкнула бывшего любовника со всей яростью, на какую была способна:

– Уйди, я сказала! Противно!

Шепилов отшатнулся так, словно короткое слово с размаху ударило его по лицу. Но этот удар по самолюбию был еще не самым страшным.

– Противно? – переспросил Шепилов, не узнавая собственный голос. – Раньше я тебе так противен не был.

– Не с чем было сравнивать! – выкрикнула взбешенная Алина, подтягивая сорванное с плеч трико. И тут же пожалела о своих необдуманных словах – слишком острую боль причинили они человеку, с которым она искренне стремилась сохранить добрые отношения. Шепилов будто осел, лицо его помертвело. Он и в самом деле словно умер сейчас, осознав, что после этих слов никогда больше не сможет прикоснуться к Алине.

– Вот как... – Шепилов отступил на шаг.

Алина смотрела на него виновато и со страхом. У нее даже мелькнула мысль броситься к нему и попросить прощения,

но она понимала, что начнет этим новый виток мучительных отношений, которые принесут им обоим только новую боль.

Шепилов поправил черный кожаный пиджак и сурово посмотрел на Алину:

– Если я еще раз про него услышу, твоего выступления не будет, – жестко сказал он и пошел к выходу из зала.

– Будешь этим выступлением руки выкручивать?! – прокричала Алина ему вслед.

Ответом ей был громкий стук захлопнувшейся за спиной Шепилова двери.

Ближе к полуночи Алина в тапочках и халате вышла из квартиры, неся в руках подаренного Шепиловым тигра. Она поднялась на один пролет, открыла ковш мусоропровода и с силой затолкала туда ни в чем не повинную игрушку. Ковш захлопнулся, и тигр мягко ушуршал вниз – в небытие. Домой Алина вернулась в твердой решимости найти завтра дешевую квартиру и съехать из шепиловских апартаментов, чтобы не чувствовать себя обязанной.

Глава 15

Олег, озираясь по сторонам, прошел через плохо освещенный кривой переулок и подошел к невысокому зданию, на торце которого горела алая неоновая буква «А». Поперечная перекладина буквы была сделана в виде чуть приподнятой стрелки. Оглядывая выразительную букву, Олег вспомнил, как пару лет назад шел с одним приятелем «на дело» в общагу текстильного техникума, по дороге забеспокоился и спросил: «Ты презервативы купил?» Приятель замотал головой: «Нет, примета плохая. Купишь перед «греблей» презервативы – не дадут».

– Так мы чего, после покупать будем? – уточнил Олег, и они долго смеялись.

Да, тогда было смешно... Олег пригладил волосы, поправил костюм и, по возможности незаметно (а вдруг у них камеры наружного наблюдения – чего людей смешить), проверил во внутреннем кармане пачку презервативов. Потом подошел к стальной двери и нажал на кнопку звонка.

Камеры действительно существовали – лицо Олега незамедлительно отобразилось на небольшом мониторе системы видеонаблюдения. Женский пальчик с длинным, покрытым узорами ногтем нажал кнопку селекторной связи.

– Что вас интересует?

Олег испуганно поднял голову – вот же он, черный глазок

видеокамеры... Отчаянно робея, он ответил голосом, который ему самому показался спокойным и уверенным:

– Я в «Амазонию».

– Номер карты? – томно поинтересовался селектор.

Пока Олег сюда шел, он помнил номер наизусть. Но сейчас цифры, как назло, выскочили у него из головы. Он топорливо порылся в карманах, вытащил подаренную Шепиловым карту и поднес ее поближе к пятну света, отбрасываемому красной буквой.

– Тринадцать ноль-два.

– Прошу вас.

Щелкнул замок, массивная стальная дверь плавно отворилась. Олег очутился в небольшой приемной, обставленной с претензией на зал средневекового замка. Горевшие по углам массивные свечные канделябры освещали помещение теплым неярким светом. Блики свечей играли на стальных гранях развешанного по стенам средневекового оружия. В углу потрескивал настоящий камин. В дальнем конце зала стоял массивный дубовый стол, на котором располагался компьютер и пульт селектора. Из-за стола навстречу Олегу поднялась красивая женщина лет сорока. Вид у нее был такой официальный, что если бы не слишком фривольные лосины и кружевной лиф, то ее легко можно было бы принять за менеджера какой-нибудь солидной гостиницы. Впрочем, когда женщина подошла ближе и Олег увидел ее лицо, официальное впечатление улетучилось – служение плотским удоволь-

ствиям накладывает на лицо человека печать, которую ни с чем не спутаешь. Мадам приветливо улыбнулась.

– Вы у нас не были. Как вас зовут?

Олег расправил плечи, возвращая себе обычную самоуверенность.

– Олег. Все знаю – двести долларов в час.

– Деньги вперед... – пропела бандерша грудным контральто.

– Приготовил...

Пока Олег отсчитывал четыре стодолларовые купюры, глаза бандерши просканировали его опытным взглядом, и в ее мозговом компьютере тут же появилась учетная запись будущего постоянного клиента: провинциал, в Москве недавно, одежда с иголки – недавно поднялся. Для «честных-порядочных» красавиц добыча неинтересная; мальчик с амбициями – встречаться с простушкой-студенткой не захочет. Значит – прямая дорога в ее заведение, где он будет ощущать себя арабским шейхом, в которого влюблены первые красавицы мира. Правда, всего на пару часов.

Олег протянул деньги и вдруг отдернул руку и прищурился, наивно изображая «тертого калача»:

– А если... Никто не понравится?

Мадам одарила его такой лучезарной улыбкой, что Олег сам засмеялся над своей глупостью.

– Я помогу, – сказала она и выделила деньги из его руки тонкими маникюренными пальцами. Хотела бы она взгля-

нуть на человека, которому «никто не понравится» из четырнадцати девушек, отобранных в лучших модельных агентствах. Такому не в «Амазонию» дорога, а прямым ходом к доктору Курпатову.

Олег шагнул за тяжелую бархатную портьеру, спустился вниз по узкой каменной лестнице, отодвинул еще одну портьеру и оказался... на самой настоящей средневековой улице. Каменная мостовая и своды зданий были сделаны так искусно, что в первую секунду Олег подумал, что его кинули – взяли деньги и вывели в соседний переулок. Но вряд ли настоящий переулок был бы освещен факелами, а на стенах реальных домов висели бы рыцарские щиты, арбалеты и многочисленные эмблемы заведения, выполненные в виде все той же стилизованной буквы «А».

Олег сделал несколько шагов, и под каменными сводами заиграла клубная музыка. В искусственных зданиях зажглись высокие витрины, и Олег увидел первую девушку. За стеклом угловой витрины танцевала рослая блондинка с прямой челкой. Бедра и грудь девушки прикрывал кольчужный купальник, имитировавший боевые доспехи амазонок. «Ничего себе бардачок! – подумал Олег. – В таких купальниках во «Властелине колец» сниматься, а не на витрине плясать!» Впрочем, грубая девушка была не во вкусе Олега, и, оценив выдумку устроителей заведения, он пошел дальше.

Следующая девушка понравилась Олегу гораздо больше. Блондинка с идеальными чертами лица и безукоризненной

фигурой вытянула в его сторону тонкие губы и зазывно подмигнула. Олег окинул ее придиричивым взглядом... нет – слишком идеальная какая-то. Не женщина, а ожившая Барби. Столкнись Олег с такой красавицей где-нибудь на улице, он вспоминал бы о ней несколько дней. Рассказывал бы знакомым, что видел на днях «телку реально, как из Плейбоя». Думал бы, кем надо в жизни стать, чтобы такая роскошная девушка обратила на тебя внимание, и с горечью понимал бы, что такого «статуса» ему, наверное, никогда не добиться. И вот, оказывается, не надо ничего добиваться! Достаточно протянуть руку к витрине – стекло повернется, открывая проход в уютную комнату с огромной кроватью, и девушка будет твоей. Пусть на два оплаченных часа, но надо ли больше? За «больше» придется выложить не четыреста долларов, а шубу, машину, ювелирный гарнитур... Во сколько обходятся подобные девушки на постоянной основе, Олег догадывался. Нужно ли это вообще, если можно получить то, что хочешь, гораздо дешевле? И не просто получить, а еще и выбрать перед этим? Олег запомнил витрину, в которой танцевала блондинка Барби, и пошел дальше.

Еще несколько шагов по улице, и возле следующей витрины он остановился как вкопанный. На него в упор смотрела знойная брюнетка. Густые вьющиеся волосы доходили девушке почти до пояса, а огромные жгучие глаза обещали два часа такой пылкой страсти, что Олег испугался. Нет, с подобной секс-машиной он сейчас не рискнет... может быть, в

другой раз, когда будет поувереннее. Красавица изящно повела бедрами и поманила Олега пальцем. Он ответил извиняющейся улыбкой и устремился к следующей витрине.

Каких только девушек не собрали в «Амазонии» неизвестные организаторы заведения! Направляясь сюда, Олег боялся одного – попасть в притон, наподобие тех, что иногда показывали в программе «Время». Подобные сюжеты всегда сопровождались кадрами, на которых «девушки из сопредельных республик, оказывавшие интимные услуги», испуганно жались по углам, прикрывая лица и выставляя на обозрение нездоровые синюшные тела с явными признаками целлюлита. Из такого заведения захотелось бы с порога дезертировать, но Олег сам не знал, что оказалось бы для него конфузнее – мяться у входа и говорить: «Простите, я передумал» или заплатить деньги и по-быстрому отмучиться. К счастью, «органы правопорядка, закрывающие притоны, портящие облик города», судя по всему, исполняли роль санитаров леса и закрывали только те заведения, которые портили облик города в том же смысле, в котором портят его паленая водка, неисправные игровые автоматы и некачественный героин. «Амазония» любой город могла только украсить!

Олег миновал еще двух девушек: смуглокожую мулатку и азиатку с раскосыми глазами и широкими скулами – межрасовые эксперименты были ему пока не интересны, так же, как и загадочный «страпон», который настойчиво предлага-

ла накачанная девица в кожаной фуражке с высокой тульей. Хотелось чего-то... простого и домашнего.

Еще несколько шагов вдоль подземной улицы, и Олег улыбнулся. Не мог не улыбнуться в ответ девушке, которая танцевала в последней по левой стороне витрине. Танцевала не зазывно, как остальные девушки, а весело и беззаботно, словно плясала в свое удовольствие на дискотеке. Можно было, конечно, повибирать еще, пройтись обратно по правой стороне улицы и заглянуть в оставшиеся семь витрин, но Олег уже точно знал, что лучше этой девушки ему не найти. Причем не только в «Амазонии», но, пожалуй, и в целом мире. Если где-то в его подсознании был запрятан образ идеальной женщины, то сейчас этот образ вынырнул наружу, сложился с танцевавшей перед ним девушкой и сигнализировал полное совпадение. Оказалось, что его идеальная женщина была не столько красива, сколько очаровательно мила. Разумеется, у нее была идеальная фигурка и гладкая, чуть загорелая кожа, которую сразу хотелось покрыть поцелуями. А вот лицо оказалось почти детским. Огромные серые глаза смотрели на Олега настолько приветливо и простодушно, что он мигом забыл, где находится, и заулыбался так искренне, словно его зацепила крючком настоящая любовь с первого взгляда. Продолжая танцевать, девушка поманила Олега к себе. Он шагнул к ней, как сомнамбула, переступил порог открывшейся перед ним витрины, а через секунду с него уже снимали пиджак и рубашку...

Олег валялся на спине на широком низком ложе, закиданном яркими подушками, и блаженно улыбался. Рядом на столике возвышались большие песочные часы, рассчитанные на один час. Весь песок из верхней склянки только что пересыпался в нижнюю. Да уж, первый час пролетел, как одно потрясающее мгновение... Это невозможно было сравнить с похождениями в текстильной общаге, которые после бутылки водки казались вершиной секса, но на трезвую голову оборачивались барахтаньем на пружинных кроватях с прыщавыми лахудрами. Бесконечно далеки были от этой волшебной близости порывистые объятия любящего, но такого скучного Суслика. Едва прикоснувшись к этой благоухающей девушке, Олег перестал ощущать реальность. Была только она – ее руки, ее спина, ее грудь, ее бедра... Он слышал, что проститутки никогда не целуются в губы, но ласкать эту девушку и не целоваться с ней было все равно, что пить воду через стенки стакана. Олег рискнул поцеловать ее, боясь, что она отвернется, но она не отвернулась – ответила на его поцелуй, и через пару мгновений они были уже одним целым. А теперь она стояла перед зеркалом в легком шелковом халате, расшитом райскими птицами, и деловито расчесывала волосы – такая родная, близкая и все-таки чужая. Он ведь даже не успел спросить, как ее зовут. Глубоко вздохнув, Олег подsunул под голову одну из подушек и задумчиво протянул:

– Да-а... Не думал, что в таком месте можно так.

– Как «так»? – бросила девушка, не оборачиваясь.

– По-настоящему...

– У нас не конвейер, – ответила девушки, склоняясь ближе к зеркалу и освежая макияж. – Я работаю три раза в неделю, принимаю одного клиента... Ты симпатичный – мне понравился.

Она присела на край кровати. Придвинувшись к ней, Олег оперся на локоть и обнял девушку одной рукой. Первый раз ему приходилось развивать отношения наоборот – сначала разделить близость, потом почти влюбиться и только потом знакомиться.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Юля.

– Юля... Ты лучшая девушка, что я видел. Не только здесь... вообще. Сейчас влюблюсь.

Юля засмеялась и легла рядом с Олегом:

– Завтра придешь к другой, скажешь то же самое.

– Не-а. Буду только к тебе ходить. Три раза в неделю, чтобы не изменяла.

Юля указательным пальчиком постучала Олега по носу:

– Денег не хватит.

Олег рывком уселся. Три раза в неделю – это меньше полутора тысяч долларов. Если эти деньги нельзя потратить на то, чтобы такая чудесная девушка была только с ним, зачем он их вообще зарабатывает?

– Да-а-а? – засмеялся Олег, заваливая Юлю на кровать и склоняясь над ее губами. – А если хватит – согласишься, что влюбился?

Юля улыбнулась, потянула Олега к себе и поцеловала его. Свободной рукой она незаметно дотянулась до песочных часов и перевернула их пустой склянкой вниз. Олег не заметил – для него начался второй час блаженства.

Глава 16

Шепилов толкнул высокую застекленную дверь, пропустил Олега вперед и вышел вслед за ним на лоджию огромной однокомнатной квартиры-студии. С 24-го этажа элитной новостройки открывался изумительный вид на близлежащие – такие же дорогостоящие – дома, паутину асфальтовых дорог, лазоревые пруды и зелень лесопарка вдали. Увидев захватывающую дух панораму, счастливый Олег вскинул сжатые кулаки и издал боевой клич. Шепилов усмехнулся:

– Борисыч решил тебя подогреть. Дает на эту квартиру беспроцентный кредит. С твоими успехами года за четыре вернешь. Нравится?

Олег закивал, захлебываясь от восторга:

– Обалдеть, Леха! Я согласен!

– Тогда можешь переезжать хоть завтра.

Олег переступил порог лоджии и вернулся в комнату. Коричневый паркет сверкал свежим лаком. Потолок радовал глаз девственной белизной. Идеально ровные стены хотелось гладить руками. Олег ликовал. Ерунда, что в квартире нет никакой мебели, а в ванной даже не установили сантехнику. Главное, у него теперь есть свой «Наутилус» – уютная норка на высоте птичьего полета в самом живописном уголке Москвы. А помыться, в конце концов, можно первое время в спортзале. Олег закрыл балконную дверь и деловито поин-

тересовался:

– Слушай, Лех, а «качалка» какая-нибудь есть рядом?

«Качалка» оказалась не «какая-нибудь» и не просто рядом – в соседнем доме недавно открылся очередной зал самого престижного фитнес-клуба World Class. Олег рысью пробежал вдоль рядов припаркованных перед клубом иномарок, взбежал по ступенькам и замер в таком изумлении, словно навстречу ему выехал настоящий Дед Мороз на санках. Из дверей клуба выходил «живой человек из телевизора» – телеведущий Андрей Малахов собственной персоной.

– Ой, здрасьте... – пробормотал Олег, провожая знаменитого шоумена шалым взглядом. Малахов, подавив улыбку, прошел мимо, а Олег, продолжая глядеть ему вслед, сделал еще шаг вверх и чуть не упал, споткнувшись о верхнюю ступеньку. – Ну дела!

Заполняя около конторки администратора членскую анкету, Олег солидно расправил плечи и небрежно поинтересовался:

– А к вам, значит, Малахов ходит?

– К нам много кто ходит... – ответил администратор, с тем вежливым равнодушием, которое сразу давало понять, что Олег к числу «много кого» не относится и самым дорогим членом клуба не станет. – Карта будет готова завтра, сегодня можете позаниматься так.

– Нет, – в тон администратору ответил слегка обиженный Олег, – сегодня мне в аэропорт. По делу.

Рядом с ним встал смуглый молодой мужчина с длинными черными волосами и «богемной» бородкой. Он отдал администратору ключ от шкафчика и стал дожидаться, пока администратор пробьет ему чек за выпитый после тренировки коктейль. Не обращая на мужчину внимания, Олег продолжал корпеть над бумагами.

– Руслан, здорово!

Услышав знакомый голос, Олег поднял глаза и чуть не поперхнулся. Одно из двух, либо в этот клуб ходят все знаменитости Москвы, либо Олег в последнее время слишком много смотрел телевизор, и у него начались галлюцинации. К черноволосому Руслану приближался Федор Бондарчук.

– Здорово, братское сердце!

Мужчины обнялись. Олег, забыв про свои бумаги, смотрел на обоих так, словно случайно попал на встречу президентов «большой восьмерки».

– Как дела? – спросил Бондарчук.

– Добил два полных метра, сериал-восьмисерийку запустил... «Парижан» с Ришаром доделываю...

В разговоре возникла секундная пауза, и Олег подумал, что теперь будет не так уж неприлично вклиниться.

– Федор... Извините... Оба повернулись к нему.

– Извините... Спасибо вам за фильм...

– «Здрасьте» скажите, – весело отозвался Бондарчук.

– Здрасьте.

Бондарчук протянул ему руку, и Олег пожал ее, чудом

ухитрившись не выпустить зажатой между пальцами авто-ручки.

– Ты чего закопался так? – недовольно спросил Шепилов, когда слетевший по ступенькам Олег подбежал к его «Хаммеру». – Тебе еще в аэропорт ехать. Париж встречать.

Напоминая про Париж, Шепилов не сдержался от легкой издевки. Поездка бабушки обошлась в три тысячи долларов, которые Борисыч, как обещал, вычел из комиссионных Олега, доказав этим, что чрезмерная инициатива всегда наказуема.

– Слушай, Леха, я сейчас с такими людьми познакомился! – Олег вытащил из кармана пиджака визитку, чтобы продемонстрировать ее Шепилову. – Вот это зальчик... У меня друг мечтает Бондарчука найти, а тут, прикинь, он сам и с ним реальный продюсер...

– Квартира готова? – перебил его Шепилов, не глядя на визитку.

– Мебель поставили, диван привезут, Интернет протянули, друг сегодня вечером придет, бабулю научит, – отрапортовал Олег, захлопнул за собой дверцу и пристегнулся ремнем безопасности.

Шепилов задумчиво покивал:

– А ты с другом поговорил, как я просил?

– Поговорил... – Олег помрачнел.

– Плохо поговорил, – отрезал Шепилов, заводя мотор.

Оранжевый «Фольксваген» лихо припарковался около входа в подвальный рок-клуб, точно вписавшись в промежуток между двумя машинами. Торжествующая Алина повернулась к сидящему рядом Косте. Он с уважением кивнул:

– Моя школа.

– Ну так!

Засмеявшись, Костя чмокнул Алину в щеку:

– Я на секунду.

– Давай, я подожду...

Воодушевленный Костя скрылся за дверью клуба. Не считая того дня, когда он познакомился с Алиной, сегодняшний день был самым значимым в его новой московской жизни. На сегодня были намечены съемки его первого настоящего клипа, и они приехали в рок-клуб забирать тех самых готических музыкантов, менеджером которых был Винни-Пух в косухе.

Алина взяла с заднего сиденья косметичку и принялась безмятежно подкрашиваться, глядя в зеркало заднего вида. Она поправляла макияж не больше минуты, а когда убрала сумку назад, Костя уже возвращался к машине. Теперь он был мрачнее тучи. И было отчего упасть духом. Менеджер рок-группы, с которым он договорился о клипе, проклятый Винни-Пух Стае, прокинул все их соглашения.

– Стае, мы же договаривались! Я показал тебе крышу, те-

бе все понравилось! – кричал ему Костя.

Толстяк, не выпуская из правой руки догоревшую до фильтра сигарету, а из левой огромный пластиковый стакан с пивом, непробиваемо отвечал:

– Я тебе в сотый раз объясняю: мы нашли реального дорогого спонсора. Я хочу, чтобы у ребят был профессиональный бюджетный клип! Зачем мне твой КВН гребаный, если можно взять профи?

– А как же «мы одной группы крови»?! – напомнил Костя от безысходности и сам же скривился от того, насколько наивно прозвучали эти слова. Толстяк подавился пивом и выдал фразу, которую впору было выбивать в граните на стенах всех московских домов.

– Старик, ты чего? Когда бабло появляется – группа крови меняется!

У Кости было дикое желание схватить Винни-Пуха за кучерявую шевелюру и пару раз макнуть лоснящейся физиономией в пивной стакан, благо размеры емкости позволяли это сделать. Но не стоило рисковать здоровьем – в конце концов, он находился на территории толстяка. Слабая надежда вернуть полторы тысячи долларов, заплаченные за разрешение снимать на крыше, угасла раньше, чем он произнес слово «крыша».

– А мы на этой крыше снимали? – спросил толстяк, широко раскрыв глаза. И добавил с вызовом: – Ну хочешь, убей меня!

Плюхнувшись на сиденье рядом с Алиной, Костя закрыл глаза и стал читать про себя какое-то школьное стихотворение – с одной целью, не выкрикивать в машине Алины матерные слова.

– Что-то случилось? – испуганно спросила Алина.

– Кинули... – Костя стукнул кулаком по дверце. – Обо всем договорились, все было железно... Но бабло появляется – группа крови меняется. То, что я на бабло попал, его не волнует.

Алина помолчала, потом осторожно дотронулась до Костиной руки:

– Ну и черт с ним... Если что-то не сложилось – значит это не нужно. Появится другая возможность, еще лучше.

– Когда появится?! – выдохнул Костя, с трудом сдерживая слезы. – Я за разрешение снимать на крыше и за кран-стрелку все деньги выложил!

– Найди кого-нибудь другого.

– Я два месяца искал эту группу. Кого я до вечера найду?!

Алина опустила глаза. Поддерживать Костю пустыми словами не имело смысла, а ничего конкретного она предложить не могла. Но Косте вдруг показалось, что за молчанием Алины скрывается нечто большее – она как будто уже нашла выход, но не хочет говорить об этом и ждет, чтобы он предложил это сам.

Он повернулся к ней:

– Слушай, а тебе правда эта крыша понравилась?

Через пару часов Костя вместе с двумя пожилыми техниками в комбинезонах компании «Синелаб» уже выволакивали на крышу высотного здания возле МИДа тележку и стрелу для крана. Солнце вновь слепило, как несколько дней назад, и бликовало на стальных балках, алюминиевых листах и антеннах-тарелках. Над головой все так же плыли облака. Костя запрокинул голову и с наслаждением вдохнул чистый воздух, до которого не добрались осевшие внизу выхлопные газы. К нему возвратилось утраченное ощущение полета, и это было прекрасно.

– Когда съемка? – спросил один из техников, возвращая Костю с небес на грешную крышу.

Тот очнулся.

– Часов с восьми. Нам вечерний свет нужен. Подождете здесь?

– Деньги дашь – подождем, – флегматично откликнулся второй техник.

Вытащив из кармана стопку разномастных купюр, Костя передал их мужикам. Те принялись аккуратно пересчитывать деньги, которые на ветру так и норовили вырваться из рук. В этот момент в другом Костином кармане зазвонил мобильник. На мониторе высветилась фотография Олега. Костя отошел в сторону – деловых разговоров у них с Олегом не было, а дружеский треп всегда комфортнее вести подальше от чужих ушей. Но Олег так завопил из телефона, что слова

«Бондарчук», «Витрянюк», «реальный продюсер» было, наверное, слышно даже в Министерстве иностранных дел через дорогу.

– Да ладно! – потрясенно сказал Костя, выслушав ошеломительную новость. – Как тебе удалось?

– Когда язык, как у меня, подвешен, проблем не бывает – с кем хочешь договорюсь, – хвастался Олег, когда они с Костей выходили из лифта на этаже Ольги Сергеевны. Костя обещал другу научить бабулю пользоваться Интернетом, и за оставшиеся до съемки три часа как раз успевал преподать ей первые азы.

– Руслан Витрянюк... – прочитал Костя, изучая переданную Олегом визитку.

– Про Бондарчука забудь, занят вообще нереально, – инструктировал Олег. – Повезло, что этот чувак с ним был. Реальный продюсер, клипы делает, фильм с Пьером Ришаром снял... Ты ему диск передашь, он поможет.

– Спасибо... – пробормотал растроганный Костя. Наверное, нужно было сказать что-нибудь еще, ведь судьба через своего посредника Олега подарила ему уникальный шанс, но язык у него не был подвешен так же хорошо, как у друга, и пришлось ограничиться одним словом.

Ольга Сергеевна, счастливая и как будто помолодевшая, сидела перед письменным столом и боязливо водила мышкой. Костя десять раз объяснял ей, что испортить компью-

тер, нажав не на ту кнопку, невозможно, но она все равно опасалась сделать что-нибудь не так и сломать эту неведомую дорогую машину. Старенький компьютер с трубочным монитором не стоил ни копейки и перекочевал к ней со стола уволенной из «Хрустального дома» за безграмотность секретарши, но для Ольги Сергеевны этот тихо гудящий аппарат был чем-то вроде синхрофазотрона.

Костя пристроился рядом, на соседнем стуле. Олег сидел напротив и с любопытством наблюдал, как проходит первый урок компьютерного ликбеза. На экране монитора светилась поисковая страница Рамблера.

– Костенька... – спросила Ольга Сергеевна, не отрываясь от экрана, – а мышка не может током ударить?

Олег приснул со смеху и закрыл рот кулаком, изображая внезапный приступ чихания. Костя бросил на него быстрый взгляд.

– Да что вы, Ольга Сергеевна... Какой здесь ток... Ведите стрелку к этому окошку... вот так... И теперь в этой строчке введите объект поиска.

– Что ввести?

– Ну... Любую тему, которая вас интересует. Напишите «погода» – появятся ссылки на погоду. Напишите «ангина» – найдете, чем лечиться. Я не шучу, серьезно!

– Невероятно... – пробормотала Ольга Сергеевна и одним пальцем стала набирать на клавиатуре какие-то слова. На пишущей машинке она печатала быстро и всеми пальцами, но

компьютерной клавиатуры все еще побаивалась.

– Э-ве-ли-на Ган-ская? – по слогам прочитал Костя появившиеся в поисковом окне слова.

Ольга Сергеевна подняла указательный палец:

– Муза, а потом супруга Бальзака.

– А-а-а... Теперь нажимайте.

– «Enter», да? Нажимаю...

На экране появился список найденных документов. Костя откинулся на спинку стула.

– Ну вот, девятьсот восемьдесят девять статей.

Глаза Ольги Сергеевны вспыхнули детским восторгом:

– Фантастика!

– Я же обещал, что научит... – подал голос Олег. – Да, главное чуть не забыл. Вот вам деньги за август.

Он протянул Ольге Сергеевне конверт, и та приняла его с застенчивой улыбкой, пробормотав слово «спасибо», дважды запнувшись. Идиллию нарушил резкий звонок в дверь. Олег поднялся.

– О, роботы диван привезли... – он указал на конверт, который Ольга Сергеевна продолжала неуверенно держать в руках. – Прячьте.

Ольга Сергеевна еще раз взглянула на конверт, с трудом свыкаясь с мыслью, что эти огромные для нее деньги даются ей просто так, ни за что, и она имеет право распоряжаться ими по своему усмотрению. У нее была даже мысль

не тратить их и складывать в одном месте. Вдруг окажется, что произошла какая-то ошибка, и деньги придется вернуть? Лучше жить по-прежнему бедно, не боясь оказаться должницей, чем пожить на широкую ногу и остаться в неоплатном долгу. Впрочем, Олегу можно верить... Из прихожей послышался голос с сильным восточным акцентом. Ольга Сергеевна торопливо спрятала деньги в ящик стола.

– Диван в спальню несите. Пианино не заденьте! – командовал Олег двумя грузчиками из Киргизии. Те, пыхтя и отдуваясь, заволокли массивный диван в гостиную и начали его разворачивать. Диван чиркнул по стене, вновь украшенную старыми парижскими фотографиями, которые на новеньких фисташковых обоях смотрелись как надетый поверх джинсов фрак. Одна фотография качнулась, Ольга Сергеевна всполошилась:

– Осторожнее, картиночки мои!

– Давайте помогу вам! – Костя вскочил с места, придержал диван и помог засеменившим на месте грузчикам нацелить его на дверной проем.

Наконец диван был водворен в спальню и уставлен около той самой стены, которую в свое время так усердно долбил Юрец. Сейчас ниша была закрыта обоями, и найти тайник на глаз не представлялось возможным. «Замучается бабка туда-сюда обои отклеивать... – подумал Олег, – хотя сделает, наверное, дыру, завесит какой-нибудь фотографией... Положила бы деньги в банк, куда проще... Хотя кто из этих бабу-

лек доверяет банкам?»

Олег придвинул диван вплотную к стене, вышел из спальни и доложил:

– Все, Ольга Сергеевна, поставили.

– Ну и слава богу! А то я уж собиралась на полу спать. Спасибо, Олежек.

Грузчики безмолвно, как самые настоящие роботы, вышли из квартиры. Олег посмотрел на часы:

– Ольга Сергеевна, вы извините, нам тоже пора.

– Какие извинения, дорогие мои, бегите, бегите... Костенька, кажется, я во всем разобралась, но если что-то будет непонятно, я позвоню. Ладно?

– Звоните, конечно.

Ольга Сергеевна вышла с ребятами в прихожую и от избытка сердечности приложила руку к груди.

– Мальчики, но Париж – это такой восторг! Как же я теперь понимаю Михаила Афанасьевича Булгакова! Он безумно хотел поехать в Париж, это было мечтой всей его жизни, но советское правительство запретило ему выезжать. Так, он в тридцать третьем году, когда писал «Жизнь господина де Мольера», просил в письме своего эмигрировавшего брата Николая подробно описать ему памятник Мольеру, который стоит на улице Ришелье. И брат выслал ему фотографию с полным описанием памятника. Михаил Афанасьевич своими глазами этого так и не увидел... – Ольга Сергеевна возвысила чуть задрожавший голос: – А я была на улице Рише-

лье и видела этот памятник! Представляете, мальчики?

Мальчики переглянулись и принялись отступать к двери – сердечные излияния профессорши начали утомлять даже более терпеливого, чем Олег, Костю. Ольга Сергеевна двинулась за ними:

– Вы столько для меня сделали! Я вам так благодарна...

– Да это все Олег... – отозвался Костя уже с лестничной площадки.

– Да... – подтвердил Олег, не забыв, как положено, смущенно потупиться.

– Костенька, ты тоже столько мне объяснял... Но скажи, компьютер – это не вредно? А то у меня какие-то искры перед глазами.

– У вас просто монитор старый, – спокойно ответил Костя. – Олег привезет вам вместо этого пузыря новый, плоский. Вам и видно лучше будет, и вреда никакого.

– Самый лучший, Ольга Сергеевна! – заверил Олег. – Все, мы пойдем. До свидания.

– До свидания... Спасибо, мальчики, спасибо.

И Ольга Сергеевна незаметно перекрестила обоих ребят в спину.

– Видал, как бабка счастлива? – весело спросил Олег, сбегая вниз по лестнице. – А как бы она еще в Париж поехала?

– У вас просто фонд «Доброе сердце»! – засмеялся Костя.

– А то...

Друзья спустились еще на пару этажей и оказались на

большой площадке, от которой начиналась парадная лестница, ведущая к выходу из подъезда. На лестнице, прислонившись к перилам и сложив руки на груди, стоял Шепилов. Костя замедлил шаги и остановился.

– Он просто с тобой поговорит, – тихо произнес Олег, успокоительно хлопая Костю по плечу.

Костя пожал плечами, спокойно подошел к Шепилову и протянул ему руку. Тот, ни слова ни говоря, коротко и резко ударил его в лицо. Костя упал на холодные плитки лестничной площадки.

– Лех, ты чего! – испуганно завопил Олег, бросаясь к своему шефу.

– Уйди! – рявкнул Шепилов с таким гневом, что Олег отшатнулся и засуетился вокруг, не решаясь подойти ближе чем на метр. А Шепилов принялся остервенело бить Костю ногой – по ребрам, по почкам, по голове... Тот со стонами корчился на полу, безуспешно пытаясь закрыться от ударов.

– Леха, что ты делаешь?! – в ужасе кричал Олег, хватаясь за голову и взирая на избиение затравленным взглядом. – Прекрати, Леха!!! Не надо!

Он еще раз попробовал оттащить Шепилова от Кости, но так робко, что тому даже не пришлось больше кричать – он просто отмахнулся от Олега, как от комара. Еще пару раз с силой пнув скорчившегося Костю, Шепилов наклонился к нему, схватил его за волосы и развернул лицом к себе.

– Ну, чего не понятно? Девушка в октябре улетает в Лон-

дон. С тобой она все равно не будет. Это последний раз похорошему.

Шепилов выпрямился, одернул пиджак и направился к выходу из подъезда. На ходу он обернулся и коротко бросил Олегу:

– Догоняй!

Когда хлопнула дверь, Олег бросился к Косте, чтобы помочь ему подняться.

– Костян, как ты?

Тот ожесточенно вырвал руку и с глухим стоном пихнул Олега в грудь так, что тот сел на каменные плиты.

Держась за правый бок, Костя быстро шагал по оживленной улице в сторону метро. Олег почти бежал за ним:

– Костян, ну постой ты! Я думал, он просто поговорит! Что мне было делать? Бить шефу морду?

Костя резко остановился:

– Да! Я бы за тебя десятерым морду бил!

– Я что, по-твоему, испугался? – затараторил Олег. – Думаешь, испугался? Я же тебя предупреждал: ну не лезь на встречу, не лезь на встречу! Хочешь, чтобы я из-за твоей бабы все потерял? А ты знаешь, сколько шеф в нее вложил? Она тебя кинет, так же, как его кинула, потому что она сучка...

Костя схватил Олега за лацкан пиджака и занес над ним сжатый кулак – скажи Олег про Алину еще слово, он бы врезал бывшему другу прямо здесь, посреди людной улицы.

Олег моргнул, но сопротивляться не стал.

– Ну давай, бей... – сказал он и повторил еще раз – отчаянно, почти умоляя: – Бей – в расчете будем! Бей!!!

Костя медленно опустил руку и брезгливо – С дерьмом не рассчитываюсь.

Он развернулся и пошел дальше – уже медленнее, зная, что теперь Олег догонять не станет. Олег несколько секунд топтался на месте, глядя ему вслед и порываясь что-то сказать, потом махнул рукой и понуро побрел в другую сторону.

Глава 17

Алина танцевала. Жесткая ритмика ее танца сочеталась с кошачьей пластикой, резкие движения и пируэты современной хореографии – с классической «вагановской» школой. Когда черное платье танцовщицы металось между сплетений арматуры, подсвеченных пурпурным светом тяжелого закатного солнца, казалось, что это танец демона. Но потом танцовщица взлетала к вечерним облакам, вырываясь из пылающих огнем конструкций, воздевала невесомые руки – и вокруг разливался свет небесного, это был танец ангела.

Костя следил за движениями девушки объективом камеры, закрепленной на подвижной стреле, и боялся лишний раз вздохнуть. Все забылось в это мгновение: унижительное положение обслуги на чужих праздниках, «смена группы крови» менеджером готической рок-группы, предательство друга... Была только Алина, которую он первый раз видел в деле и которой бесконечно восхищался. До этого дня она была для него красивой девушкой, очаровательной любовницей, приятным собеседником, и он думал, что уже любит ее. Оказалось, он не испытывал к ней и десятой доли тех чувств, которые взрывались в нем теперь с каждым пируэтом танцовщицы. Он представлял, сколько труда положила эта хрупкая девушка, чтобы научиться вот так изламывать тело в причудливых па, сколько воли и мужества потребовалось

ей, чтобы не сломаться и за два года фактически научиться танцевать заново. Пьянящий восторг вызывал сам факт, что близкий ему человек творит передним настоящим профессиональное искусство. И Костя клялся себе, что прыгнет выше головы, но сделает клип, достойный этого замечательного танца. И он его сделал.

Через неделю Костя показывал свою работу Алине, лежа рядом с ней в спальне на широкой кровати. Алина с волнением смотрела на экран, оценивая не столько работу Кости, сколько свою собственную. Губы девушки были так сжаты от напряжения, словно она шла по канату – номер исполнялся впервые, и она боялась увидеть где-нибудь нечистое движение, недостаточно оттянутый носок, не глубоко прогнутую спину... Но все было исполнено так безупречно, что у нее даже возникло сомнение – она ли это танцевала. И только когда экран телевизора погас, до нее дошло, что безупречность танца в клипе – это заслуга Костиного монтажа.

– Здорово, – выдохнула она и несколько раз нежно поцеловала Костю в щеку. – Запишешь мне еще один диск? Попробую отправить в Лондон.

Костя, блаженно зажмурившийся от поцелуев, мигом открыл глаза. Он вспомнил недоговорки Алины о том, что «в октябре что-то изменится», вспомнил слова Шепилова на лестнице – все складывалось в единую картину.

– Алина, – напряженно спросил он, – а после твоего выступления в октябре... Ты уедешь?

Придумать правдивый ответ, который не убил бы их близость, Алина не успела: зазвонил телефон. Она торопливо потянулась к трубке, чтобы перенести неприятный разговор на потом. Звонил Артур.

– Алина, я буквально на секунду. Мне очень неприятно тебе говорить... – Голос Артура звучал странно – в нем слышались и досада, и волнение, и какая-то принужденность. – В общем, у меня плохая новость. Твоего выступления не будет.

– Почему?

– Так сложились обстоятельства. Извини.

Не прибавляя больше ни слова, Артур раздраженно положил трубку и вышел на огромный балкон своего офиса, где около ограждения стоял хмурый Шепилов. Артур подошел к нему и пристально посмотрел в глаза. Всем своим видом он давал понять, что выполнил его просьбу вопреки своей воле.

– Пока не отменяй, – негромко сказал Шепилов. – Может, одумается.

– Одумается или сломается? – резко спросил Артур, не отводя глаз. И добавил уже спокойнее: – Лех, что ты в нее так вцепился? Найди другую телку и успокойся.

Шепилов оперся на перила балкона:

– Другую... Знаешь, сколько я в эту вложил?

Артур хотел что-то возразить, но Шепилов его перебил:

– Не денег. Сил. Всех интересуется одно – какую ты им устраиваешь жизнь. Устраивать «аллею бутиков» тошно.

Устраивать мечты больше не хочу. Да и некому... – Шепилов горестно помолчал и добавил: – Знаешь, так хуево в жизни устроено... Либо ты любишь, либо тебя... Но если сам. не любишь... Проще в «Амазонию». Поехали?

Простодушной красотки Юли, к которой Олег действительно стал ходить три раза в неделю, в этот день в «Амазонию» не было. Бандерша с обычным в этом бизнесе именем Альбина дала ей целых три выходных. Можно было сделать бытовые дела, оторваться и отоспаться. Впрочем, можно было и поработать, ненавязчиво позвонив кому-нибудь из постоянных клиентов, которые частенько оставляли свой номер. Такса в этом случае была бы прежней, зато доход вдвое большим – не пришлось бы отстегивать заведению половину денег. Юля пощелкала клавишами мобильного, листая записную книжку. «Валерий – нет, Леонид – нет... О... Олег...» Юля улыбнулась. Все-таки этот странный парень был ей симпатичен. У Юли было несколько постоянных клиентов, но она прекрасно знала, что у них есть еще три-четыре постоянных девушки в одной только «Амазонию». Олег же действительно ходил к ней одной. «Неужели вправду влюбился? А почему бы не провести один вечер по-человечески?» Юля хмыкнула, набрала номер и, услышав голос Олега, весело поинтересовалась:

– Приветтики! Чего делаешь?

Через пару часов они уже ужинали в «Пирамиде», кото-

рую Олег полюбил со дня своей первой «охоты», а потом ехали по ночным клубам. Стиль московской тусовки Олег усвоил быстро и хорошо знал маршрут, по которому прилично-молодому человеку положено выгуливать правильную девушку или, как принято было говорить, «пасти ровную собачку».

– Сейчас заедем на полчаса в «Семерку», потом в «Джи Кью» – там имбирный коктейль с огурцом просто срыв башни! – неторопливо обрисовывал Олег предстоящие планы, вальяжно руля стремительной и послушной «БМВ». – Потом можем заехать ненадолго в «Симачев бар» – там прикольно. И после двух в «Дягилев» – самая туса будет.

Последний пункт Олег слегка выделил и посмотрел на Юлю – доходит ли до нее, какая шикарная программа им предстоит.

– Хорошее расписание, – одобрила Юля.

Она хотела спросить Олега, будет ли у них в «Дягилеве» столик или придется топтаться на «лохденсе», но интуитивно почувствовала, что спрашивать этого не надо, и сказала совершенно другое:

– Классная у тебя машина!

– Да, за десятку взял, – гордо согласился Олег, притормаживая на светофоре. – Девяносто шестой год, но это «эмка» трешка. Видишь, цвет желтый, в такой только «эмки» красят. Состояние идеал. Двести с лишним лошадей. Самолет!

И, стартуя со светофора, Олег резко нажал на газ, что-

бы возможности «самолета» Юля могла оценить по достоинству. Оценить не получилось. В стоявшем справа от Олега «Астон Мартине» тоже, видимо, сидела симпатичная девушка, и водитель не мог допустить, чтобы его сделала со светфора какая-то «эмка» девяносто лохматого года. Он так же утопил газ в пол, и «Астон Мартин» пулей пролетел мимо разгоняющейся машины Олега.

– Идиот! Полуфабрикат для крематория! – воскликнула Юля, которая отлично знала, что в какой момент должен слышать от нее мужчина, чтобы чувствовать себя рядом с ней счастливым.

Олег благодарно посмотрел на нее и влюбился еще больше.

В «Дягилев» они приехали к половине третьего и Олег уверенно повел Юлю через толпу.

Фейсконтрольщик. Паша давно его запомнил, но с собой Олег ни разу никого не проводил и, подходя к ограде с Юлей, он снова испытал забытое было чувство робости.

«Это со мной», – хотел сказать он, но Паша сам кивнул Юле и открыл перед ними цепочку. Похоже, девушку знали в этом клубе лучше него.

Юля сразу потащила Олега танцевать – если уж попали на «лохденс», а не за стол, надо плясать, чтобы не выглядеть торчащими посреди толпы идиотами.

– Белые розы! Снег и морозы! – надсадно пропел модер-

низированный современной обработкой Юра Шатунов и захлебнулся в диджейских скретчах.

– Снег и морозы, блядь на хуй! – громко проорал кто-то в толпе от избытка эмоций.

– Упс-упс-упс, – подхватила музыка.

Самый верный способ зарубить на корню ощущение счастья – спросить себя: «Счастлив ли я сейчас?» Олег лихо отплясывал рядом с Юлей и думал – меньше полугода назад он стоял на пороге этого клуба, мечтая когда-нибудь подъехать к нему на машине, свободно проходить внутрь и вести за собой красивую девушку... И вот это свершилось! И почему, черт возьми, это приносит сейчас не больше счастья, чем поход с Сусликом на дискотеку в «Космосе»? Только потому, что подержанной «эмке» далеко до «Бентли», а красивая девушка работает в «Амазонии»?

Или кто-то так отвратительно устроил бытие, что желаемые для счастья компоненты появляются в жизни только тогда, когда счастья составить уже не могут?

Размышления Олега прервал вкрадчивый голос, зазвучавший в неожиданной тишине. Диджей вырубил музыку, а лучи прожекторов нацелились на небольшую сцену, где появился высокий бритоголовый мужчина в бархатном пиджаке с надписью «Дягилев».

– Добрый вечер, добрый вечер, наши дорогие, утомленные роскошью гости... – нараспев проговорил мужчина с непонятным акцентом. – Сегодня в «Дягилеве» нас ожидает

акция – сексуальная провокация...

«Может, я уже «утомленный роскошью», – подумал Олег и засмеялся над такой глупостью. Юля наклонилась к Олегу:

– Слушай, зачем нам сексуальная провокация? Поехали ко мне?

Олег кивнул и тут же с ужасом вспомнил, что завтра нужно платить Сергею Борисовичу первый взнос за квартиру – пять тысяч долларов.

– Юль, слушай... – замялся Олег. – Мне сейчас взнос за квартиру платить... Бабоса нет совсем.

– Дурной, – засмеялась Юля, обнимая его, – думаешь, мне так не хочется?

Рассвет они встречали на балконе Юлиной квартиры в огромном спальном районе. Маленькая «однушка» на последнем этаже блочной высотки была обставлена с максимальным для такого жилища комфортом. Ради мягкого дивана-уголка и большой кровати пришлось пожертвовать шкафом – платья Юли висели на плечиках, которые цеплялись крючками прямо за комнатную дверь, а мелкие предметы одежды лежали под креслом в большой коробке. Зато был стеклянный столик на колесиках. На нем стояли опустевшая бутылка из-под шампанского и два высоких бокала, сквозь которые, причудливо искажаясь, просвечивал брошенный на кровати кружевной лифчик.

– Обожаю свою квартиру, – говорила Юля, стоя на балко-

не в рубашке Олега и переступая босыми ногами по небольшому коврику, – смотрю ночью с балкона – вокруг горят тысячи окон. За каждым своя жизнь. Тысячи радостей, неприятностей... А у меня за спиной моя раковина – можно в любой момент закрыться – и ты наедине с собой.

– Как «Наутилус», – подхватил Олег.

– Да, да! Понимаешь, о чем я?

Легкой улыбкой Олег подтвердил, что Юля для него близкий человек, которого он понимает, как самого себя. И тут же ему стало горько. Так хорошо стоять с ней на балконе, так это по-настоящему... А завтра она будет в «Амазонии», и у него даже нет денег прийти к ней под видом клиента. А если не придет он, значит... Лучше об этом не думать!

– Юль... – сказал Олег, тщательно подбирая слова, – а ты завязать думаешь?

– Конечно, думаю! Что мне, до пятидесяти на витрине плясать? Расплачусь за квартиру, заработаю на дело – какой-нибудь салон или спа... – Юля радостно засмеялась, видимо представляя себя хозяйкой салона. – Мне еще замуж выйти, двоих детей родить.

Олег поразмышлял, глядя на поднимающееся из-за домов солнце:

– А не проще сразу завязать и выйти? Юля хихикнула:

– Предложение делаешь?

– Пока нет... ну-у... – Олег игриво покачал головой, давая понять, что шутки шутками, но если дойдет до дела...

Раздраженно передернув плечами, Юля вдруг резко развернулась и ушла с балкона в квартиру. Олег испуганно поспешил за ней:

– Юль, ты чего? Что случилось?

– Слушай, зачем тебе это? – серьезно и неожиданно жестко спросила девушка, закуривая сигарету. – Таскаешься ко мне, как на работу. Кучу денег просадил... Сто раз бы себе нормальную девчонку нашел.

– Да не нашел бы! – возразил Олег, решив ответить откровенностью на откровенность. – Я даже не представляю, сколько надо, чтоб с такой встречаться. Для начала самому на «мерсе» кататься, потом ей шубу-брюлики...

Юля горько усмехнулась:

– Понятно...

– Что – понятно? – забеспокоился Олег, ощущая, как между ними стремительно разрастается трещина.

– Так... Я для тебя дешевый вариант.

Поняв свою оплошность, Олег засуетился:

– Юль, ты меня не так поняла... Мне, как ты, никто не нравится. И по-любому никого, кроме тебя, не надо... – Он перестал суетиться и заговорил искренне: – Ну, ты подумай... Подошел бы я к тебе в кафе или на улице – ты бы меня отшила, верно? Верно?

Юля улыбнулась и посмотрела на него, как на ребенка:

– Ну откуда ты знаешь?

– Так думаю.

– Иди сюда...

Юля затушила сигарету и обняла Олега за шею. Их губы соединились, спаивая возникшую было трещину, и в этот момент зазвонил телефон. Юля беззвучно выругалась.

– Альбина, у меня выходной не кончился, – сказала она в трубку, даже не уточнив, кто звонит, – ясно было и так.

Из трубки слышались резкие отрывистые слова.

– Да, хорошо... Сейчас буду.

Юля бросила трубку и стала торопливо снимать рубашку Олега, чтобы натянуть свою блузку.

– Я пошел бы с тобой, как клиент... – виновато заговорил Олег, – но я говорил – за квартиру надо платить... Пусто...

Юля махнула рукой:

– Не бери в голову. Мы не в кафе познакомились. Ответь?

Олег вздохнул и обреченно кивнул.

Глава 18

Руслан Витрянюк – тот самый черноволосый бородач с божественной бородкой, который повстречался Олегу в фитнес-центре, вел Костю по коридорам своего продюсерского центра. Костя уважительно держался на полшага позади, поглядывая на развешанные по стенам фотографии, запечатлевшие Руслана в обнимку с разными знаменитостями от Пьера Ришара и Анни Жирардо до Никиты Михалкова и Джека Николсона.

Продюсер царственным жестом распахнул перед Костей стеклянные двери просторного кабинета, небрежно указал на стул и, усаживаясь в кресло напротив, бодро заговорил:

– Старик, я твой клип показал вчера одним людям. Тебе повезло нереально! У меня жена купила себе «фиатик», в нее на второй день въехал «икс-пятый». Тебе, как ей, повезло.

– В смысле? – насторожился Костя. Предельно довольный собой Витрянюк радостно захохотал:

– Я в нее на «икс-пятом» въехал – мы так познакомились!

Костя вежливо посмеялся. Витрянюк щелкнул пальцами, переключая общение с шуток на серьезный разговор.

– Ближе к делу. Ребята привыкли работать с профи. Но я им говорю: потратите двадцатку – получите мертвый гламур. Не надоело? Найдите способного дебютанта. Заплатите

пятерку – получите клевый, живой клип. Тут ты звонишь, передаешь свой диск. Улавливаешь?

– А что за группа? – осторожно поинтересовался Костя.

Руслан успокоительно выставил вперед ладони:

– Поверь, хорошие ребята. Плохие с Витрянюком не работают. А вот и они!

Стеклянные двери снова распахнулись, и на пороге кабинета появились мужчина и женщина, лица которых были Косте смутно знакомы... Да это же «Гости из будущего»! – так и подскочил он на стуле. Витрянюк поднялся «Гостям» навстречу:

– Здравсьте-здасьте...

Костя следил за вошедшей парой с мерцающей полуулыбкой, не веря до конца в свою удачу.

– Юра, Ева... – представил Руслан музыкантов, – проще говоря, «Гости из будущего». Костя – перспективный клипмейкер.

Через пару минут «перспективный клипмейкер» уже стоял за спиной «Гостей» и вместе с ними смотрел на экран ноутбука, где мелькали кадры клипа с танцем Алины. Музыканты одобрительно кивали.

– Костя, нам нравится твой стиль, но обычно мы снимаем не на видео, а на кино, – сказал, полуобернувшись, Юра.

– Если честно, я никогда не работал с пленкой, – признался Костя, смущенно взглянув на Руслана.

Витрянюк крепко взял его за плечо:

– Старик, когда Путину предложили стать президентом, он не говорил: «Я им не работал». Дам киношного ассистента – снимешь на пленку. Вопросы есть?

– Есть... Один... – Костя замялся. После того, как Олег съехал из спортивного зала, качок Витя раз пять уже намекал ему, что раскладушку пора освободить.

– Квартиру дешевую сможешь снять? – выпалил Костя, отчаянно смущаясь.

Вечером того же дня Костя, нагруженный сумками, поднимался следом за Витрянюком по лестнице старинного дома в центре Москвы. Руслан собственноручно тащил Костину коробку с семнадцатидюймовым монитором и рассказывал про будущее жилище «перспективного клипмейкера» удивительные подробности.

– Ты, Кость, не шугайся – это вообще клуб. Тут в пятницу-субботу тусовки, а так обычная квартира. Десять комнат... Чувак по фамилии Раскольников занял эту хату самозахватом лет пятнадцать назад. Устроил шалман «Третий путь». Петлюра здесь тусовал, пани Броня...

Костя кивал, с ужасом представляя, в какой сумасшедший дом его сейчас приведут, – Раскольников, Петлюра... Хорошо хоть, не Пиночет с Гитлером!

– Квартиру поджигали раз пять. Старая Москва, квартиры на вес золота... Поджечь и выселить многим хочется. Два раза большой пожар был.

– И что?

– Нас хрен выгонишь! Панков привезли – концерт прямо в сгоревших стенах дали. Клуб еще популярнее стал!

Руслан открыл дверь в странное обиталище, похожее на огромную коммуналку, в которой невообразимо смешалось старое и новое: низкие облупившиеся дверные косяки сочетались с крикливо-авангардным оформлением комнат; в узком, скрипящем дряхлыми паркетинами коридоре светились трубы отопления, выкрашенные фосфорной краской, а за самой настоящей коммунальной кухней обнаруживалась комната, где стояли шесть столов с нарисованными на столешницах шахматными досками, или помещение с маленькой сценой, над которой кружился зеркальный шар. На сцене к тому же вяло репетировали в усмерть обкуренные музыканты какого-то джаз-панк-трио.

Витрянюк целенаправленно вел Костю вглубь этой почти булгаковской квартирki и наконец бухнул коробку с семнадцатидюймовым монитором на стол, стоявший посреди самой дальней комнаты, единственное окно которой было заколочено фанерой. Костя осмотрелся – скудную обстановку составляли топчан с матрасом в углу, стол, стул и несколько диковинных нагромождений, которые назвали бы модным словом «инсталляции». Как еще назвать выкрашенную черной краской виолончель, посаженную грифом в залитое смолой жерло полуразбитого унитаза?

– Ну... Обстановка творческая... – Витрянюк развел ру-

ками, словно оправдываясь, – перекантуешься.

Костя устало опустил на стул:

– Спасибо, Руслан. Извини, что напряг... Больше не к кому обратиться.

– Старик, пока ты у меня работаешь – Напрягай без проблем. В понедельник жду на студии с раскадровками.

Перед уличным кафе сновали машины. Тощий прыщавый парнишка топтался около ограждения и пытался вручать прохожим рекламные листовки ювелирного магазина неподалеку. Менеджеры магазина явно совершили ошибку, поручив ему это дело: потрепанный вид парнишки так плохо сочетался с рекламным слоганом «Возьмите кусочек нашего богатства!», что прохожие обходили паренька, как растекающуюся посреди тротуара лужу.

В глубине кафе за столиком, накрытым клетчатой «деревенской» скатертью, сидели Алина и Вика. Официант поставил перед девушками по чашке капучино и бесшумно удалился; Вика принялась неспешно размешивать кофе ложечкой. Алина напряженно ждала.

– Ты хотела что-то сказать. Я слушаю, – не выдержав, поторопила она.

Вика положила ложечку:

– Алина, я хочу извиниться за Артура. Леша потребовал – он не мог отказать.

Алина усмехнулась:

– А если Леша потребует меня убить?

– Перестань! Если бы не твой парень, не было бы никаких проблем. Что ты в нем нашла?

– А мне с ним просто хорошо, – спокойно ответила Алина.

– В смысле «просто хорошо» трахаться? – грубо уточнила Вика. – Это повод ломать отношения с человеком, который тебя любит?

– «Человек, который меня любит», поступает, как человек, который видит во мне только вещь. Я пыталась остаться друзьями – он не захотел этого сам. А с Костей хорошо все... ужинать, гулять, смотреть телевизор, молчать... Но ты права, это не самое главное. Когда мы вместе... ну...

– Трахаетесь?

– Да. Это как танец, понимаешь? Я такого никогда не испытывала.

– А как было с Лешей? – поинтересовалась заинтригованная Вика.

– С Лешей... Ты никогда не задумывалась, почему у него такой большой джип?

Вика прыснула и поспешно поставила чашку на столик, чтобы не выплеснуть кофе на светлое платье.

– Тогда понятно. И что дальше? Будешь с этим чудодеем жить? Думаешь, Леша потерпит?

Алина пожала плечами и отвернулась к проносящимся мимо машинам:

– Пусть бесится.

Вика посмотрела на Алину серьезно:

– Бесятся по-разному. Алина, я не буду говорить прямо, но постарайся понять – если у людей грязный бизнес, человек для них ничего не стоит.

– Что ты хочешь сказать?

. – Я ничего не говорила, – невозмутимо отозвалась генеральская дочь, глядя на Алину в упор.

Неприятную паузу нарушил мелодичный перезвон: у Алины в сумочке зазвонил мобильник. Продолжая вопросительно смотреть на Вику, Алина вытащила трубку:

– Алло...

Через несколько секунд настроение Алины изменилось как по волшебству: хмурую озабоченность сменило радостное изумление, серые глаза засияли.

– Yes. Hallo, mister Smallwood, glad to hear you, – трепетно заговорила девушка по-английски. – No! I can't believe it. This is fantastic!¹

Сунув руки в карманы, Артур торопливо шагал от своего офиса к автомобилю своего водителя. За ним, буквально наступая ему на пятки, неся Шепилов.

– Артур, мы же договорились! – взывал он.

– Я не могу больше ничего сделать! – огрызнулся Артур, не останавливаясь. – Я же не Господь Бог!

¹ Да. Здравствуйте, мистер Смолвуд, рада вас слышать. В это невозможно поверить! Это фантастика! (англ.)

– Я не прошу тебя сотворить мир! – взревел Шепилов. – Я прошу отменить выступление, которое ты организовал по моей же просьбе, Артур! Да погоди ты, елки зеленые...

Возле самой машины он схватил Артура за рукав пиджака. Тот обернулся.

– Я уже ни при чем! Ее захотел сам Смолвуд, я сейчас еду к юристу готовить для нее контракт. Ну, чего ты хочешь? Чтобы я поссорился со Смолвудом, потерял свой бизнес?!

– Они ее даже не видели! – выкрикнул Шепилов, продолжая держать Артура за рукав.

Тот резким движением вырвал руку:

– Она им какой-то клип отправила.

Артур нырнул в машину и хлопнул дверцей.

Водитель плавно тронулся. Шепилов медленно выпрямился, осознавая, кто опять ломает все планы:

– А-а-а-х, Спилберг, сука!..

Костя катил нагруженную продуктами тележку по подвальному этажу супермаркета мимо стеллажей с фруктами. Алина шла рядом со списком в руках. Костя выглядел озабоченным и растерянным.

– Алина, я только что нашел человека, который дает мне шанс. Что я буду делать в Лондоне? – отчаянно говорил он.

– Найдешь такого же человека там и пробьешься на MTV. Бананы любишь?

– Лучше яблоки. Я северный человек.

– Кладем яблоки... Что ты сник? Покорить Лондон – круче, чем Москву. Северный человек, do you speak English?

– Yes, I do, а что толку? – Костя протянул Алине целлофановый пакет для яблок. – Ты понимаешь, что это вообще невозможно?

Алина перестала возиться в ящике с яблоками и подняла на Костю возмущенный взгляд:

– Никогда не говори «невозможно»! Мне три года твердили в училище: «с вашей выворотностью невозможно», а потом красный диплом дали. Если веришь – возможно все. Ты веришь?

Костя смотрел на Алину. Смотрел и спрашивал себя – верит ли он, что у него получится начать все с нуля теперь уже в Лондоне? Отказаться от невероятного шанса снять клип для «Гостей из Будущего», снова откладывать деньги на съемку каких-нибудь лондонских аутсайдеров... Если это будет нужно, чтобы остаться с Алиной, – он согласен! Он верит! Алина, пытливо смотревшая Косте в глаза, прочитала эту веру в его взгляде и улыбнулась. Что бы ни случилось – они будут вместе!

Выгрузив все продукты из тележки на ленту около кассы, Алина достала из сумочки ключи от квартиры:

– Мне на репетицию пора, отвезешь продукты домой?

Костя кивнул. Алина потянулась к нему:

– Надо будет сделать тебе второй ключ.

Она чмокнула просиявшего Костю в щеку и поспешила к

эскалатору. Проводив ее взглядом, Костя вновь повернулся к полногрудой кассирше, смотревшей на легкомысленного покупателя с изрядной долей зависти.

– Яблоки завесили? – подозрительно спросила она.

– Нет...

– Иди завешивай, стоит лыбиться, как дурачок перед каруселью.

Костя не видел, как лыбятся перед каруселями дурачки, но сразу понял, что сравнение не делает ему чести. Он подхватил пакет с яблоками и побежал к электронным весам.

Глава 19

Оранжевый «Фольксваген» припарковался рядом с подъездом Алины. Костя вышел из машины, открыл заднюю дверцу и принялся выгружать пакеты с продуктами. Черный «Хаммер», несмотря на кажущуюся громоздкость, приблизился неожиданно легко и стремительно. Костя не успел понять, что происходит, а две пары рук уже втащили его в машину. Хлопнули дверцы, и джип сорвался с места. Одинокий прохожий удивленно посмотрел машине вслед, равнодушно отвернулся и проследовал по своим делам. Около дома Алины воцарилось мирное спокойствие, и только рядом с осиротевшим «тигренок» валялись рассыпавшиеся яблоки, апельсины и плавленые сырки.

Пристань «Болотово» была заброшена лет двадцать назад. Когда-то здесь по шесть раз на дню останавливались быстрходные «Ракеты», привозили и увозили отдыхающих на расположенную неподалеку в лесу турбазу электромеханического завода. Потом завод зачах и закрылся, а вместе с ним зачахла и турбаза. Деревянные домики на четыре койки развалились, сетчатый забор проржавел, плитки, которыми были выложены дорожки, вросли в землю и растрескались под напором сорной травы. Руины турбазы даже некому было разобрать на дрова, потому что ближайшая подмосковная деревня находилась в двадцати километрах отсюда,

а проехать к этому месту по сплошному бездорожью можно было только на очень хорошем джипе. Недаром главным средством сообщения с базой всегда были именно ходившие от Речного вокзала «Ракеты». Быстроходные суда продолжали швартоваться к пристани еще полгода, но никто в «Болотово» не сходил, никто не садился, и маршрут упразднили. Пристань заросла высоким прибрежным кустарником, о ее существовании все забыли.

Когда Шепилов сказал Юрцу с Игорем, что лоха, которого они когда-то метелили в парке, надо вывезти в такое место, чтобы тот сразу намочил штаны, Юрец сразу вспомнил про «Болотово». Он ездил на заводскую турбазу мальчишкой с родителями и ностальгически навестил эти места пару лет назад, когда испытывал в деле свой «Ленд Круизер». Чтобы добраться до «Болотово», нужно было час гнать по шоссе и пробираться через лес по едва заметной колее, но пристань того стоила. Юрец уверял, что упертого лоха достаточно будет приковать наручниками к ограде и оставить одного часа на два, но Шепилов настаивал на более действенных методах. У Игоря такие методы были...

В «Хаммере» Косте сразу надели на голову какой-то мешок, а к месту везли, врубив на полную громкость музыку, чтобы отбить охоту разговаривать. Это тоже была часть обработки.

– Вылезай, приехали! – скомандовал Игорь, когда «Хаммер» наконец остановился, а музыка смолкла.

Юрец снял с Костиной головы мешок. Тот осмотрелся. Из-за кустов выглядывал ржавый железный навес пристани с олимпийской символикой на передней стенке. Колыхалась на ветру высокая трава, слышался плеск волн, и какое-то щемящее чувство подсказывало, что в радиусе многих километров нет ни души. Игорь с Юрцом подхватили Костю под руки, выволокли на пристань и быстро приковали наручниками к ржавой ограде. Костя пытался вырваться, но резкий удар под дых согнул его пополам, моментально лишая сил.

– Я думал, ты успокоишься, – вздохнул Шепилов с показным огорчением человека, который честно пытался решить дело миром, но вынужден прибегнуть к крайним мерам.

– А я думал, ты успокоишься! – вызывающе ответил Костя, откашливаясь и пытаясь выпрямиться.

Стоявший рядом Юрец пнул ногой побеленный чайками чугунный кнехт.

– Прикинь, Лех, у меня знакомый черепушкой об такую чугунину стукнулся... Только весной всплыл.

Костя усмехнулся:

– Утопите? Давайте... Вас же менты вычислят, колоть начнут. Знаете, как в ментуре колот?

Игорь привычным движением вытащил из кармана красное милицейское удостоверение и сунул Косте под нос.

– Фуфло мучное, ты кому про ментуру трешь? Сам-то знаешь, как там колот?

– Да чего ты с ним базаришь? – снова подал голос Юрец. –

Это же Коста Мурманский. Барыга героиновый.

Игорь посмотрел на Костю пристальнее и талантливо сыграл изумленное узнавание:

– Точняк, Коста... А я думаю, где я эту морду видел? У нас в картотеке!

– Ну-ка, прошмонай его.

Шепилов с довольной ухмылкой наблюдал за бесплатным цирковым представлением.

– Надо, Коста, надо... – ласково протянул Игорь, запуская руку в карман Костиной куртки.

Когда он извлек пакетик с белым порошком, Костя даже не удивился.

– Опа! Грамм на пять, – обрадовался Игорь. – Коста, ты чего, поднялся? У тебя же никогда больше грамма не было.

– Ладно... Я эти ваши разводы знаю, – зло сказал Костя, бросая ненавидящие взгляды то на одного мучителя, то на другого.

– Какие разводы, дурило? – Игорь шлепнул его пакетиком по лбу. – Тебе семера с конфискацией чистая! Юрец, протокол принеси.

Юрец вразвалку направился к «Хаммеру».

– Я ничего не подпишу! – сказал Костя твердо.

– Конечно, не подпишешь... – усмехнулся Игорь, – Юрец!

С протоколом «слона» захвати!

Юрец притащил из машины противогаз, от шланга которого был отвинчен фильтр. Он ловко натянул Косте на го-

лову маску, еще раз для верности засадил ему кулаком под дых, после чего плотно зажал отверстие шланга ладонью и шутливо прокомментировал:

– Вот так мамонты и вымерли!

Костя в ответ замычал и замотал головой, тщетно пытаюсь натянуть шланг и создать между лицом и маской хотя бы крошечную щелочку. Игорь спокойно достал сигареты и закурил. Юрец убрал ладонь со шланга. Костя судорожно вдохнул, и тут Игорь выпустил в отверстие шланга струю табачного дыма. Белое облако застлало изнутри противогазные очки, скрывая Костины глаза. Юрец снова зажал отверстие. Из-под маски послышался надрывный кашель. Спазмы сжимали Костины легкие в крошечный комочек, выталкивали последние капли воздуха, а вдохнуть было невозможно. Легкие разрывались, диафрагма ходила ходуном, в груди будто кипел свинец.

– Ну чего, Коста, в ментуре так колят? – спросил Игорь.

У Кости начались судороги – он хрипел, содрогался всем телом и конвульсивно бил ладонями по железному ограждению.

– Ну чего, готов? – спросил Игорь Юрца.

– Готов. Маму на органы продаст.

– Доставай. Пусть подышит пока.

Юрец отпустил шланг. Костя захрипел и упал на колени – легкие так слиплись, что теперь не могли расправиться и вобрать живительный воздух.

– А теперь... – Юрец протянул Косте заранее заполненный протокол и вложил в ослабевшие пальцы авторучку. – Попрошу автограф.

Костя с усилием поднялся на ноги. Юрец снова зажал противопогазный шланг. Шепилов напряженно ждал. Протокол, в котором Костя расписался бы в изъятии у себя пяти граммов героина, не вернет Алину, но вид сломленного соперника хотя бы отчасти компенсировал его душевные страдания. Этим протоколом даже не обязательно потом шантажировать. Шепилов был уверен, что, сломавшись, Костя сам вынужден будет навсегда исчезнуть из жизни девушки – уползти в жалкую щель, из которой так некстати выполз, и по-тихому доживать там никчемным лузером. Шепилов всматривался в скрытые за противопогазными стеклами глаза Кости, ожидая увидеть признаки приближающейся слабости, но в налитых кровью и полных ненависти зрачках была только крепнущая воля. Раздался звучный хруст, и ручка в стиснутом кулаке Кости сломалась сразу на три части.

– Ты смотри, боец! – воскликнул Юрец с невольным уважением.

Взбешенный Шепилов сорвал с Кости противопогаз, схватил его за взмокшие волосы и рванул к себе его голову.

– Мне она после тебя не нужна, это дело принципа! – заревел он. – И мне насрать, понимаешь, сломался ты или нет! Или ты сегодня ее оставишь, или завтра ты не живешь!

Оттолкнув от себя Костю, Шепилов отошел в сторону,

беззвучно выматерился и скомандовал:

– Купайте.

Игорь и Юрец быстро освободили Костю от наручников и столкнули с пристани в воду.

– До шоссе километров десять. Не дойдешь – сам виноват! – крикнул Игорь, убедившись, что Костя вынырнул.

И трое мужчин, ежась от вечерней прохлады, направились к теплому надежному «Хаммеру».

– Ну чего, поехали пожуем где-нибудь? – предложил Шепилов.

– Заодно протравишься, – буркнул в ответ Игорь.

В синеве позднего вечера Алина нервно ходила взад-вперед возле своего подъезда и в который раз набирала Костин номер, чтобы снова услышать: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети»...

Час назад она пришла с длительной репетиции, позвонила в квартиру, ожидая, что Костя ждет ее дома, но дверь никто не открыл. Она спустилась к машине, прошла вдоль ближайших киосков, решив, что Костя вышел купить какой-нибудь воды или чая, но его нигде не было. Если бы рассыпавшиеся у «тигренок» продукты не успели подобрать проворные бомжи, Алина сразу могла бы догадаться, что случилась беда, и уже обратилась бы в милицию. Но продуктов не было, машина стояла около подъезда, значит, Костя благополучно добрался домой и куда-то исчез вместе с ее ключами.

Может, он дома и просто заснул перед телевизором? Алина снова поднялась к квартире, набрала городской номер, услышала через дверь, как залился трелью аппарат на столе, и одновременно стала жать кнопку звонка. От такой какофонии проснулся бы кто угодно. Значит, дома Кости нет. Что же случилось?

Девушка снова вышла на улицу и опять набрала Костин мобильный номер.

«Аппарат абонента выключен или находится...»

– Господи... – тоскливо прошептала Алина, и вдруг возле нее остановился какой-то автофургон. Пассажирская дверца открылась, и появился Костя.

Его кроссовки и джинсы до колен были перепачканы грязью, песком и присохшими травинками. Темную майку спереди и сзади украшали бурые разводы. Мокрую куртку он нес в руках – на запястьях виднелись иссиня-багровые следы. Алина бросилась к нему.

– Костя! Я вся извелась! Где ты был, почему телефон не отвечает? – выпалила она на одном дыхании.

– Промок, – ответил Костя, достал из кармана ключи и, шаркая ногами, двинулся к подъезду.

Алина опередила его на шаг и схватила за плечи:

– Что случилось?!

Костя отвел глаза:

– Ничего. Извини, что долго. Пойдем...

Алина отступила и только теперь заметила страшные сле-

ды на Костиных руках и бесчисленные красные точки полопавшихся капилляров на лице. Она зажала рот, удерживая готовый сорваться крик. Потом пристально посмотрела ему в глаза и спросила:

– Леша?!

Оранжевый «Фольксваген» с разбегу запрыгнул передними колесами на бордюр «и с визгом затормозил, чуть не сбив фонарный столб у входа в ресторан на Чистых Прудах. Алина позвонила Шепилову, застала его за ужином и потребовала немедленного разговора. Тот сразу понял, о чем придется говорить, и сказал, где его найти – интересно было послушать, как девушка, на которую он потратил столько денег и сил, будет отчитывать за стычку со своим невразумительным любовником.

Алина выскочила из автомобиля, прижимая к уху телефон.

– Леша, выйди, я подъехала.

Через минуту в дверях ресторана показался Шепилов. Алина сделала ему навстречу несколько шагов и с размаху ударила его кулаком в лицо. Это была не кокетливая женская пощечина, а добротный мощный удар. Шепилов качнулся, кровь бросилась ему в голову, и он изумленно вытаращился на Алину.

– А теперь слушай, Леша, – лихорадочно заговорила Алина. – Я люблю этого человека и хочу быть с ним. Спасибо

тебе за все, что ты для меня сделал, когда делал искренне. Но я не вещь! Я не джип, который можно завести ключом! – Алина всхлипнула и шмыгнула покрасневшим носом. – Я больше не заведусь!

– Аль, что за истерика? – выкрикнул Шепилов, держась правой рукой за скулу.

– Ты перешел грань, – продолжила Алина, захлебываясь словами, – я перейду ее тоже. Если с ним хоть что-нибудь случится...

– М-м? – промычал Шепилов, ожидая услышать легкомысленную женскую угрозу.

– Я... я... – Алина замялась. – Я расскажу про твой бизнес! – выпалила вдруг она.

Зрачки Шепилова расширились, и Алина поняла, что попала в точку. Дальше она продолжала, не сомневаясь в действенности своих слов:

– Сообщу про всю вашу грязь куда надо. Не вся милиция ходит под Вэ Эс Бондаревым.

Шепилов смотрел на нее чуть ли не с ужасом.

– Да, Лешенька, я все узнала! Между нами все кончено. Оставь нас в покое, или тебе будет хуже!

Шепилов помолчал, осознавая услышанное, и спокойно ответил:

– Алина, если ты что-то знаешь... Хуже может быть только тебе.

С этими словами он повернулся и направился обратно в

ресторан. Обескураженная Алина замерла у машины. Против кого обернется ее спонтанный блеф? Выиграла она этим ходом партию или поставила сама себе мат?

Время близилось к полуночи. Артур в одних трусах валялся на широкой кровати, держа на коленях ноутбук. Из динамиков компьютера струилась негромкая музыка – Артур слушал файлы, присланные ему неизвестной тувинской группой. Ребята сочетали национальное пение с электронными аранжировками, надеялись заинтересовать продвинутой музыкой каких-нибудь продюсеров. Артур, которому бесконечная попса набила оскомину, давно подумывал создать независимый рекорд лейбл, и тувинцы ему определенно нравились. Денег на них не зарабатываешь, но пару сотен пластинок на подарки друзьям можно выпустить.

В спальне царил полумрак, лишь мягким розоватым светом сияла напольная лампа. Обстановка роскошной комнаты, похожей на люкс пятизвездочного отеля, располагала к долгой чувственной эскапде, но резкий начальственный окрик Вики, долетевший из ванной, в один миг уничтожил романтические флюиды:

– Артур! Ты полотенце принесешь или нет?!

Артур отложил ноутбук, сел и тупо уставился на дверь, ведущую в ванную. За истекшее после свадьбы время выражение его глаз успело перемениться: удовлетворенный взгляд любимца фортуны сменился безысходным взглядом челове-

ка, самого себя загнавшего в капкан.

– Артур!!!

– Иду, мася моя... – устало отозвался Артур, заталкивая босые ноги в тапочки. На низком столике рядом с кроватью зазвонил телефон. Артур взял трубку. – Да... А что такое? Хорошо, сейчас выйду.

У ворот генеральского особняка стоял черный «Хаммер». Рядом с витой оградой при ночном освещении он неприятно смахивал на надгробный обелиск. Когда Артур, шлепая тапочками, неспешно подошел к автомобилю, Шепилов неожиданно схватил его за грудки и прижал к обрубленной морде джипа. Юрец и Игорь, как два каменных изваяния, встали с двух сторон.

– Эй, эй, чего такое?! – начал вырываться Артур, но Шепилов держал его крепко.

– Ты Алине про наши дела говорил? – яростным шепотом поинтересовался он. – Про квартиры?

– Меня ваши дела не касаются.

– Артур... – Шепилов тряхнул его за плечи. – Пронюхать и слить мог только ты или Вика. Что вы слили конкретно?

– Мне сливать нечего. А у Вики сам спрашивай. Потряси ее так же и спрашивай.

Юрец и Игорь переглянулись, но влезать в разговор не посмели. Шепилов отпустил Артура и нарочито любезно поправил на нем одежду.

– Артур, мне ведь тоже есть, что сливать, да? Я твоей Вике

могу много чего рассказать.

Артур распрямылся. Он посмотрел на угрюмого бритоголового Юрца, на вечно напружиненного Игоря, и на его лице появилось брезгливое выражение. Плясать под дудку жены, генеральской дочки, – это одно дело, но пресмыкаться перед мелкими подонками... Если уж терпеть минусы совместной жизни с Викой, то ради того, чтобы иногда получать удовольствие от плюсов.

– Вертел я тебя на конце вместе со всей твоей кодлой, понял ты меня? – медленно с наслаждением проговорил Артур, глядя Шепилову в глаза.

– Во как! – выдохнул Шепилов.

Но разговор был окончен, и точку в нем поставил Артур.

Отпихнув Шепилова, он еще раз смерил его презрительным взглядом и демонстративно медленно направился к дому. Игорь и Юрец напряженно молчали.

– Верти, верти, Артурик... – злобно пробормотал Шепилов. – Вэ Эс не вечный...

Глава 20

Прошел месяц. Наступил день, который так много значил для Шепилова некоторое время назад, но теперь не вызывал никаких чувств, кроме глухой озлобленности – скорее бы этот день кончился, скорее бы кончилось все, скорее бы Алина навсегда исчезла из его жизни. «Лондон модерн балет» выступает на сцене «Новой оперы». Алина открывала программу в качестве «приглашенной российской примы» – тем самым номером, который исполняла на крыше для Костиного клипа.

Глен Смолвуд, менеджер лондонской труппы, поначалу принял идею «приглашенной примы» в штыки. Он считал свой коллектив звездной труппой и не понимал, почему выступление его артистов должна предварять какая-то русская танцовщица, пусть даже самая замечательная. Но Артур поклялся Шепилову пробить это выступление и сумел убедить Смолвуда: если англичане начнут концерт с выступления русской старлетки, то это будет великолепный пиар-ход, о котором напишут потом все газеты. Убеждения подкреплялись результатами мифических фокус-групп. Смолвуд согласился, а поскольку давно хотел обновить состав труппы, отправив на пенсию несколько тридцатилетних танцовщиц, то даже пообещал Артуру рассмотреть Алину в качестве претендентки на место в своем коллективе. Разумеется, при

условии, что танцовщица ему понравится.

Когда помощник передал Смолвуду присланный по почте диск с танцем той самой «навязанной русскими менеджерами примы», Смолвуд ожидал чего угодно, только не зрелище, которое буквально пригвоздило его к месту. Он видел изыяны хореографии, видел технические ошибки, но взгляд профессионала с сорокалетним стажем сразу отметил, что девушка одарена сверх меры и создана именно для его балета. Высокий рост, длинные ноги и очень длинные руки как нельзя лучше передавали драматическую изломанность современного танца. От большинства современных танцовщиц балерину отличала могучая выправка хорошей классической школы. Такой бриллиант нельзя было упускать, и Смолвуд лично связался с Алиной по указанному на диске телефону и сообщил ей, что место в его труппе для нее фактически забронировано. Потом он позвонил Артуру, чтобы направить к своему близкому другу, лондонскому юристу, отрывшему в Москве юридическую фирму. Чтобы не иметь потом проблем с визами, для девушки нужно заранее подготовить контракт. Реакция Артура Смолвуда изумила – если ранее московский менеджер силком навязывал ему танцовщицу, то теперь начал вдруг мямлить, что «обстоятельства изменились и связываться с этой девушкой он больше не рекомендует». Артур услышал много любопытных вещей о своих деловых качествах и, поняв, что вот-вот потеряет доверие одного из ведущих балетных импресарио, пообещал все уладить. К мо-

менту приезда Смолвуда в Москву для Алины уже был составлен контракт, а свои люди в посольстве обещали оформить для нее документы за несколько дней.

Шепилова это больше не волновало. Алина умерла для него дважды. Первый раз, когда больно ударила его словами в хореографическом зале, и второй раз, когда сказала, что знает про его бизнес. Если она в самом деле узнала, как достаются ему деньги, между ними действительно все кончено. Он не сможет больше смотреть ей в глаза, не сможет выносить ее присутствие. На концерт в «Новую оперу» он, разумеется, не пошел.

Десятичасовой выпуск новостей НТВ Шепилов увидел на автомойке, когда белая моющая пена вьюгой запорошила стекла его «Хаммера». Большую машину мыли долго, и Шепилов включил портативный телевизор. Радостный голос дикторши сообщал:

– Новости культуры. В Москве с большим успехом прошли гастроли «Лондон модерн балет». Британцев провожали долгой овацией, но особенно приятно, что открывала концерт российская прима Алина Воронцова.

На экране появился концертный зал. Восторженная публика аплодировала стоя, со сцены зрителям раскланивались танцоры в странных двухцветных костюмах, напоминающих наряды королевских шутов. Среди них была Алина в черном сценическом платье: грациозно склонившись, она принимала из чьих-то рук гигантский букет гербер, лилий и хризан-

тем. Затем камера включилась уже за сценой. Все еще держа в руках неподъемный букет, сияющая, разгоряченная успехом Алина говорила чуть в сторону от объектива:

– Для меня это фантастическое событие, и я очень счастлива. Я благодарна всем, кто помог осуществиться моей мечте, в первую очередь, моему любимому человеку, который меня поддерживал...

– Хватит... – пробормотал Шепилов и выключил телевизор.

Рядом с огромной афишей «Лондон модерн балет», украшавшей фасад «Новой оперы», сиротливо стоял Костя, надевший по такому случаю единственный пиджак. Алина стояла около ярко освещенного служебного входа и, прижимая к груди грандиозный букет, давала автографы, смеялась, благодарила и дарила новоявленным поклонникам ослепительные улыбки. Освобожденные от тугого балетного пучка волосы снова спадали на ее плечи роскошными волнами. Костя смиренно ждал, не подавая виду, что имеет к этой блистательной танцовщице какое-то отношение. Он понимал, что должен гордиться своей возлюбленной, радоваться за нее, но вместо этого испытывал странную досаду – и сам же на эту досаду досадовал. Один вечер – а между ними словно выросла скала. Алина оказалась на ее вершине, а он, Костя, топтался внизу. Но это было не уязвленное самолюбие, отнюдь! Костя просто испугался. Любимую увлечет водоворот успеха

и долгожданного признания, она уедет в Лондон, у нее начнется новая жизнь, а он снова начнет с нуля долгий путь к собственной цели. Сумеют ли они сохранить близость и взаимопонимание?

Расписавшись на всех протянутых программках и рекламных буклетиках, Алина подошла к нему – радостно-возбужденная, полная энтузиазма.

– Так, сейчас поедem ужинать со Смолвудом. Я говорила ему про тебя, он обещал помочь с визой, без него будешь выбираться полгода. И он сказал, что у него есть знакомые на MTV..

– Это не он? – спросил Костя, кивнув в сторону лимузина, вырুলившего из-за угла.

Алина перебросила букет из руки в руку и устремилась к остановившемуся автомобилю. Из лимузина вышел благообразный седой джентльмен, одетый во все черное, и послал Алине голливудскую улыбку. Она ответила тем же.

– Hi, mister Smallwood!

– Hallo, my precious! You were great!

– Thank you...²

Смолвуд вопросительно посмотрел на приблизившегося Костю. Алина поспешно объяснила:

– This is Kostia, my boyfriend. I told you about him³.

² – Здравствуйте, мистер Смолвуд!– Здравствуй, мое сокровище. Ты была великолепна!– Спасибо... (англ.)

³ – Это Костя, мой друг. Я говорила вам о нем (англ.).

– Sure, sure... – любезно отозвался Смолвуд. Он перегнулся через открытую дверцу и, продолжая доброжелательно улыбаться, негромко попросил:

– Young man, could you please sit in the front for a while? We need to have a little private talk about the contract.⁴

Костя недовольно поморщился и пожал плечами:

– Шоу-бизнес...

Сев рядом с водителем, Костя повернулся к Алине. Девушка виновато посмотрела на него и по невидимой нити, соединявшей их сердца, побежала торопливая морзянка: «Не обижайся, дело, есть дело, мы все равно вместе». Костя улыбнулся, передавая по той же нити, что все понимает и не обижается, но Смолвуд бесцеремонно нажал кнопку на потолочном пульте, и невидимую нить как лезвием перерубила поднывавшая перегородка.

Машина тронулась по залитой огнями вечерней Москве. Костя угрюмо смотрел вперед. Неприятные предчувствия усиливались. Он не просто может потерять Алину, он ее уже теряет шаг за шагом! Сухопарый водитель бросил на него несколько сочувственных взглядов и наконец не выдержал:

– Твоя девушка?

– Да... – кивнул Костя.

– Ну слушай, о чем они там говорят. А то кто их знает, буржув.

⁴ – Да, конечно... Молодой человек, вы не могли бы сесть на переднее сиденье? Нам нужно обсудить наедине детали контракта (англ.).

Водитель щелкнул тумблером на потолке кабины, и из небольшого динамика полилась английская речь. Разговор, происходивший в салоне, был слышен не очень хорошо, Костя улавливал не все слова – но хватило и тех, которые он понял.

– Алина, – убедительно говорил Смолвуд, – это абсолютно невозможно!

– А если бы это был не бойфренд, а муж?

– Я не работаю с замужними артистками. Твои документы уже в посольстве. Через три дня мы будем в Лондоне. Ты входишь в репертуар, в ноябре у нас начинается европейский тур.

Повисла пауза. Видимо, Алина собиралась с силами, чтобы продолжать разговор.

– Но я не могу без него.

– Ты приобретешь больше, чем потеряешь, поверь мне. Скажи ему, что на визу нужно время, он сможет приехать через месяц. Потом еще через месяц. И еще... Ты поняла меня?

Еще одна пауза. Долгая. Бесконечная. Костя, прикрыв глаза, мучительно ждал.

– Я поняла, – слышался надтреснутый голос Алины.

На ближайшем перекрестке, когда лимузин остановился у светофора, Костя без суеты вылез из машины, мягко захлопнул дверцу и, ничего не видя перед собой, направился по неизвестной улице в неизвестном направлении. Ему было

все равно, куда идти.

Ночь набирала обороты: неоновая буква «А» на известном заведении в глухом переулке призывно пылала алым светом. Олег стремительно шел по длинной подземной улице «Амазонии» мимо факелов и рыцарских щитов к дальней витрине, где его ждала Юля. После единственного раза, когда они встретились вне заведения, Олег был у девушки еще трижды. Внешне все оставалось по-прежнему, но что-то изменилось. Олег охладел. Тот вечер, когда они гуляли по клубам, а потом поехали к ней домой, и она не взяла с него денег, был пиком их отношений. Потом все пошло на спад. Выплачивая взносы за квартиру, Олег не мог уже приходить к Юле три раза в неделю и понимал, что без дела девушка в «Амазонии» не сидит. Знай он, что легенда про трех клиентов была придумана для всех проституток лично Альбиной, которой хотелось подчеркнуть элитарность заведения, и на самом деле «нормой загрузки» были три-четыре человека день, он охладел бы гораздо раньше – практически сразу. Но он и всерьез верил, что какое-то время был у Юли одним постоянным гостем.

Направляясь к ней теперь, он уже понимал, что ему не раз «изменили», и разумнее будет не играть больше в любовь, а взять на два часа другую девушку. Хотя бы ту брюнетку со жгучим взглядом и копной до пояса. Олег был уже достаточно уверен в себе, чтобы не бояться сгореть в объятиях этого

секс-генератора. Но было неудобно перед собой... Юля «изменяла» ему по работе, а он, получается, просто бросит ее, перешагнув через свои слова, что ему, кроме нее, никого не надо. И не факт, что жгучая брюнетка окажется так же хороша. Вдруг откажется целоваться? Вдруг не будет с ним так же ласкова, как Юля?

Юля заметила из своей витрины его приближение и радостно улыбнулась. Олег издали помахал ей рукой, ускорил шаг и вдруг... плавно затормозил, словно влетел в какой-нибудь клей. В одной из витрин вытанцовывала сногшибательная рыжеволосая девица, которой Олег в свое время показывал в «Дягилеве» часы и предлагал «запомнить это время». От прежней неприступности не осталось и следа: заметив взгляд Олега, красавица повела бедрами, взмахнула длинными ресницами и послала ему воздушный поцелуй.

Юля, наблюдавшая за обоими из своей ниши, перестала улыбаться и танцевать, хотя это и было запрещено правилами.

– Олег! – позвала она негромко.

Олег посмотрел на нее, потом снова жадно оглядел роскошную фигуру рыжеволосой дивы. Соблазн был велик! И дело было не в том, что девушка затмила бы любую модель самого престижного порножурнала. Олег запомнил ее презрительный холодный взгляд в клубе. Его возбуждала произошедшая с красавицей перемена: теперь ее зеленые глаза смотрели на него призывно, игриво, чувственно.

Деньги были заплачены. Достаточно толкнуть витрину, войти внутрь и показать этой сучке такой жесткий секс, чтобы она билась головой об изголовье. А потом холодно сказать: «Что-то ты не очень... потренируйся на малолетках».

– Олег! – снова крикнула Юля, и в ее голосе прорезались нотки ревности.

Нет, пойти к рыжей на глазах у Юли Олег не мог. Он решительно отвернулся от порнодивы и направился к дальней витрине. Юля снова заулыбалась.

– Ну, – полушутя-полусердито сказала она, когда Олег вошел к ней в комнату, – повелся на рыжую, влюбленный ты наш, да? Повелся?

– Ну, повелся, повелся!.. Но я же верный, видишь!

– Убью! – игриво погрозила Юля и толкнула Олега в грудь.

Он со смехом повалился на кровать, над которой болтался гелиевый шарик в форме сердечка.

Томная бандерша Альбина поднялась из-за стола, приветливо улыбнулась и направилась к очередному гостю. Это был платиновый VIP-клиент, который обычно брал двух девушек на четыре часа и зависал с ними в лучших апартаментах с фруктами и шампанским.

– Я успела по вам соскучиться, – промурлыкала Альбина.

Стоящий перед ней Артур то ли криво улыбнулся, то ли просто поморщился.

– Свадьбой занимался.

– А-а-а... – понимающе протянула бандерша, отметив, что Артур выглядит издерганным. – Как обычно? Две на четыре?

– Да, и... можно тех же, что в прошлый раз?

– Так понравились?

– Да... Чувствуют друг друга.

– Для вас, что угодно!

Альбина подошла к телефону. Блондинка Барби, которую брал Артур в прошлый раз, была свободна, а ко второй девушке только что пришел гость. Но четыре часа приносили больше денег, чем два, и Артур был «платиновым» VIPOM. Альбина набрала номер.

Олег, сидевший на кровати в Юлиной комнатке, только успел расстегнуть рубашку, когда установленный у изголовья телефон внутренней связи издал резкий звук. Олег даже подпрыгнул от неожиданности – он считал эти вычурные позолоченные аппараты элементом декора, а они, оказывается, работают! Юля проворно скользнула по шелковому покрывалу и сняла трубку.

– «Платиновый» VIP. Через пять минут в шестую, – командовала трубка деловито и лаконично.

– Хорошо.

Вскочив, Юля принялась расторопно натягивать «рабочий» костюм «Амазонии» – короткое платье-кольчужку. На Олега она уже не обращала внимания. Он продолжал сидеть на кровати, не вполне понимая, что произошло, но чувство-

вал себя так, словно его обливают помоями.

– Ты куда?

– Олег, пришел постоянный клиент... – Юля, наклонившись к зеркалу, отработанным движением подвела губы: – Мне надо идти. Закажи себе любую другую девушку прямо сюда.

– Подожди... А я не постоянный, что ли? – закипел Олег.

– Ты не «платиновый». И он берет меня на четыре часа, – проинформировала его Юля. В ее голосе не слышалось ни тени сожаления. – Ты заплатишь за четыре?

Олег окинул Юлю самым презрительным взглядом, какой сумел изобразить.

– Зови рыжую!

Через два часа Олег стоял возле барной стойки содрогающегося в экстазе пятничного куража «Дягилева» и топил отвратительное настроение в текиле, накачиваясь ей, стопка за стопкой, как обычной водкой. Его мучила беспросветная тоска, которая навалилась не вдруг, а накапливалась в душе постепенно, а сегодня хлынула через край, заливая все его существо. Первый приступ депрессии случился пару недель назад, когда, проснувшись солнечным утром в своей замечательной квартире на недавно купленной кровати, Олег вдруг осознал, что стремиться ему больше не к чему. То есть желаний, которые хотелось бы осуществить, было множество: настоящие, а не поддельные часы, «Астон Мартин», загородный дом, речная яхта... Вот только осуществить эти желания

не представлялось возможным. Олег трезво понимал, что достиг потолка. За квартиру долго придется отдавать большую часть заработанных денег, представительскую машину он в ближайшее время не купит, стильный гардероб укомплектован, и пара лишних пиджаков ничего не изменит... Что же остается? Просто зарабатывать деньги, расходуя их на поддержание достигнутого уровня и спуская оставшееся по ночным клубам в погоне за ощущением счастья?

За пару месяцев своей богатой жизни Олег объехал почти все клубы и убедился, что посещать стоит всего шесть-семь заведений.

В этих местах собирались ухоженные мужчины в хороших костюмах и самые красивые девушки, возле входа стояли дорогие машины, внутрь почти всегда пускали через фейсконтроль. Попадая в такое место, Олег чувствовал, что работает и живет не зря: он наверху, он примкнул к той тонкой прослойке людей, которые вознеслись над огромной массой лузеров, наводняющих в это же время дешевые бары и дискотеки, чтобы налакаться там пивом и устроить потные танцы со своими целлюлитными подругами. Чувствуя это, Олег был искренне счастлив. Он посещал «статусные» места несколько раз в неделю, объезжал за вечер не меньше трех, и вскоре стал замечать, что ощущение избранности притупляется. Он привык к этому уровню, как привык к тому, что на нем хороший пиджак, это стало нормой. Потерять эту норму и опуститься ниже было бы для него кошмаром, но счастья

она стала приносить не больше, чем ясная солнечная погода, установившаяся на несколько месяцев кряду. Гроза и град разразились бы над Олегом, перестань вдруг Паша пускать его в «Дягилев», но и радости от этого было как от прохода в метро. Странная штука жизнь.

Впрочем, «Дягилев» еще радовал. Время от времени Олег замечал в толпе зашедших по трезвяку людей, у которых на лицах застыло растерянное выражение, а в глазах читался вопрос «что я здесь делаю?», и ловил себя на мысли, что, не влив в себя пару-тройку стопок текилы, он наверняка выглядит со стороны так же. Но уничтожить трезвость было делом двадцати минут, и можно снова куражно плясать, смотреть по сторонам с победительным видом и залихватски подмигивать красивым девушкам, не рассчитывая, Впрочем, ни с кем познакомиться.

Первое время Олегу казалось, что в «Дягилеве» его ждут десятки романтических приключений. Роскошные девушки набивались в клуб стаями, будоражили кровь полуобнаженными телами, манящими из-под одежды, словно сшитой по единому заказу для какой-нибудь улицы Красных фонарей в Амстердаме и по ошибке доставленной в Москву. Олег несколько раз пытался кого-нибудь зацепить, нарывался раз за разом на ответы вроде «я тебе пришлю эсэмэс, где я голая» и убеждался, что по неуловимому признаку «свой-чужой» его моментально зачисляют в «чужие», какой бы он ни надел костюм и каким бы количеством купюр ни посве-

тил ненароком около барной стойки. Девушки были разными, но всех объединяла одна черта – холод во взгляде, делавший самые красивые глаза похожими на фотоэлементы. «Своими» для них были нагловатые парни с таким же льдом в зрачках и пожилые мужчины, глаза которых были часто совсем потухшими. Олег начинал понимать, что эти красавицы почти не отличаются от работниц «Амазонии». Взяв это в толк, он был готов сделать Юле самое настоящее предложение. Может быть, не официальное, но видеть ее гражданской женой он вполне был согласен. Юля, по крайней мере, не считала его «чужим» и не скрывала сущность проститутки за маской «леди из высшего общества», как делали все эти «ровные собачки». Но вот огорчила и Юля... Легкость, с которой она побежала к «платиновому» клиенту, была для Олега непостижимой. Ни тени смущения, ни тени вины. А он, как дурак, демонстрировал ей «верность», отказавшись от рыжей порнодивы! Впрочем, порнодиву он все-таки получил. И она-то его окончательно добила...

Пригласив эту шикарную бестию, Олег вообразил, что станет для нее на два часа господином, покажет ей жесткий секс, заставит быть ласковой. Как бы не так! Она разделась перед ним, оставаясь шикарной даже в роли проститутки, а он почувствовал себя дешевым сопляком, которому подобные женщины могут отдаться только за деньги. Он пытался ее поцеловать – она отворачивалась. Он пытался ее возбудить – она механически отработывала свое время.

– Ты что, автомат? – вспыхнул он, когда она сбросила его руки со своих сосков.

Она удивилась.

– Чего тебе не нравится? Ты хотел меня трахнуть, ты меня трахаешь. Может, ты с чулками хочешь? Хочешь, чулки надену?

Он откинулся на подушку и безучастно позволил ей быстро доставить ему руками малоприятную разрядку. «Амазония», последний оплот счастья, обернулась разочарованием, которое перевесило все прелести.

...Олег заказал еще стопку текилы и залпом осушил стаканчик с солью на кромке. Как жить дальше с такой тоской, он не представлял, а как от нее избавиться, не знал и подавно. Ему вспомнился Костя. Живя под одной крышей в спортзале, они часто болтали о жизни, возвращаясь иногда к теме «статуса», затронутой впервые на набережной Парка Горького. Олег доказывал, что ограниченный Костя просто не замечает разницы между собой и более успешными людьми: не страдает от своего убожества, как некрасивый и предельно близорукий человек не страдает от неприглядности своего лица, видя его в зеркале таким расплывчатым, что черты кажутся правильными. Костя возражал, что не видит смысла «мериться членами» в системе ценностей, которую искусственно раздули за последние десять лет. В момент этих споров оба казались сами себе необычайно умными людьми, и это приятное чувство было самоцелью, – то, что каждый все

равно останется при своем мнении, оба уже давно поняли.

– Вот смотри, – говорил Костя, – ты купил себе эти «статусные» часы. Скажи честно, надев их на руку, ты реально чувствуешь себя лучше меня?

Олег замялся и со смущением понял, что его глупая полуулыбка ответила на этот вопрос положительно.

– Допустим, я признаю, что это круто, – согласился Костя. – Но с чего ты взял, что именно ЭТО определяет, кто лучше? Двадцать лет назад на часы никто не смотрел. Не было клубов, куда пускали или не пускали. Мы с тобой определяли бы, кто круче, совсем по-другому.

– Как, например?

– Ну, например, вот так...

Костя лег на тренировочную скамью, снял со стойки штангу и выжал ее девять раз. На грифе было восемьдесят килограммов. Не очень много, но Олег знал, что не выжмет этот вес и трех раз.

– Костян, ты еще предложи из лука пострелять и копье метнуть! – засмеялся он. – Меняется время, меняется система ценностей. Вопрос в том, какое место ты занимаешь в системе, принятой сегодня.

– А если еще через двадцать лет будет, как в том фильме? «Кин-дза-дза», помнишь? Круто носить малиновые штаны и плевать на головы пацакам.

– Буду зарабатывать на штаны. Или окажусь в пацаках, и мне будут плевать на голову. Ты это мне предлагаешь?

– Я вообще не хочу, чтобы мне навязывали какую-то систему, в которой я должен занимать какое-то место. Это же все придумано! Тебе каждый день талдычат: купите это, купите то... Проявите статус, подчеркните статус, ваш статус этого достоин... И ты ведешься, как папуас.

– «Новый «Лексус» – элегантность статуса», – вспомнил Олег. – Действительно, ерунда какая! «Жигули» лучше. Да, Костян?

– Я не говорю, что «Жигули» лучше «Лексуса». Я согласен, что у тебя классные часы. Я просто не хочу ощущать себя хуже или лучше, в зависимости от того, есть у меня это или нет. Это же гонка без конца! Ты купил «Карьте», другой чувак – «Ролекс». И что – ты рядом с ним пацак, он может тебе плюнуть на голову?

– Походу, расклад именно такой... – вздохнул Олег.

– Он такой, пока ты сам играешь по этим правилам. Я считаю, надо просто жить и получать удовольствие от того, что делаешь, – припечатал Костя. Он был уверен, что победа в споре осталась за ним. Очень уж надолго Олег замолчал.

Но Олег замолчал тогда, потому что не хотел бить Костю по больному месту. А ведь мог бы сказать, что получать удовольствие, монтируя доморощенные клипы, то же самое, что клеить детские модели самолетов и говорить: «Я чувствую себя не хуже Туполева». Если Косте не нравится материальная система ценностей, пусть приложит к себе другую. Сравнит себя с признанным клипмейкером, который делает кли-

пы для Бритни Спирс и Мадонны. Кто будет в этом сравнении пацак? Кто кому плюнет на голову? Нравится это Косте или нет, жизнь регулируют разные проявления статуса. И Алина, с которой он так носится, рано или поздно встретит какого-нибудь супертанцора, хореографа или балетного импресарио и скажет Косте: «Извини, дорогой, нам придется расстаться». И тогда он поймет, что «просто жить и получать удовольствие» получается ровно до тех пор, пока более «статусный» человек не забрал у тебя то, что ты любишь. Появится какой-нибудь «платиновый» VIP, блядь...

На глазах Олега выступили слезы, и он торопливо вытер их кулаком, чтобы никто не заметил. Плакать около барной стойки «Дягилева» было просто неприлично! Мотать сопли на кулак можно в каком-нибудь баре «Последняя капля», а здесь полагается быть победительно-успешным. Олег выпил шестую стопку. А может быть, Костя прав? Туполев, прежде чем стать великим конструктором, наверняка мастерил резиномоторные планеры и делал это с не меньшей страстью, чем разработку стреловидного крыла сверхзвукового Ту-144. Может быть отрешиться от пресловутого «статуса» и просто радоваться своему делу? Ведь работа Олега совсем не скучна! Каждый договор требует своего подхода. Бабульки, которые подчас готовы собирать бутылки, получают потом хорошую пенсию. А каким счастьем сияли глаза Ольги Сергеевны, когда она вернулась из Парижа! Вспомнив Ольгу Сергеевну, Олег улыбнулся: да, в его работе был смысл,

кроме денег. И можно было получать от нее удовольствие. Кстати, какая же он свинья! Забыл купить Ольге Сергеевне монитор. Завтра же найдет самый лучший и привезет ей в подарок. Она уже глаза, наверное, поломала о тот старый пузырь. А еще... А еще он попробует все-таки помириться с Костей.

Настроение Олега улучшилось. Он выпил еще стопку текилы, повел расфокусированным взглядом по сторонам и справа от себя вдруг обнаружил старых знакомых – Карину и Соню, приснопамятных блондинку с брюнеткой.

– Ба-а! – проорал Олег во всю глотку, чтобы перекрыть грохот музыки. – Кого я вижу!

Девушки повернулись к нему. Судя по их удивленному виду, они узнали Олега, но не могли до конца поверить, что его сюда пустили. Потом Карина просканировала взглядом его рубашку. Олег заметил это и довольно подумал: «Джан-франко Ферре, пятьсот баксов, хули ты думала!» Карина фыркнула, наклонилась к Соне и что-то ей прошептала.

– ... лох поднялся... – долетело до Олега.

Девушки отвернулись и слегка отодвинулись.

– А чего вы такие, «в образе»? – насел на них Олег. – Цену себе знаете, да?

Соня поджала губы. «Да, знаем, и для тебя эта цена высокая», – говорил ее надменный взгляд.

– Да ладно, расслабься! – усмехнулся Олег. – Двести баксов в час твоя цена! С аналом – триста!

Соня с Мариной посмотрели на Олега с таким ужасом, словно он потряс у них перед лицом живым тарантулом. Олег загоготал. В это время к девицам подошел широкоплечий амбал, холодный и наглый взгляд которого сразу определял его как «своего» для большинства девушек и «чужого» для Олега. С радостным возгласом он обнял Соню с Мариной за плечи – те повисли у него на шее.

– Здорово, котятки!

– Приветик! Мяу!

– Как вы здесь?

– Да так... – скуксилась Карина.

– Что такое?

Карина показала на Олега.

– Нам тут человек позитив рушит.

– Этот, что ли? – уточнил амбал, окинув Олега оценивающим взглядом. – Сейчас все решим, не вопрос!

И, намотав на кулак воротник рубашки от Джанфранко Ферре за пятьсот долларов, амбал потащил Олега к выходу.

– Да, ладно, чувак, чего ты... – пытался сопротивляться Олег.

– Идем, епта!

Амбал выволок Олега на улицу как нагадившего в доме щенка, приподнял за шиворот и развернул лицом к фейсконтрольщику.

– Паша, вот это говно сюда больше не пускай! – потребовал он и спустил Олега с лестницы.

Олег низвергся по ступенькам, влетел в толпу и униЗИтельно растянулся на асфальте. Падая, он услышал что-то про «черный список» и понял, что вход в это место закрыт для него теперь навсегда.

Несколькими часами раньше Костя стоял на лестничной клетке перед квартирой Алины и торопливо дописывал какое-то послание на вырванном из блокнота листке. Закончив, он сложил лист вдвое и вставил в дверь. Уйти он не успел: двери подъехавшего лифта раскрылись, и на площадку вышла Алина – утратившая внутренне сияние, усталая, без букета. Костя ступешевался так, словно его застали на месте преступления.

– Ты что-то быстро, – пробормотал он.

– Я уехала, как только увидела, что тебя нет. Что-то случилось?

Костя отвернулся, пряча глаза.

– Алина, я... слышал ваш разговор... Давай не будем ничего говорить...

– Костя, я не подписала контракт! – перебила его Алина.

– Как? – опешил Костя.

– Я не могу уехать, не решив, как быть с тобой. – Алина подошла ближе и вскинула на него трогательный, беспомощный, виноватый взгляд. – Я не могу все перечеркнуть. Я люблю тебя.

Костя переступил с ноги на ногу. Этого он и боялся. Али-

на оказалась перед неразрешимым выбором. Она не могла отказаться от блестящей балетной карьеры – не могла принести в жертву этой карьере свои чувства. Костя представлял, как она изведет себя. В конце концов, примет решение, которое в любом случае будет для нее губительным. Если она выберет карьеру, то будет казнить себя, что предала любовь. Если выберет любовь – будет казниться, что предала дело. И Костя решил взять выбор на себя.

В записке все было сказано. Алина не должна была застать его около квартиры, но раз это случилось, нужно побороть сомнения и довести дело до конца, пока ноющее сердце не начало теревить рассудок, подсказывая другие варианты. Костя поглубже вдохнул и с головой нырнул в черный омут.

– А я тебя... не люблю, – выдохнул он, быстро обошел остолбеневшую Алину и побежал вниз по лестнице, стараясь не анализировать свой поступок, не прислушиваться к звукам на лестничной площадке – вообще не думать. Ему нужно убежать как можно дальше, а уж потом, когда мосты за спиной догорят, можно будет оценивать масштабы нахлынувшей боли.

Глотая слезы, Алина медленно подошла к своей двери и вытащила из щели оставленную записку. Развернув маленький листок, она прочла: «Ты оказалась перед выбором, который заранее определен. Пройдя великий путь, ты шагнула на новую ступень и должна идти дальше. Я не смею быть помехой и благодарю за каждую минуту вместе. Костя».

Глава 21

Олег просидел в саду «Эрмитаж» до рассвета. «Дягилев» закрылся. Исчезли гармонисты-попрошайки и бабушки-цветочницы, впаривавшие по тройной цене потрепанные розы хмельным гулякам, которым неловко было отказать в цветах своим спутницам. Зашуршали щетками уборочные машины. Олег продолжал сидеть на лавке, устремив в пространство тоскливый потерянный взгляд.

– Ну и пусть мне будет хуже, – со злостью подумал он, достал мобильник и набрал номер, по которому не звонил с начала лета.

– Алло, – пробормотал на том конце трубки сонный мужской голос.

– Лену можно?

– Кто ее спрашивает?

– Это Олег.

«Сейчас разбудит ее, скажет: «Твой объявился», – думал Олег, пока отец Суслика будил свою дочь. Она решит, что я опомнился. Понял, что люблю ее. Черта с два! Не люблю я тебя, дура покорная. С тобой трахаться, все равно что ко-ту играть с полудохлой мышью. Ну и пусть! Хватит с меня «ровных собачек». Раз я для вас «чужой», катитесь и вы все от меня к черту! Пусть у меня будет Суслик, пусть мне будет хуже, но все-таки не так мерзко!» Суслик взяла трубку:

– Алло?

– Привет, Суслик, – хрипло сказал Олег.

– Привет, – ответила девушка так, словно они попрощались вчера. – Как Москва?

В середине дня выспавшийся Олег бодро шагал вдоль рядов микроволновых печей и бегло просматривал таблички с характеристиками, советуясь с Сусликом по прижатому к уху телефону.

– Суслик, режим сенсорной разморозки нужен? Понятно... А вот... С грилем и конвекцией? Кролика запекать – печка с грилем нужна? Все, беру самую лучшую. Нет, на поезд не бери – долго. Давай на самолет, деньги я отдам. Ну, конечно, встречу! Давай, Суслик, жду!

Олег убрал трубку, бросил взгляд в соседний зал и увидел ряды плоских компьютерных мониторов, над которыми висело красно-белое полотнище: «Скидка – 20%».

Через час он прислонил коробку с монитором к двери квартиры Ольги Сергеевны и нажал на кнопку звонка, предвкушая, как обрадуется бабенция его подарку. Пожалуй, можно будет даже остаться на чашку чая. Олег позвонил еще раз. Ответа не было очень долго. Наконец послышались шаркающие шаги, и из-за двери донесся слабый голос:

– Кто там?

– Ольга Сергеевна, это Олег. Я вам монитор для компьютера привез. Замотался, забыл совсем. Но лучше поздно,

чем...

Дверь открылась, и потрясенный Олег смолк на полуслове. Ольга Сергеевна, которую он запомнил энергичной пожилой дамой, превратилась в высохшую старуху. Удивительные глаза, покоровившие Олега при знакомстве, теперь потухли и выражали лишь бесконечную усталость. Олег сказал бы, что они помертвели, но это слово было уж слишком страшным, хотя суть перемены выражало наиболее точно. Казалось, за пару месяцев Ольга Сергеевна постарела лет на двадцать пять.

– Ольга Сергеевна, что с вами?

– Не знаю, Олежек... – Ольга Сергеевна зябко куталась в наброшенный на плечи шерстяной платок, и Олег с ужасом увидел, как трясутся ее пергаментные руки. – Что-то сдала...

– А я вот... экран... вам... – пробормотал Олег, перешагивая через порог.

– Да я уж и не работаю... Сил нет. – Ольга Сергеевна закашлялась и прислонилась к стене. – Правильно, видимо, говорят: «Увидеть Париж и умереть».

Олег застыл. «Париж... Нам для ремонта нужно ее куда-то отправить... Ремонт обязателен...» – вспомнил он, и его охватило страшное предчувствие.

– Ольга Сергеевна, я сейчас вернусь, – выпалил он и стремглав бросился вниз по лестнице.

За час он успел навестить двух окученных этим летом пенсионеров. Всего таких было около двадцати, но он вы-

брал ближайшие адреса. Сначала позвонил в дверь квартиры на «Новослободской», где жила старушка, запомнившаяся Олегу огромными роговыми очками и похожая из-за них на улитку. Этой бабушке он даже ничего не сказал: она открыла дверь, и Олег молча отшатнулся, пораженный той же метаморфозой ускорившегося старения. В панике он покатил к дому на «Белорусской», где жил бодрый старичок-ветеран, с которым они перед подписанием договора распилили бутылку хорошего коньяка. Около подъезда стояла «скорая помощь».

Олег ворвался в подъезд и пешком рванул на пятый этаж – лифт оказался занят. Он не добежал полпролета: дверь ветеранской квартиры хлопнула, и к лифту подошли два врача «скорой». Олег замер на месте.

– А дедок-то жениться хотел, – заметил первый врач, нажимая на кнопку наконец освободившегося лифта, – видать, баба его совсем заездила.

– Была бы баба – сдало бы сердце, – возразил второй. – А здесь хрен поймешь. Анемия... Как при лучевой болезни.

– Значит, термоядерная баба попалась! Врачи захохотали и поехали вниз. Олег словно прирос к полу – все это походило на ужасный сон, вырвавшийся из мира грез и воплотившийся наяву. Просто «Кошмар на улице Вязов»! Он вспомнил, как вгрызался в бетонную стену грохочущий в руках Юрца перфоратор... Как сыпалось на пол каменное крошево... Как в стене углублялась небольшая квадратная ниша...

По спине поползли капли пота.

Когда Ольга Сергеевна снова открыла дверь, Олег молча ворвался в квартиру и бросился в спальню. Так и есть, на месте выбитой в стене ниши красовалась какая-то парижская фотография. И что-то подсказывало Олегу, что за этой фотографией окажется вовсе не тайник с припрятанными Ольгой Сергеевной деньгами. Олег убрал фотографию, обнаружил девственно гладкую, покрытую свежими обоями стену и стал ее простукивать. Сразу нашлась пустота. Олег схватил с буфета железный макет Эйфелевой башни, взвесил в руке и с размаху ударил острым концом в место предполагаемого тайника.

– Олег, что ты делаешь? Олег?! – испуганно воскликнула Ольга Сергеевна, замершая в дверях спальни.

Проигнорировав вопрос, Олег ударил еще раз. Обои провалились, затрещала прикрывающая нишу отштукатуренная фанерная перегородка. Олег нанес по тайнику еще несколько остервенелых ударов, и рассыпавшаяся в щепки фанерка упала на пол вместе с кусками свежей штукатурки. В аккуратной квадратной нише под лохмотьями разорванных обоев притаился небольшой круглый контейнер с черно-желтым значком радиоактивности. Контейнер был открыт. Круглая свинцовая крышка лежала рядом в этой же самой нише.

Костя сидел перед монитором своего компьютера, в ко-

торый раз пересматривая танец Алины. В экстравагантной клубной квартире «Третий путь» творился настоящий бедлам. Была суббота, и в комнаты набились десятки пестрых личностей, причисляющих себя к столичному андерграунду. Неизвестные художники, известные в узких кругах музыканты, маргинальные поэты и прочие представители безденежной богемы пили водку, которую традиционно подавали здесь в граненых стаканах, говорили «за жизнь» и делились друг с другом творческими планами. Один хвастался, что выпускает первый альбом, сокрушаясь, что первый тираж будет всего двести дисков, «но если пойдет, станет хитом продаж», второй приглашал на выставку своих инсталляций в Бибирево, третий читал неожиданно смешные и талантливые стихи. Взрывы хохота долетали до Кости из соседней комнаты через толстую фанеру, которой он закрыл дверной проем, чтобы обеспечить себе хоть какую-то обособленность.

В этой квартире невозможно было найти покой, но постоянная тусовка отвлекала Костю от терзавшей его боли. Окажись он в пустом жилище один на один с собой, состояние его сделалось бы невыносимым. Только теперь он понимал, от чего ему пришлось отказаться.

Алина была настоящей половинкой – той самой, которую многие люди тщетно ищут годами. Между ними не было испепеляющей страсти, не было излишнего притяжения, сладостного, но нервозного. Они просто составляли одно гар-

моничное целое, и оба поняли это в первый момент памятной встречи в Камергерском. Хрупкая женственность Алины дополнялась Костиной мужественностью, а его юношеское легкомыслие уравнивалось ее зрелостью, приобретенной за годы балетной учебы. Оба были артистичны по натуре, оба мечтали творить. Им были смешны одни и те же вещи, одни и те же явления вызывали у них восхищение или неприязнь. Но одновременная неприязнь к чему-то как будто взаимоуничтожалась, а одновременное восхищение складывалось, становилось вдвое сильнее.

А как им было хорошо в постели! Костя не мог похвастаться большим количеством девушек до Алины, но четыре подружки, с которыми он успел повстречаться и по разным причинам расстаться, помогли ему составить о близости полное представление. Но это представление было похоже на знакомство с музыкальными инструментами: вот труба, она играет вот так; вот литавры – когда они ударяют, получается такой звук; вот скрипки – они могут заиграть так пронзительно, что навернутся слезы. Все это было здорово, но только с появлением Алины звуки всех инструментов сложились вместе, и грянула симфония. И самое главное, когда эта симфония завершалась последним ударным аккордом, между ними не возникало отчуждение. Наоборот, они становились ближе, могли до утра говорить о самых разных вещах, чтобы на рассвете окунуться в симфонию снова и лететь потом каждый по своим делам, как на крыльях, словно ночь не

была бессонной.

Потерять Алину было очень больно, и совсем тоскливо было осознавать, что другой такой встречи никогда больше не будет. Костя не был пессимистом. Он трезво понимал, что нельзя два раза в жизни выиграть миллион в лотерею; нельзя встретить второго человека, который подходит тебе абсолютно во всем. Допустить подобную встречу – значит предположить, что где-то в мире существует еще одна Алина, и небеса будут так добры, что соединят их вместе, дважды подарив одному и тому же человеку самое большое счастье, в то время как тысячи несчастных мучаются, не в силах найти себе пару. Вряд ли небеса могут быть так прицельно щедры.

Зазвонил телефон. Костя схватил трубку и со страхом посмотрел на дисплей. Если Алина позвонит попрощаться, если он услышит ее голос, это не принесет ничего, кроме новых страданий.

Но это был Олег. Костя не общался с ним с тех пор, как они поссорились, и не очень хотел общаться теперь. Но обиды в душе не осталось.

Во всяком случае, напускать на себя нарочитую прохладу Костя не стал.

– Здорово, Олег, – сказал он спокойно и даже приветливо.

– Костян! – Олег шагал к своей машине, на ходу сжимая кулаки и жмурясь, как от боли. – Я дерьмо, я предатель, я подонок. Но друзей, кроме тебя, у меня нет и обратиться больше не к кому. Я могу приехать?

– Пиши адрес, – ответил Костя, сразу поняв, что стряслась настоящая беда.

Олег добрался быстро. Не прошло и получаса, как он уже метался по Костиной комнате, сбивчиво пересказывая события этого дня, захлебываясь словами и чуть не плача. Костя молча слушал, прислонившись к стене, из-за которой по-прежнему долетали стихотворные строчки и взрывы хохота. В квартире все также царил бедлам, но ужасные вещи, которые Олег рассказывал, потрясли Костю настолько, что посторонний шум он перестал слышать.

– Я так попал, Костян! – выл Олег, ударяя себя кулаками в грудь. – Я так попал! Я контейнер вынес в мусорный бак, сам облучился, наверное, но что толку? Я этих стариков с июня человек двадцать окучил!

– Надо ментам на них заявить, – уверенно сказал Костя.

– А как я докажу, что не знал?! – заскулил Олег. – Как?! Меня сначала с ними посадят, а потом грохнут в тюрьге. Господи, провалиться бы куда-нибудь!

Он бессильно привалился к противоположной стене и закрыл глаза. На несколько секунд в комнате воцарилось траурное безмолвие.

Наконец Костя решительно поднял голову:

– Ты помнишь адреса стариков?

– Примерно...

– Садись, записывай.

Олег пристроился в углу с блокнотом, а Костя, снова за-

няв место у компьютера, запустил файл с самой первой снятой в Москве свадьбой – той самой, где друг жениха называл себя Велюровым, а невеста с завистью провожала взглядом перевязанную бантом моторную лодку.

– Знаешь, что такое «Эффект Кулешова»? – спросил Костя, щелкая мышкой.

– Что? – нервно спросил Олег, хотя это вряд ли было ему сейчас интересно.

– Два смонтированных плана создают единство места и времени... Ты большой домкрат найдешь?

Набережная Москвы-реки быстро остывала после короткого солнечного дня, стремительно сменявшегося прохладным октябрьским вечером. Длинные тени, еще час назад размытые осенним маревом, становились резче и четче. Олег стоял перед открытым капотом своего «Бумера», прижимая к уху мобильник, и засовывал под тросик дроссельной заслонки какую-то тряпку.

Движок взревел на повышенных оборотах.

– Запустил! – крикнул Олег в трубку, перекрикивая моторный рев.

– Дверь не забудь открыть! – напомнил Костя, стоявший метрах в ста от машины с включенной камерой.

Олег захлопнул капот, стремительно обошел автомобиль, дернул за ручку дверцу и кинулся к багажнику. Задние колеса, вывешенные на домкрате, бешено крутились в воздухе.

Сев на корточки, Олег повернул винт домкрата и скомандовал:

– Снимай!

Машина коснулась крутящимися колесами асфальта, взвизгнула шинами и понеслась в сторону набережной. Олег печально посмотрел «Бумеру» вслед и зажмурился, чтобы не видеть его бесславную кончину. Он ни за что не хотел расставаться со своей «эмочкой», но Костя настаивал, а Олегу очень хотелось, чтобы его кто-нибудь спасал. И он во всем положился на волю друга.

Машина неслась прямо на Костину камеру. Он изловчился и успешно снял, как автомобиль пролетел мимо, врезался в ограду набережной, пробил ее и, описав в воздухе дугу, рухнул в реку. Подбежав к пробитой ограде, пунктуальный Костя отдельно снял погружение машины в воду. Когда желтая крыша «Бумера» скрылась под бурыми маслянистыми волнами, к Косте подбежал запыхавшийся Олег с домкратом и толстой папкой.

– Ну как?

– Порядок. Бросай, – велел Костя, выключая камеру.

Олег послушно бросил папку на асфальт рядом с пробитым ограждением – вложенные в нее блокнотные листки показали из-под растегнутой молнии.

– А это вниз!

Размахнувшись, Олег швырнул домкрат в воду.

– Ну, все... – подытожил Костя. – Вызываем ментов. Пря-

чемся, ждем, пока подберут папку, и на вокзал.

Глава 22

Желтый «БМВ» еще опускался на дно, когда в дверь квартиры Ольги Сергеевны позвонил Игорь Исаев. Он не подозревал ничего дурного – просто принес бабушке третью по счету пенсию. По его расчетам, принести оставалось еще одну-две – не больше.

– Олег? – послышался из-за двери усталый больной голос.

– Ольга Сергеевна, это Игорь Исаев, – отозвался Игорь жизнерадостно. – Я вам денежку принес.

Ольга Сергеевна приоткрыла дверь и выглянула.

– Что вы сегодня толпой? Игорь театрально осмотрелся:

– Где толпа?

– Олег ваш прибежал, стену разбил... Игорь переменился в лице:

– Стену разбил? Вы позволите?

Не дожидаясь ответа, он отодвинул Ольгу Сергеевну в сторону, быстро прошел в спальню и сразу увидел зияющую в стене пустую дыру.

Спустя сорок минут в подземном гараже под офисом «Хрустального дома» шло экстренное совещание.

Игорь, Юрец и Шепилов полукругом выстроились перед Сергеем Борисовичем, который обводил их тяжелым взглядом, не выпуская изо рта сигареты – так ему было легче осмысливать информацию. Все старались сохранять внеш-

нее спокойствие, но в воздухе витало такое напряжение, что, казалось, слышится звон натянутых нервов.

– Он точно все понял? – еще раз уточнил Сергей Борисович.

– Да все он понял, – грубовато ответил Игорь, с трудом себя сдерживая. – Морилка вскрыта, излучателя нет.

– Дома не появлялся, телефоны не отвечают, – добавил Шепилов.

– По своим гаишным пробить надо, – подал голос Юрец. – «Бэху» не бросит – на тачке свалит.

Сергей Борисович согласно кивнул.

– С бабкой что? – деловито поинтересовался Игорь.

– Бабуля без шума сама откинется, – прошелестел Сергей Борисович, выпуская дым. Сейчас его голубые глаза казались почти белыми. – Пацана-гниду к утру найти и придать. Кто-то еще может знать?

Шепилов облизнул пересохшие губы. Игорь посмотрел на него, переглянулся с Юрцом, и они вместе пробуравили его испытующим взглядом, предоставляя возможность все сказать самому. Шепилов напряженно молчал, глядя в пол. Игорь и Юрец снова переглянулись. Игорь кивнул в сторону Шепилова и с неожиданной брезгливостью сказал:

– Его бывшая знает.

– Да ты чего?! Чего она знает? Ничего не знает! – вскинулся Шепилов, но сразу понял, что врать бесполезно.

Он посмотрел на шефа и наткнулся на тяжелый ледяной

взгляд василиска, от которого хотелось провалиться сквозь бетонные плиты.

– Ну, даже если знает... – заюлил Шепилов, сдуваясь на глазах. – Все равно она завтра в Лондон улетит. И все.

Последние слова он добавил непослушными губами почти шепотом.

– И все? – переспросил Сергей Борисович с угрожающей издевкой, и в гулком сумраке гаража эти слова прозвучали как приговор.

Шепилов попятился.

– Ты куда? – насмешливо спросил Игорь, одновременно с Юрцом делая к нему полшага.

Шепилов бросил короткий взгляд на одного, на другого и вдруг, круто повернувшись, бросился бежать по проходу между машинами. Все трое метнулись за ним.

Ворвавшись в подсобное помещение гаража, Шепилов захлопнул железную дверь перед носом преследователей и, навалившись на нее всем телом, выхватил мобильник. Дверь сотрясалась от мощных толчков, но Шепилову каким-то чудом удавалось удерживать ее и одновременно набирать номер.

– Алина! – закричал он в трубку. – Алина, слушай меня внимательно!!!

Больше он ничего не успел сказать. Дверь поддалась под утроенным натиском, Шепилов упал на пол, закрывая голову руками, и на него обрушился град безжалостных ударов.

Из отлетевшего в сторону телефона послышался мелодичный голос:

– Если я не могу подойти, значит, я репетирую. Оставьте свое сообщение, и я вам перезвоню. Пока!

Вытянувшиеся тени посерели, смешались с надвигающейся синевой и совсем пропали: наступил ранний осенний вечер. Артур с тестем, наслаждаясь последней возможностью отдыхать во дворе без курток, по-семейному сидели перед своим домом и жарили на гриле рыбу. Генерал отпил из бокала белое вино и продолжил начатую байку.

– ...И вот этот красавец, у которого на счету не один миллион, заказывает в «Царской охоте» «поляну» для совета директоров, подзывает официанта и говорит: «Завтра принеши нам счет, все будут кричать: «Дай мне! Дай мне!» Я буду кричать громче всех. Вот тебе сто долларов – мне его не давай!»

Артур угодливо рассмеялся и перевернул на решетке аппетитную на вид дораду, от которой исходил столь же аппетитный аромат. На столе запиликал бондаревский мобильник. Генерал мельком взглянул на дисплей и поднес трубку к уху:

– Да, Сереженька! Да... Та-а-ак...

Бондарев поднялся и, грузно ступая, направился в дом. Прежде чем продолжить разговор, он прикрыл за собой застекленную дверь, но притихший Артур прекрасно слышал

в вечерней загородной тишине каждое слово.

– Сереженька, ты этих людей в дело взял, ты с ними и разбирайся. Кто еще? А мне плевать, что балерина! Хоть Майя Плисецкая!

Артур вздрогнул и поерзал на деревянном шезлонге, весь превратившись в слух. Бондарев продолжал метать громы и молнии.

– Наследил – убери! Или я твою шайку-лейку сгною пожизненно! Понял меня, дорогой?!

Отключив телефон, Бондарев снова вышел в сад. Артур, стараясь ничем себя не выдать, продолжал невозмутимо переворачивать рыбу на решетке.

Бондарев приблизился.

– Артур. – Это прозвучало как объявление обвинительного вердикта.

Артур медленно поднялся. Его затрясло.

– Артур, я люблю Вику, Вика любит тебя, – Бондарев, как всегда, говорил внушительно, каждое слово падало камнем. – Но если за стены этого дома хоть раз улетит лишнее, ты улетишь следом.

Артур улыбнулся самой обезоруживающей улыбкой, на какую был способен.

– Виктор Семенович, – сказал он, преданно глядя тестю в глаза, – рыба готова.

Артур не мог слышать, что ответил Бондареву по телефо-

ну Сергей Борисович, но примерно догадался. А ответил тот, сидя за рулем «Хаммера», коротко и без затей:

– Я все понял, Виктор Семенович. Наследили – уберем.

«Хаммер» в этот момент стоял около пристани «Болото-во». Игорь и Юрец открыли багажное отделение, выволокли тело мертвого Шепилова со следами страшных побоев и поволокли его к воде. Следом достали и подтащили тяжеленный бидон, до отказа набитый камнями. Игорь сел на корточки и сноровисто пристегнул наручником к рукоятке бидона правую руку покойника. Юрец взял убитого Шепилова за левую руку и начал торопливо стаскивать с запястья золотой «Филипп Патек» – часы ему давно нравились.

Игорь усмехнулся.

– Юрец, ну что ты за человек... Не крохоборствуй!

– Котлы жалко...

Тугой браслет не расстегивался, и Юрец сопел и пыхтел.

– Котлы ему жалко... – передразнил Игорь, проверяя наручники. – Давай, быстрее разбирайся с котлами!

Юрцу удалось наконец справиться с браслетом, он быстро сунул снятые часы в карман и, кряхтя, поднялся. Окоченевшая рука Шепилова секунду повисела в воздухе, потом медленно упала на грудь.

– Все, что ли? – уточнил Игорь. – Ну давай. Раз-два – взяли!

Они положили бидон с камнями Шепилу на грудь, с усилием подняли тело за руки и за ноги, качнули и бросили в

воду. И Леша Шепилов, меценат и покровитель балета, красивый парень и бандит средней руки, камнем пошел ко дну у заброшенной пристани «Болотово», навсегда унося с собой безответную любовь к русоволосой танцовщице.

Глава 23

До полуночи оставалось минут пять. Олег торопливо шел вдоль вагонов поезда «Москва-Мурманск», отправлявшегося в 24.00, по иронии судьбы опять к шестнадцатому вагону. Опять к Суслику, кинотеатру «Космос» и деревянной скамейке в сквере... Вот ведь судьба-шутница... Зло пошутила.

– Кассету передам в «Криминальные новости», – говорил ему шагающий рядом Костя, огибая расставленные около состава сумки и чемоданы отъезжающих. – До ментов по Любому дойдет.

– Костян, ты супердруг. Буду в Москве через пару лет – надеюсь, не забудешь... Подождите!

Олег ускорил шаг и почти бегом добрался до своего вагона, проводница которого уже убирала подножку.

– Ну давай...

Друзья обнялись. Олег хлопнул Костю по спине и забрался в вагон. Вещей у него с собой не было. Зайти на квартиру он не рискнул, и уезжал налегке, бросив, словно на поле боя, все недавние приобретения.

– Костян... – Олег высунулся из дверей, держась за поручни. Его голос вдруг по-ребячьи задрожал. – Если что... я за тебя десятерых порву!

Быстро отвернувшись, чтобы Костя не успел заметить выступившие слезы, Олег скрылся в тамбуре. Равнодушная

проводница закрыла дверь.

Поезд тронулся, потом начал набирать скорость, а Костя, моргнув пару раз, словно в глаз попала осенняя паутинка, все смотрел вслед удаляющимся красным фонарикам. Он опомнился, только услышав требовательный звонок своего мобильного. Костя достал телефон и устало приложил трубку к уху:

– Да...

Из телефона послышалась короткая отрывистая речь. Можно было понять, что позвонивший вначале долго набирался мужества и подбирал предельно ясные слова, потом, наконец, решился набрать Костин номер и теперь старался передать заготовленный текст как можно быстрее и четче.

– Это Артур. Во-первых, забудь, что я звонил. Во-вторых, слушай. Твою Алину хотят убить. Это не шутка. Если узнают, что я тебя предупредил, мне конец. Но я твой должник. Увози ее из города.

Пикнул гудок отбоя, и связь прервалась. Костя застыл на месте, забыв опустить руку с трубкой – ошеломленный и потрясенный. Он думал, что неприятности закончились, а они только начинались.

Алина устроилась на диване, положила на колени подключенный к Интернету ноутбук и набрала в поисковой системе свое имя. Она уже знала, что ее выступление на сцене «Новой оперы» заметили балетные критики, и хотела проверить,

появился ли какой-то отклик.

Сразу же открылась большая статья с и помпезным заголовком «Российская прима лондонского балета» и фотографией Алины. Машинально заплетая волосы в косу, Алина принялась читать статью, но слова путались перед глазами – слишком будоражили душу мысли о предстоящих переменнах и случившихся потерях.

Завтра утром огромный «Боинг» должен был перенести ее в другую страну, где началась бы новая жизнь. Эта жизнь была известна – Алина хорошо ее представляла: бесконечные репетиции, поездки, выступления на сценах мировых столиц, снова репетиции. Будет все то, к чему она стремилась, выворачивая по восемь часов ноги в балетном классе хореографического училища и два года переучивая потом свое тело на совершенно другие движения. Будет ощущение самореализации, появится финансовая стабильность, уверенность, независимость. Скорее всего, она даже вернет Шепилову, потраченные на нее в свое время деньги. Разумеется, не прямо в лоб, а, допустим, подарив ему на день рождения хороший автомобиль. (О том, что автомобиль Шепилову больше никогда не понадобится, Алина не знала.) Все обещало быть «просто офигенно», как поется в известной песне, за исключением одной детали – в грядущей замечательной жизни не было места Косте, а без него все заманчивые достижения вдруг показались бессмысленными. Конечно, она не останется одна. Рядом появится какой-нибудь тан-

цор, хореограф, очередной влюбленный в искусство бизнесмен... Только все это будет не то. Потому что «то» у нее уже было и осталось в прошлом.

Прошлое ворвалось в настоящее резким дверным звонком. Удивленно посмотрев на часы, на которых было полпервого ночи, Алина отправилась в прихожую.

– Кто там? – тревожно спросила она.

– Это я, Костя! – отозвался из-за двери запыхавшийся срывающийся голос.

Алина вздрогнула и секунду помедлила, пытаясь придумать, как следует себя вести и какую выдерживать линию – играть глубокую обиду, презрительное равнодушие или страстное желание примириться. Выбрать не получилось, и она решила оставить выбор за Костей. Что он, интересно, скажет ей, вломившись посреди ночи?

Но Косте было не до тонких любовных эмоций. Когда Алина открыла дверь, он ворвался в квартиру так, словно по пятам за ним гнались убийцы (то, что это на самом деле, Алина даже не предполагала).

– Когда ты летишь? – выпалил он, задев девушку кофром с видеокамерой и даже не извинившись.

– Завтра утром, – ответила Алина, смешавшись.

– Билет, паспорт, виза у тебя?

– Да, а что случилось? – Она никак не могла понять, что к чему.

Костя вбежал в комнату и осмотрелся.

– Собирайся! У нас две минуты. Бери самое необходимое...

Увидев на диване включенный ноутбук, он метнулся к нему.

– Интернет работает?

– Ты можешь, наконец, объяснить, что случилось? – крикнула Алина во весь голос.

Через три четверти часа оранжевый «тигренок» мчался к выезду из столицы. Сидящему за рулем Косте повезло: машина попала в «зеленую волну» и неслась по ночному городу без остановок. По дороге Костя с пятого на десятое пересказал Алине все, что узнал от Олега.

– Теперь понятно? – спросил он, заканчивая свой рассказ. – Эти люди будут убирать всех свидетелей.

– Но я ничего не знаю! – ошеломленно воскликнула Алина. – Вика намекнула, что у них грязный бизнес, и я решила просто напугать!

– Взяла на понт? Молодец! – мрачно съязвил Костя, хотя и ему, и перепуганной Алине было не до шуток. – Они тебя за это шлепнут, как мышшь!

Поежившись, Алина машинально прижала руку к шее. «Тигренок» миновал пост ГИБДД и перечеркнутую надпись «МОСКВА» на окружной дороге и понесся по темному пригородному шоссе.

А пружина мышеловки в самом деле натягивалась. Сначала тишину опустевшей квартиры Алины нарушил тихий металлический лязг. Потом дверь почти бесшумно открылась, и в прихожую мягкими шагами вошли Юрец с небольшим фонариком и его голубоглазый красавец-шеф. Сергей Борисович настороженно осмотрелся, потом кинул через плечо:

– Ну что, медвежатник, руки помнят?

– Да ладно, чего там помнить, – скромно ответил польщенный Юрец. – Китайские засовы... Ждем, пока придет?

– Чего ждать? – Сергей Борисович плавно притворил дверь. – Шмонай квартиру. Билеты, визитки, записные книжки – все, за что зацепиться можно. Со спальни начинай. Свет не включай. И с фонарем аккуратнее.

Кивнув, Юрец отправился по темному коридору в сторону спальни. Сергей Борисович прошел в гостиную, сумрак которой нарушало едва заметное мерцание забытого на диване ноутбука, и набрал номер на своем мобильнике.

– Але, Игорь, это я. Ну что твои гаишники? План «перехват» как всегда «не дал результатов»?

Игорь стоял в это время на набережной Москвы-реки, непривычно оживленной в это время суток. Метрах в двадцати от него шла усиленная работа: мощный подъемный кран вытягивал из воды искореженный желтый «Бумер», с которого потоками текла вода. Рядом на набережной стояли машины МЧС, милиции и «скорой помощи». Сотрудники вышеперечисленных служб суегились вокруг, матерясь и

давая указания друг другу. На маленьком причале возле самой воды разоблачались два водолаза.

– Течение на дне... – долетели до Игоря слова одного из них, – дверь тачки открылась, жмура в Астрахани ловить можно.

Игорь прикрыл телефон ладонью и негромко сказал в трубку:

– У нас проблемой меньше. Приеду – расскажу. Все, выдвигаюсь к вам.

Он отключил мобильник и исчез в темноте, не увидев, как через пару минут на набережную мягко въехал черный «Мерседес» с мигалками. К машине мгновенно подошел лейтенант милиции. Затонированное стекло слегка опустилось, и лейтенант склонился в почтительном полупоклоне:

– Старший лейтенант Бахоцкий. Нашли на месте происшествия папку с документами. Сразу вызвали вас.

И он сунул в приоткрытое окно «Мерседеса» брошенную Олегом папку.

Дом отдыха «Дубки» в первую очередь удивлял отсутствием больших и малых дубков – вокруг, насколько хватало глаз, ровными рядами росли сосны: ровные и стандартно-одинаковые, как гигантские карандаши из одного набора. Воздух был насыщен пряным хвойным ароматом, смешанным с терпким запахом увядающей травы. Пасмурное ночное небо опустилось так низко, что почти касалось верхушек

деревьев: казалось, оно даже усиливает сосновый аромат, создавая эффект парника.

Костя уверенно шел по территории дома отдыха, освещенной редкими тусклыми фонарями. Он не сомневался, что самая широкая дорожка, да еще покрытая потрескавшимся асфальтом, непременно выведет к административному корпусу. Алина с небольшим чемоданчиком на колесиках следовала за своим спасителем, стараясь не отставать – теперь она безропотно выполняла каждое его указание.

Бугристая дорожка действительно вывела их к зданию администрации. Костя зашел, а Алина осталась у входа и стала перебирать в уме забытые второпях вещи: туфли к черному платью, зарядка для телефона, фен, ноутбук, косметичка... Костя сбежал по ступенькам и помахал ключом с деревянным брелоком-бочонком.

– Дали лучший коттедж. Можно было поехать ко мне, но за городом надежнее ..

Алина кивнула.

– Главное, добраться завтра до аэропорта, – наставлял Костя, пробираясь к коттеджу теперь уже по узенькой, петлявшей между сосен тропке. – Даже если они узнают номер рейса, на людях ничего не сделают. Ну а тут можно спать спокойно.

– Теперь я уже не усну. Вещи занесем и погуляем, ладно? – Алина набрала полную грудь кристально-чистого хвойного воздуха. – Хорошо, что сюда приехали.

– Интернет – сила! – радостно отозвался Костя, не переставший обожествлять Интернет даже после случая с риелтором Максимом.

Оставив в коттедже чемодан и кофр с камерой, они вышли прогуляться и, покружив немного в темноте по тропинкам, вышли на опушку возле лодочной станции, где словно выброшенные на берег тюлени, лежали вверх дном приготовленные к зиме лодки. Алина молча присела на одну из них. Костя пристроился рядом. Вдалеке прогрехотал неожиданный осенний гром. Теперь, когда все ужасы, как казалось обоим, остались позади, им хотелось говорить только о своих отношениях. Ничего более важного для них не было, но заговорить об этом было непросто.

– Ты меня тогда просто убил... – нарушила молчание Алина, глядя на пожухлую траву, усеянную сосновыми шишками. – Но потом я прочитала письмо... – Она повернулась к Косте и посмотрела ему в глаза. – Забудем про Лондон, представим, что никакого контракта нет. Что ты ко мне чувствуешь?

Костя ногтем сколупнул кусочек краски со дна лодки. Синяя чешуйка скользнула вниз и затерялась среди травы и старой хвои. Он хотел сказать Алине самое важное, но все подходящие слова были так затерты частым употреблением в эстрадных песенках и дешевых сериалах, что прозвучали бы в этом строгом хвойном лесу невозможной пошлостью.

И Костя начал издалека:

– Помнишь нулевой километр? – спросил он, с трудом сдерживая внезапную дрожь. – Что ты загадывала, когда бросала монетку?

– Станцевать самый важный в жизни танец. А ты?

Костя помолчал и заговорил так искренне, как никогда в жизни:

– Я загадал, что хочу всегда быть с тобой. Я никогда ничего не хотел так сильно. Теперь хочу еще сильнее.

– Я тоже, – честно прошептала Алина.

– Ты сможешь приезжать... – порывисто шептала она уже в темноте спальни, прижимаясь к Косте всем телом. – Просто покупать тур. Подумаешь, Лондон... Ничего не стоит приехать... Мы все равно будем вместе...

Гремел гром. По двускатной крыше большого коттеджа грохотали капли холодного дождя. Костя слушал страстный шепот Алины и заставлял себя верить, что они в самом деле смогут сохранить отношения, невзирая на предстоящую разлуку.

Утомленный непривычной умственной работой Юрец сидел за секретером в гостиной и громко читал вслух надписи на извлеченных из ящиков визитных карточках:

– Заказ такси, экспресс-почта, доставка блюд...

– Можно про себя? – раздраженно пресек его Игорь, копошившийся в стенном шкафу в прихожей.

– Лучше про тебя! – огрызнулся Юрец, отшвыривая изученные визитки. Время близилось к утру, и ему дико хотелось спать.

– Борисыч, посмотри, что еще нашел... – Игорь двинулся к Сергею Борисовичу с потрепанной записной книжкой.

– Уже не надо, – Сергей Борисович щелкнул по клавише ноутбука, который тщательно изучал, удобно устроившись на диване. – В половине первого были просмотрены сайты: Дом отдыха «Дубки», Дом отдыха «Бор», Дом отдыха «Сосны». Все ясно?

Глава 24

Дождь закончился перед самым рассветом. Прохладное утро встретило Костю с Алиной промозглостью и молочным туманом. Они быстро прошли к автомобильной стоянке, и Костя надавил кнопочку затертого брелока сигнализации – малыш «тигренок» радостно пискнул, разве что не вильнул хвостом. Алина с любовью погладила «Фольксваген» по оранжевому боку.

– «Тигренка» оставь себе, – сказала она, пока Костя укладывал в багажник чемодан и кофр. – Доверенность от руки напишешь.

– Спасибо! – Костя признательно улыбнулся.

«Тигренок» неспешно выехал на шоссе и покатил от «Дубков» в сторону Москвы. Бледная Алина устало прислонилась головой к стеклу дверцы. Костя бросил на нее взгляд и улыбнулся, как добрый рыцарь:

– Поспи, в аэропорт два часа ехать.

Послушно закрыв глаза, Алина откинулась на спинку кресла.

Черный «Хаммер» неумолимо двигался по той же дороге навстречу беспечному «тигренку». Их разделяло уже не более километра. Вел джип сосредоточенный Сергей Борисович. Рядом, с картой Московской области на коленях, сидел Игорь. Сонный Юрец нудил на заднем сиденье:

– Борисыч, говорил я – с «Дубков» начинать надо. Первый сайт был!

– Логичнее было с конца, – возразил Игорь, по совету которого они заехали сначала в «Сосны», потом в «Бор» и только теперь ехали в «Дубки». Он еще раз сверился с картой. – Сейчас первый поворот налево.

«Хаммер» взобрался на холм, выплыл из молочного тумана и предстал перед приближающимся «тигренок», подобно толкиеновскому Назгулу. Костя среагировал молниеносно.

– Ну, «тигренок», держись! – крикнул он, врубая пониженную передачу и разгоняя автомобиль до предела. Оранжевая малолитражка прошмыгнула мимо черного призрака и понеслась прочь.

– Давай за ними! – заорал Игорь, отбрасывая карту.

С ревом мотора и визгом шин «Хаммер» развернулся на влажном асфальте и погнался за «Фольксвагеном» со всей скоростной мощностью, на которую был способен.

Задремавшая Алина вздрогнула, открыла глаза и с испугом посмотрела на Костю:

– Что случилось?!

– Пристегнись! – бросил Костя, не пускаясь в долгие объяснения.

Алина оглянулась, охнула и вжалась в кресло, торопливо набрасывая ремень.

– Костенька, быстрее!

Мотор «Фольксвагена» ревел так, что слышался звон клапанов. Стрелка тахометра подбиралась к красной зоне. Костя со злостью сорвал болтавшуюся на зеркале заднего вида плюшевую собачку, чтобы не отвлекала, и заложил машину в поворот на скорости больше сотни. Шины завизжали, и «тигренок» юзом пошел в управляемый занос. Сергей Борисович решил, что на этом преследование кончится и беглецов можно будет вынимать сейчас из груды искореженного металла, но «Фольксваген» ловко вырулил и помчался по дороге, продолжая разгон. Паренек за рулем, похоже, был не так прост... И Сергей Борисович закусил тонкую губу, сжимая руль покрепче.

Костя прекрасно понимал, что скорости и мощи «Хаммера» может противопоставить только свое водительское мастерство. Шоссе, как назло, было ровным, и джип на такой трассе мог настигнуть «Фольксваген» в считанные секунды. Но движение, несмотря на ранний час, уже началось – значит, нужно идти на обгоны, какими бы рискованными они не были.

Впереди показался маленький автофургон. Костя пошел на обгон, но навстречу двигался микроавтобус. Предупредительно вспыхнули фары. Костя притормозил и вернулся на свою полосу. Микроавтобус пролетел мимо, а догнавший «Хаммер» плотно сел «тигренку» на хвост.

- Бей в бампер, на обочину вышибай! – вопил Юрец.
- Дави его, дави! – вторил ему Игорь.

Сергей Борисович прибавил газу, и «Хаммер» вот-вот должен был ткнуть «Фольксваген» в задний бампер, но оранжевая малолитражка снова взревела на пониженной передаче и пошла на обгон фургона, невзирая на то что дорогу впереди пересекал железнодорожный мост на мощных бетонных опорах. Обе полосы движения уходили в длинные туннели. Обгонять по туннелю мог только полный псих, но Сергей Борисович тоже был авантюрным парнем. Он повторил Костин маневр, и обе машины помчались по встречной полосе прямо в туннель под мостом.

Обгон был бы менее опасным, если бы дорога из туннеля не уходила налево. Алина со своего места первой увидела вынырнувший из-за поворота грузовик, схватилась за ручку над дверью и отчаянно закричала:

– Костя, Костя!

Тормозить и возвращаться на свою полосу было поздно – до въезда под мост оставались считанные метры, и Костя, насиливая мотор, прибавил еще газу. Больше всего он боялся, что потрепанный годами «тигренок» просто не выдержит: лопнет ремень ГРМ, пробьет тормозной шланг, вылетит на скорости рулевая тяга – и прощай, белый свет! Но Алина любила свою машину, и машина отвечала взаимностью. «Тигренок» держался молодцом. Оглашая туннель надсадным ревом, «Фольксваген» прибавил к скорости еще километров двадцать, вылетел из под моста и ушел на свою полосу перед самой мордой встречного грузовика, водитель которого был

в таком шоке, что даже не прижался к обочине. Костя видел, что успел проскочить в последний момент и понимал, что у «Хаммера» шансов избежать столкновения уже не осталось. Еще секунда и сзади должен был раздаваться страшный железный грохот. Жалко водителя грузовика...

Но Сергей Борисович был хоть и авантюрист, но не самоубийца. Поняв, что обгон не получится, он в последний момент вильнул вправо и вернулся на свою полосу в сантиметре от мостовой опоры, снова оказавшись за кормой неспешно трусившего автофургона. Юрец на заднем сиденье сдавленно выдохнул.

– Полегче, не Фаберже везешь, – сказал он, ерзая на сиденье.

– Рот закрой! – рявкнул Сергей Борисович, повторно обгоняя фургон, теперь уже за мостом. Благодаря рискованному маневру, «Фольксваген» вырвался вперед на пару сотен метров. Ничего, эту фору они наверстают быстро!

Костя бросил взгляд в зеркало – «Хаммер» уверенно настигал. Впереди показался длинный подъем, по которому тащилась колонна самосвалов. Проклятье! Обгон колонны в гору – задача для «Порше», а не для слабенького «гольфа». Будь между самосвалами дистанция больше, их можно было бы обгонять поочередно, но грузовики ехали друг за другом вплотную, почти как вагоны поезда. Любая встречная машина сделает уход на свою полосу невозможным... Была не была! Костя разогнался по прямой, чтобы не пришлось

пришпоривать «тигренок» на подъеме, и пошел на обгон с ходу, рассчитывая нанизать самосвалы одним махом. Один, второй, третий... Сколько же их? Впереди замигал фарами встречный «каблук» – старенький «Иж» с фургоном-кубиком. Впереди еще два самосвала, а «тигренок» уже теряет скорость. Костя немилосердно рванул коробку с четвертой передачи на вторую и выжал газ в пол. Стрелка тахометра ушла в красную зону, а движок задребезжал, как старый школьный звонок. Вот так моторы и клинят! Но сердце «тигренок» выдержало и на этот раз – головной самосвал остался позади, и Костя благополучно ушел на свою полосу. Водитель «каблука» проводил его обалдевшим взглядом. Это было последнее удивление, которое он испытал в своей жизни – дальше был только ужас.

Увидев Костин обгон, Сергей Борисович зло процедил сквозь зубы лишь одно слово: «Сученыш!» Повторять за этим парнем каждый смертельный трюк он был не готов, но отступить было некуда. «Хаммер» тоже пошел на обгон колонны, и почти сразу Сергей Борисович увидел встречный «Иж».

– Борисыч, уходи, каблук! – заорал Юрец, вжимаясь в сиденье.

Борисыч не ушел. Мигая фарами и отчаянно сигналив, он танком попер в лобовую атаку. На узкой полосе, ограниченной с одной стороны обрывом, а с другой – колонной самосвалов, две машины стремительно сближались, и столк-

новение было неизбежным. Только один автомобиль был стареньким дряхлым трудягой, а другой – накаченным до неприличия мускулистым амбалом. Трудяга не выдержал. За секунду до удара «каблук» ушел вправо, слетел с дороги и закувыркался вниз по склону обрыва, сминая крышу, фургон и разбрасывая из нутра полцентнера крепкой белокочанной капусты, которую с нетерпением ждали на маленькой частной ферме двести пушистых русских кроликов. Капусты они не дождались, так же как и своего хозяина.

– Урод... – процедил Сергей Борисович, мельком обернувшись на улетевший с дороги «каблук», и продолжил преследование.

Косте удавалось уходить от «Хаммера» еще дважды. Один раз он выиграл метров пятьсот, обогнав по правой обочине огромный лесовоз. Другой раз оторвался метров на двести, промчавшись по отрезку проселочной дороги, идущему вдоль речной дамбы. На неровном участке легкий «Фольксваген» неожиданно оказался проворнее джипа – тяжелый «Хаммер» стало так подкидывать на ухабах, что Сергей Борисович оказался перед выбором – сбросить скорость или свернуть себе шею, ударившись головой в потолок. Но долго эта неравная борьба продолжаться не могла. Впереди показалась прямая как стрела бетонка, свободная от машин до самого горизонта. Костя понял, что все кончено – на этой дороге «Хаммер» должен был настигнуть их окончательно.

– Костя, быстрее, пожалуйста! – умоляла Алина, глядя,

как догоняет их страшный джип.

– Я жму все, что можно!

– Конец суке... – прошипел Сергей Борисович.

– Прессуй его, прессуй! – орал Игорь.

– Бей в левый угол! – подсказывал Юрец.

«Хаммер» догнал «тигренок» и прицелился кенгурятником в левый угол заднего бампера. Запаса мощности было достаточно, чтобы разогнаться и нанести удар, от которого «тигренок» кубарем покатился бы на обочину, но Сергей Борисович медлил, выбирая момент наверняка. Алина заплакала от страха.

– У тебя в багажнике есть что-нибудь?! – отчаянно крикнул Костя.

– Что?

– Ну не знаю – масло, стекла, гвозди? – Он сам не мог понять, на что надеется. Швырнуть в лобовое стекло джипа горсть каких-нибудь железок, плеснуть на дорогу канистру масла... Шансов мало, но вдруг повезет.

Алина переползла на заднее сиденье и стала лихорадочно рыться в барахле, наваленном в отделении багажника.

– Твоя камера... Чемодан... Аптечка... Огнетушитель...

Сергей Борисович увидел впереди на обочине частоконкретных столбов и понял, что представилась лучшая возможность для расправы с «Фольксвагеном» и его пассажирами. Влетев в эти столбы на такой скорости, легковушка превратилась бы в сплошное месиво, и никто не смог бы опре-

делить, была ли причиной аварии оплошность водителя или чье-то навязчивое вмешательство. Он надавил педаль газа. В этот момент заднее стекло «Фольксвагена» рассыпалось мелкими осколками от сильного удара изнутри, и в сторону «Хаммера» направился какой-то черный раструб. Сергей Борисович инстинктивно сбросил скорость, а в следующую секунду в лобовое стекло джипа полетело густое облако белого порошка. Невесомая пудра, предназначенная для тушения «горючесмазочных материалов, ветоши и электропроводки» залепила стекло так плотно, что не помогали даже вовремя включенные дворники. Машина будто нырнула в сметану.

– Сука! – проорал Сергей Борисович, все еще не решаясь затормозить и упустить беглецов.

На скорости сто пятьдесят километров в час обстановка меняется каждую секунду. Дорога, казавшаяся идеально прямой, на самом деле сделала едва заметный изгиб влево. Чтобы остаться на полотне, хватило бы ничтожного движения руля, но сделать это движение можно было, только увидев его необходимость. Сергей Борисович не увидел. «Хаммер» срезал бетонный столб и полетел вниз по крутому длинному склону в сторону небольшого коровника.

– Тормози, Борисыч! – молил Юрец, хватаясь за все, что можно.

– Тормози! – кричал Игорь, упираясь руками и ногами. – Тормози, приехали!

Но остановить трехтонную машину было уже невозможно.

«Хаммер» прошиб ограду коровника и, провожаемый равнодушными взглядами буренок, с грохотом врезался в набитый кубами прессованного сена кормовой сарай. Сверху на него упала крыша.

Глава 25

Аэропорт «Домодедово» кипел жизнью, как переполненный рыбой аквариум. Рулили по дорожкам разноцветные самолеты, шныряли туда-сюда грузовички-карго и багажные автокары, вальяжно проплывали самоходные трапы. Потрепанный, запыленный «тигренок» проехал по пандусу и обессиленно остановился на огромной автостоянке, над которой с ревом пролетал пузатый зеленый аэробус. Погоня выглядела ресурс старенькой малолитражки дотла, и «Фольксваген» буквально разваливался. Алина медленно выбралась из машины. После пережитого она с трудом держалась на ногах, но старалась выглядеть бодрой. Костя вытащил из багажника чемодан на колесиках и поставил его на землю. Пришло время прощаться.

– Я прошу тебя, пожалуйста, будь осторожен, – напутствовала Алина.

– Все будет нормально... – успокоил ее Костя. – Как только смогу, прилечу к тебе в гости.

Ночью они договорились, что он постарается приехать в Лондон на Новый год, и расставание казалось временным. Но сейчас Алина с горечью призналась себе в том, на что они так усиленно пытались закрыть глаза. Губы девушки задрожали.

– Костя, сколько раз ты прилетишь? – спросила она, и в ее

глазах показались слезы. – Три? Пять? Кого мы обманываем?

Костя отвел взгляд. Он тоже понимал, что несколько приездов в течение пяти лет едва ли сохранят отношения. И никто не говорил, что через пять лет Алина вернется – скорее всего, снова продлит свой контракт и останется в Лондоне насовсем. Алина с грустью смотрела на Костю, и он чувствовал, что теряет ее второй раз. Прощаться навсегда, глядя глаза в глаза, было гораздо тяжелее, чем оставить записку и уйти, не оглядываясь.

– Нулевой километр разрывается... – пробормотал он, пытаясь подобрать какие-то правильные слова.

– Я должна... – прошептала Алина большее самой себе.

– Не будем ничего решать, – сказал Костя как можно тверже. – Пусть все будет так, как будет.

Правильнее всего было положиться на время. Пусть оно решает за них – сохранить невидимую нить, соединяющую их сердца, или безжалостно порвать ее. Алина благодарно улыбнулась, обняла Костю и поцеловала его сначала в губы и потом еще раз в щеку. Он прижался к ней, стараясь как можно лучше запомнить запах ее волос. Еще один лайнер пролетел над пандусом, накрывая их оглушительным ревом. Алина отстранилась, задержала на Косте долгий взгляд и, вернувшись, быстро зашагала к терминалу, волоча за собой чемодан на колесиках. Пройдя полпути, она вытащила из кармана джинсовой курточки большие темные очки и спрятала за ними глаза, из которых неудержимо текли слезы.

Она плохо помнила все, что было потом. События остались в памяти обрывками, похожими на фрагменты сумбурного сна. Она помнила, как поставила свой чемодан на ленту досмотра и прошла через рамку металлодетектора. Помнила, как, увидев ее, Глен Смолвуд радостно заулыбался, а потом, обняв за плечи, взволновано спрашивал, что случилось? Помнила, как стояла в очереди на паспортный контроль, и каждый шаг, приближавший ее к щелкающему штемпелю, казался ей шагом к беспощадной гильотине. Последний эпизод в этом сне был самым ярким: штемпель кляцнул прямо перед ней и оставил в ее паспорте четкий темно-синий штамп. Дальше все расплылось...

Очередь из автомобилей медленно продвигалась к шлагбауму, который поднимался и опускался, пропуская по одной машине. Среди этих машин был оранжевый «Фольксваген». Костя трогался впереди притормаживал на автопилоте: он не видел ничего вокруг и ничего вокруг себя не слышал. Из динамиков радиоприемника к нему пробился бравурный джингл «Европыплюс». Костя потянулся выключить радио, но вдруг зазвучала песня, которая оказалась настолько созвучной его настроению, что он остановился.

«Как больно потерять, все то, что ты любил... – запел неизвестный Косте певец, и почему-то ему показалось, что это поет он сам. – Останься хоть на миг, но ты уходишь...»

Машины одна за другой проезжали через турникет. Шлагбаум поднимался и опускался, и, приближаясь к нему, Ко-

стя ощутил себя идущим на эшафот. Сейчас он вставит в автомат парковочный талон, и через секунду полосатая балка опустится за его спиной, навсегда отсекая его любовь и оставляя ее в прошлом.

«Сейчас или никогда, есть только один ответ, мы больше не можем ждать, и делаем выбор между нет и да...» – грянул из колонок припев песни.

И словно для того, чтобы вывернуть душу Кости наизнанку, проклятая память стала услужливо подкидывать ему яркие слайды воспоминаний. Он видел Алину в легком пестром сарафанчике за столиком в кафе, когда она салфеткой вытирала его перепачканный молочной пеной нос; Алину – в черной блузке с лентой в волосах, когда она под его руководством старательно и неумело крутила руль на тренировочной площадке; Алину – в развевающемся платье, когда она танцевала на крыше под заходящим солнцем; Алину – в его объятиях...

Костя потрянул головой, отгоняя наваждение. Выбора между «нет» и «да» у него не было – уехать с Алиной оказалось невозможным, а уговаривать ее остаться было бы с его стороны бесполезным малодушием. Он вставил в турникет свой талон и прогазовал «тигренок», чтобы тот порезвее унес его прочь, едва шлагбаум поднимется. Но шлагбаум не шелохнулся – сверху загорелся красный сигнал светофора, а на дисплее турникета появилась надпись: «Оплатите парковку». Раздраженно хлопнув дверцей, Костя пошел к авто-

мату оплаты, доставая на ходу деньги. Сзади послышались недовольные голоса водителей, которые из-за его рассеянности вынуждены были томиться без движения лишние пять минут.

Костя вынимал из автомата оплаченный талон, когда площадка автостоянки содрогнулась от сильнейшего рева, и в небо взмыл огромный «Боинг-747». Костя проводил самолет опустошенным взглядом. Едва ли на борту этого лайнера была Алина – она скорее всего только шла на посадку, но Косте хотелось думать, что она именно там, в этом громадном летающем корабле, и может быть, даже смотрит на него, прильнув к одному из сотни иллюминаторов. Костя невольно поднял руку, словно хотел помахать. И в этот миг откуда-то издалека донесся такой родной и любимый голос:

– Костя!

Кричали точно не из самолета. Кричали с близкой, грешной, абсолютно реальной земли. И это не было галлюцинацией.

– Костя!!!

Он обернулся. Алина медленно спускалась по пандусу. Встретив его взгляд, она остановилась и улыбнулась. И эта солнечная улыбка яснее любых слов ответила на Костин вопрос: «Что ты сделала?!» Она говорила: «Я осталась».

Эпилог

Миловидная дикторша в строгом приталенном пиджачке, сложив руки перед собой, как примерная ученица, серьезно вещала с экрана телевизора:

– Органами МВД была обезврежена банда «черных маклеров», которые изобрели варварский способ отъема квартир и убивали пожилых людей при помощи радиоактивных тайников...

На телеэкране возник ангар автосервиса, в котором бойцы ОМОНа, похожие в своем облачении на киборгов, припечатывали к разбитой морде «Хаммера» Игоря и Юрца.

– Ноги шире! Только дернись – убью! – слышались выкрики.

Следом показали подземный гараж под офисом «Хрустального дома». Такие же киборги выволокли из серебристой машины Сергея Борисовича, не церемонясь, дали ему под ребра и расплющили лицо голубоглазого красавца о боковое стекло. Матерый шеф «черных маклеров» хрипел: «Ну все, все!» – и дергал плечами, пытаясь ослабить жестокий залом.

В следующем кадре сотрудники милиции под руки выводили из квартиры еле живого старика, в котором невозможно было узнать бойкого ветерана, пару месяцев назад распивавшего с Олегом коньяк и всерьез собиравшегося в свои

восемьдесят лет в четвертый раз жениться.

В его квартире орудовал специалист в костюме радиационной защиты. Он замерил высокий радиационный фон около вскрытой в стене ниши, длинными металлическими щипцами вытащил оттуда небольшой свинцовый контейнер и спрятал его в недрах другого контейнера, в несколько раз больше.

– Выйти на след группировки удалось после того, как один из членов банды погиб в автомобильной катастрофе, которую снял случайный свадебный оператор, – продолжала комментировать дикторша.

На экране появились кадры свадебной гулянки. Празднично одетые молодые люди с бокалами в руках хохотали и горланили на набережной Москвы-реки. Невеста в белом платье вдруг вытянула руку и закричала: «Смотрите!»

Камера развернулась, поймала в кадр мчащийся к реке «БМВ» и документально зафиксировала его падение в воду. Догадаться, что эти два кадра были сняты с интервалом в несколько месяцев, было невозможно. «Эффект Кулешова» создавал достоверное единство места и времени, и была полная иллюзия, что случайный оператор заснял настоящую катастрофу, случившуюся на глазах свадебной процессии.

– На месте аварии была найдена папка с документами, полностью изобличающими деятельность преступников. Прокомментировать ситуацию мы попросили генерала милиции Виктора Бондарева, который сразу взял следствие под

личный контроль.

На экране появился Вэ Эс – Виктор Семенович Бондарев в элегантном сером костюме и галстуке. Генерал милиции был строг и насуплен, его лицо выражало непреклонную решимость бороться с преступностью до конца.

– Это жестокое и циничное преступление, – сурово заявил он. – И я со всей ответственностью заявляю, что все, кто замешан в этом деле, понесут заслуженное наказание.

Посмотрев напоследок в объектив долгим угрожающим взглядом, Бондарев скрылся в черном «Мерседесе» с мигалками. Криминальный репортаж кончился. Дальше передавали сводку погоды.

На Москву надвигался циклон.